

И Ю Н Ь | 2 0 2 3

Русский Мир. RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СПАСТИ ВОЛГУ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

РУССКИЙ МИР

04 Евразийский диалог

РЕПОРТАЖ

06 Никто за тебя этого не сделает

НАСЛЕДИЕ

34 Лукавый маг

42 Михаил Михайлович + Ляля

ИСТОРИЯ

12 Пушки и музы Крымской войны

18 Воспитание российского Телемака

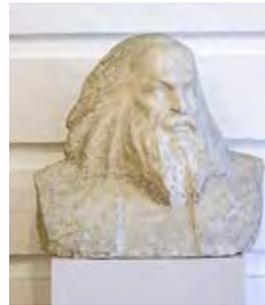

26 Рыцарская Гатчина

МУЗЕИ

48 Собрание русской старины

58 Не щедринский генерал

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

66 Колокольное время художника Морозова

КУЛЬТУРА

70 Жизнь сельского храма

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Искусство создавать реальность

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 Остров Балчуг. Музыка и шоколад

СИТУАЦИИ

90 Водорослям — крышка

Председатель правления фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Николай АНДРЕЕВ

Александр БУРЫЙ

Павел ВАСИЛЬЕВ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Ирина ИВИНА

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Зоя МОЗАЛЁВА

Татьяна НАГОРСКИХ

Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

Наталья РАЗУВАКИНА

Евгений РЕЗЕПОВ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

**АНТОНИЙ
(СЕВРЮК А.Ю.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.

Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ЕВРАЗИЙСКИЙ ДИАЛОГ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОКОЛО 350 ЖУРНАЛИСТОВ, БЛОГЕРОВ И ФОТОГРАФОВ ИЗ 15 СТРАН, ВКЛЮЧАЯ ИНДИЮ, СЕРБИЮ И ГРЕЦИЮ, СОБРАЛИСЬ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 19–22 МАЯ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В XVII МЕЖДУНАРОДНОМ МЕДИАФОРУМЕ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР». ОРГАНИЗАТОРАМИ ВЫСТУПИЛИ МЕДИАКОНГРЕСС «СОДРУЖЕСТВО ЖУРНАЛИСТОВ», ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ, СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ И ФОНД «РУССКИЙ МИР».

КОНФЕРЕНЦИИ ФОРУМА прошли в Эрмитажном театре. Выступая перед участниками, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский подчеркнул, что сегодня, когда мир стремительно меняется, очень важна роль журналистов. «Каким мир будет, зависит в том числе и от вас, от того, как вы будете смотреть на эти изменения, – отметил Михаил Пиотровский. – Легко найти повод для

вражды, гораздо труднее найти повод для диалога в сложных исторических ситуациях».

Приветствие участникам форума от губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова зачитал главный редактор портала «Петербургский дневник» Кирилл Смирнов.

«Мы живем в непростое, переломное время, – сказал в своем выступлении исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин. – Сегодня че-

ловечество стоит перед цивилизационным выбором: однополярным или многополярным будет будущий мир? Растущее самосознание многих стран разрушает картину однополярного мира, который навязывался нам много десятилетий. И в этом процессе многое зависит от взгляда журналистов на происходящие события». Владимир Кочин подчеркнул, что исторически русский язык стал средством межкультурной коммуникации для многих народов. Глава фонда выра-

Журналистов приветствовал директор Эрмитажа Михаил Пиотровский

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин

зил уверенность, что собравшиеся в Петербурге журналисты найдут на форуме новых друзей и наладят сотрудничество с коллегами из разных стран.

Участие в форуме дает возможность журналистам представить свои проекты, рассказать о национальных традициях и поделиться идеями. Корреспондент донецкого телеканала «Юнион» Анна Дорофеева привезла документальный фильм «Алтарь памяти. Саур-Могила», повествующий о восстановлении мемориального комплекса, разрушенного во время военных действий 2014 года. «Последние девять лет мы жили в изоляции, без права голоса, – говорит Анна. – Точнее, этот голос никто не хотел слышать. Сейчас ситуация изменилась. Очень волнительно иметь возможность говорить в медиапространстве не только России, но и всей Евразии». «То, что происходит здесь, очень важно, – уверена корреспондент телеканала

Исполнительный директор ИА «Россия сегодня» Кирилл Вышинский

«Тошкент» Фируза Гафурова. – Несмотря на то, что мы говорим на разных языках и представляем разные страны, нас объединяет общая история». «С помощью нашего проекта мы добиваемся того, чтобы народы дружили, мы снимаем фильмы, рассказывающие о единении грузинской и русской культур», – рассказывает редактор Telegram-канала тбилисского культурного центра «Азбука» Нино Джапаридзе. А Джамия Насырова из Таджикистана (телеканал «Сафина») благодарна организаторам, потому что «этот форум смог объединить не только представителей разных культур и разных стран, но и представителей разных поколений. Каждый из нас приехал сюда за новыми возможностями, знаниями и знакомствами».

В рамках форума состоялось подведение итогов Всероссийского конкурса «Я живу в России», на который было прислано более 3 тысяч работ из 75 регионов РФ. Победителей конкурса наградил дипломами председатель Союза журналистов России Владимир Соловьев. Кроме того, в ходе форума прошел Фестиваль документальных фильмов, телевизионных программ и видеопроектов для цифровых платформ «Я здесь живу», в котором участвовали представители 14 стран. А 20 мая в Большой анфиладе Главного штаба открылась фотовыставка «Я здесь живу: 400 лучших работ молодых авторов Евразии», рассказывающая о самобытности культур разных народов. Финальной акцией форума стало путешествие участников по Серебряному ожерелью – Гатчине, Шлиссельбургу, Тосно, Выборгу, Великому Новгороду, Петрозаводску и Пскову, где журналисты смогли познакомиться с жизнью современной России и рассказать о ней в своих репортажах.

«Наш медиафорум дает возможность понять, что бескрайняя и непознанная Евразия на самом деле сплетена невидимыми, но прочными узлами – диалогами, идущими на разных уровнях. Проекты, преодолевающие границы, особенно важны теперь, когда ситуация в мире накалена до предела, когда делаются попытки отменить русскую культуру. Мы же заменяем отмену культуры диалогом культур», – отметил председатель оргкомитета форума Ашот Джазоян.

Глава Союза журналистов России Владимир Соловьев

Председатель оргкомитета форума Ашот Джазоян

Молочные продукты в зону СВО настоятель храма Святого Праведного Иоанна Кронштадтского иерей Владимир отправляет со своей семейной фермы

именно ему настоятель саранского храма Святого Праведного Иоанна Кронштадтского отец Владимир (Кугушев) доверил самую ответственную операцию. Аккуратнее и крепче рук, чем у Николая, не нашлось. Он и жар, которым пышет плита, нормально переносит. И банку, в которой швы разошлись, сразу углядит. Николай знает, почему сегодня отец Владимир зашел к нему в самый разгар работы. Совсе не затем, чтобы готовые свечи пересчитывать: вон их сколько скопилось, хотя последнюю партию отправили только вчера. Банок пустых – достаточно. А вот с парафином – проблемы. Слева от Николая лежит последний кусок, и нового взять пока нетгде. Потому Николай медленно и осторожно орудует ковшом, буквально цедит парафин в очередную банку. «Что ж, придется опять свечные огарки собирать. Да еще вот пасечники обещали воск привезти», – вздыхает отец Владимир.

НИКТО ЗА ТЕБЯ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЕТ

АВТОР
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

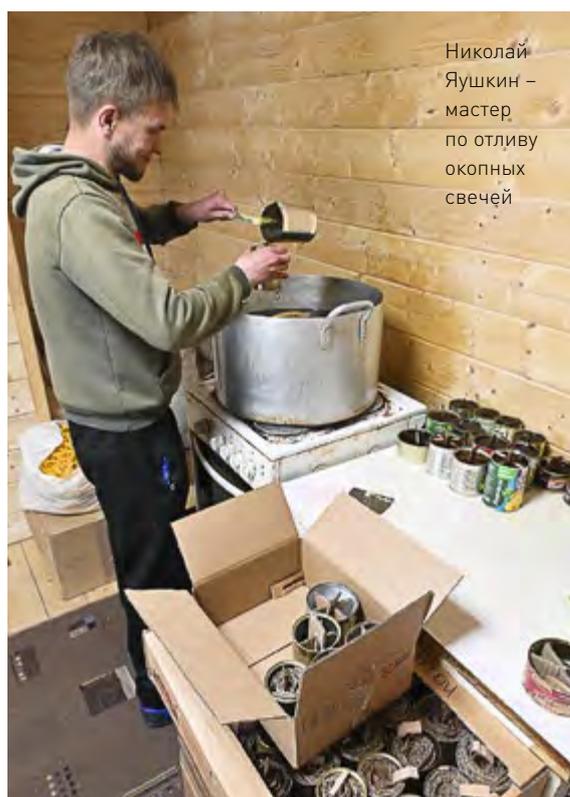
ФОТО
АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЗАГОВАРИВАТЬ С НИКОЛАЕМ, КОГДА ОН РАЗЛИВАЕТ ПАРАФИН ПО БАНКАМ, НЕЖЕЛАТЕЛЬНО: ВДРУГ РУКА ДРОГНЕТ И ПАРАФИН ИЗ КОВША ПРОЛЬЕТСЯ МИМО. КОМУ НУЖНЫ ТАКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ? МАЛО ТОГО ЧТО ПАРАФИН ПРОПАДЕТ, ТАК ЕЩЕ ПОТОМ ПЛИТУ ОТ НЕГО НУЖНО БУДЕТ ОТМЫВАТЬ.

Н А ЗАЛИВКУ ОДНОЙ банки уходит в среднем 360 миллилитров парафина, который плавится на электроплите в 40-литровой емкости. В банки уже уложены фитили из картона. Николай набирает ковшом расплавленный парафин и наполняет им жестяную банку с надписью «Зеленый горошек», оставляя сантиметр верхней части фитиля не залитой. Готовую окопную (она же блиндажная) свечу Николай ставит рядом с такими же банками.

На некоторых из них сохранились надписи: «Фасоль», «Ананась», «Детское питание». Рядом стоят пустые банки, с которых аккуратно сняты бумажные этикетки – делать это необходимо, чтобы они не тлели во время горения свечи.

В комнату, где парафин разливают по банкам, посторонних без особой надобности просят не входить. Для того, чтобы не отвлекать Николая. Он плоховато слышит и может от неожиданного шума пролить парафин. Но

Николай Яушкин – мастер по отливу окопных свечей

**БАЛАНС БАНОК
И ПАРАФИНА**

Отец Владимир рассказывает, что осенью и зимой были проблемы и с банками для окопных свечей. Это сейчас, когда к их сбору подключились прихожане и городские организации, их много.

Сегодня приход храма Святого Праведного Иоанна Кронштадтского – самый крупный в Мордовии производитель окопных свечей. Отсюда в зону СВО их отправили уже около 20 тысяч штук.

Как-то после службы к отцу Владимиру обратился прихожанин: «Нет ли у вас пустых банок из-под консервов?» «А для чего они нужны?» – поинтересовался священник. Выяснилось, что отец прихожанина делает дома окопные свечи. Отец Владимир решил, что их можно делать при храме, и попросил того самого прихожанина поделиться опытом. Выяснилось, что ничего сложного в процессе нет, нужно только помещение и готовность мириться с копотью и грязью. Отец Владимир обратился к прихожанам с просьбой приносить старые жестяные банки без дырок и трещин. И люди откликнулись. Весь коридор был забит банками из-под консервов.

На всякий случай процесс изготовления окопных свечей изучили по видео в интернете. Он действительно несложный. Картонные фитили можно сворачивать «улиткой» или спиралью, а можно устанавливать в банке крест-накрест. Чтобы картон лучше держал форму, можно скрепить его проволокой. Фитили нельзя набивать в банку слишком плотно. И нельзя заливать их растопленным парафином полностью. Вот и вся наука. Кстати, с картоном проблем нет: магазины отдают коробки в любом количестве.

В приходе вывели средний стандарт работы окопных свечей. Например, банки из-под зеленого горошка горят около четырех часов. Банки из-под ананасов – шесть-семь часов. А из-под детского питания – до двенадцати

ти часов. «Время горения определили опытным путем, – говорит отец Владимир. – У нас тут действует что-то вроде собственного отдела технического контроля». Сначала собирали в храме огарки свечей, плавил их и заливали воск в банки. Но таким образом много окопных свечей не сделаешь. Священник вновь обратился к прихожанам за помощью, и люди стали приносить парафин. Кто сколько мог. Чуть позже отец Владимир нашел в Ярославле завод по производству парафина, где на пожертвования стали закупать сырье. Как подсчитали в храме, на изготов-

Использованные банки, которыми забит склад, собирали всем миром

Нужда в окопных свечах есть и зимой, и летом

ление окопных свечей уже израсходовано 5 тонн парафина.

Когда запаслись парафином, выяснилось, что возник дефицит банок. Проблему удалось решить быстро. Не только школы и детские сады, куда в жестяных банках поступают продукты, но и многочисленные городские организации, узнав о деятельности прихода храма Иоанна Кронштадтского, стали свозить сюда пустую тару.

А вот теперь баланс снова нарушен: банок много – парафина не хватает. Дело в том, что отец Владимир раздавал его всем, кто изъявлял желание делать окопные свечи дома. Как можно было отказать? Ведь спрос на окопные свечи огромный! Вот, например, из соседней с Саранском Рузаевки в храм регулярно приезжала семья за парафином и банками. На своей кухне они отлили более 2 тысяч свечей. «Как они дома все это делают – представить трудно, – разводит руками отец Владимир. – В квартире это сложно. Грязь. Копоть. Свечи по весу тяжелые. Вот маскировочные сети вязать – это более чистая работа!» Кстати, маскировочные сети в приходе тоже вяжут.

**ПИРОЖКИ НА БУРЖУЙКЕ
И ТРУДНЫЕ ПОДРОСТКИ**

Отец Владимир был очень тронут, когда ему прислали видео, на котором бойцы на буржуйке разогревают пирожки. А сама буржуйка разогревается окопной свечой. Двух-трех таких свечей хватает для того, чтобы печка согрела блиндаж до утра.

Между прочим, на печке разогревали пирожки, испеченные в трапезной храма Иоанна Кронштадтского. Отправлять замороженные пирожки бойцам СВО предложила повар Лидия Федоровна, которая заведует трапезной. Вообще-то отец Владимир собирался отсылать нашим ребятам на передовой блинчики с творогом в замороженном виде. Но Лидия Федоровна убедила его, что пирожки – лучше. Ей ли не знать! Ее обеды известны в Саранске, ведь их в специальных

армейских термосах бесплатно доставляют нуждающимся.

Иоанн Кронштадтский при жизни был известен своим социальным служением и благотворительностью. Отец Владимир следует в этом же направлении. Помимо организации бесплатных обедов помогает людям, оказавшимся в трудной ситуации. Вот недавно у него появились новые подопечные. Из районной администрации отцу Владимиру прислали трудных подростков. Юноши явились в сопровождении сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних. Отец Владимир провел с ними беседу, объяснил, что тратить молодость на правонарушения как-то не по-мужски. Рассказал, что маскировочные сети спасают бойцам жизнь. А окопные свечи согревают солдат. Особенно впечатлил ребят видеоролик с благодарностями от участников СВО. В темном блиндаже, где, кроме рук и огня, трудно что-то разглядеть, звучит бодрый мужской голос: «Ребята! Все работает! За двадцать минут вскипела вода! Гречка сварилась! Спасибо!» Эту же видеозапись настоятель храма часто показывает студентам и школьникам, которые приходят помогать прихожанам делать свечи: сортируют банки, набивают их фитилями, упаковывают готовые изделия в ящики. «Они помогают, а вы почему без дела слоняетесь? Не стыдно?» – спросил парней отец Владимир. Так у него появились новые помощники. Священник сразу предупредил их: при изготовлении свечей в храме не ругаться, праздные разговоры не вести, не сплетничать, не осуждать близких. Отец Владимир считает, что постепенно у ребят жизнь наладится, а кто-нибудь из них, может, станет и прихожанином.

При храме действует Русская классическая школа имени святого праведного Иоанна Кронштадтского. Увидев, как дети молятся и помогают набивать банки фитилями, трудные подростки призадумались о своей

Воспитанники Русской классической школы имени святого праведного Иоанна Кронштадтского пишут письма участникам СВО

Эти наивные детские рисунки с пожеланиями пусть на минуту, но согреют бойцов

жизни. А может, общий настрой на них подействовал? После каждой службы в храме читается молитва о Святой Руси, составленная патриархом Кириллом. В посылки бойцам вкладывают иконки и письма. На каждой коробке написано: «Низкий поклон воинам нашим! Берегите себя!» Среди прихожан, приходящих в храм помогать, есть даже пожилые люди на костылях. Такое не только бывших хулиганов, а кого хочешь вразумит.

Не раз трудные подростки наблюдали отправку из храма и особо ценного груза. У настоятеля есть сын, который вместе с женой содержит небольшую молочную ферму. Ради нее молодые люди расстались с городской жизнью и уехали в село. Ухаживать за 25 коровами, заниматься переработкой молочной продукции – труд нелег-

кий. Отец Владимир и не думал, что его молодая сноха научится доить коров. Вот уже который месяц в специальной упаковке четверть производимых на ферме молочных продуктов – масло, творог, сметана, сливки и сыр – отправляется в зону СВО. Об этом священник говорит мало и с неохотой.

Он показывает помещения, где копят посылки бойцам, и сетует, что в последнюю партию не удалось втиснуть все банки с медом, присланные жителями сел. Забитая доверху машина просто не могла их принять на борт из-за перегрузки.

...Во дворе храма отец Владимир с лязгом поднимает железные жалюзи, прикрывающие вход в беседку. «Душевная вот беседка была, – смеется он. – Тоже приспособили под склад. Сюда пустые банки для свечей складываем. Эх, жаль, парафин закончился. Надо искать». Священник задумывается на мгновение и признается, что сейчас у него есть еще одна забота. На днях к нему обратилась прихожанка, мать участника СВО. Она передала личную просьбу сына. Сейчас они делают блиндажи, и им нужны стройматериалы. Поглаживая бороду, отец Владимир говорит, что с такой задачей еще не сталкивался. Но помочь обещал. А уж как – Господь подскажет...

«Z-СЕТИ МОРДОВИИ»

Сегодня хореограф саранского Дворца водных видов спорта Юлия Куликова дежурная в мастерской, где вяжут маскировочные сети. Нужно провести влажную уборку, навести порядок, проследить, достаточно ли лоскутов нарезано. В мастерскую она пришла раньше всех и уже подготовила инструменты и материалы. Кроме того, Юлия должна встречать новичков и объяснять им, что делать. Она же принимает готовые маскировочные сети, которые волонтеры привозят из районов, и выдает им материал для работы. А еще дежурная должна встретить тетю Любу, которая приходит к полудню и кормит всех участниц группы «Z-сети Мордовии» вкусным обедом. «Город Темников просит десять сетей», – говорит Юлия, проверяющая журнал, в котором отмечается расход материалов и количество изготовленных сетей. «Давай отдадим им двенадцать, – отвечает Наталья Сапунова, которая, щелкая ножницами, колдует над каким-то лоскутом. – У них плюс одна точка по плетению, просили они... Кстати, ты проверила их сети, нормально сплели?» «Нормально, – кивает Юлия. – Единственное замечание – шуршащий материал.

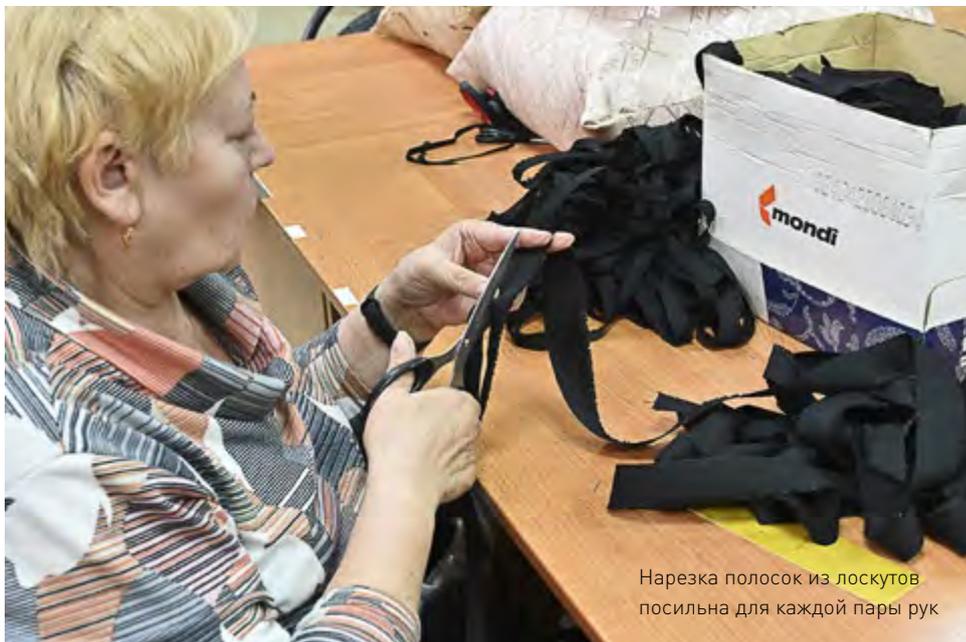
«Сильно шуршит? – беспокоится Наталья и идет проверять привезенные сети. – Да нет, нормальный уровень шума». Наталья Сапунова, инструктор-методист спортивной организации, является координатором группы «Z-сети Мордовии». Здесь вяжут маскировочные

Во время вязки маскировочных сетей разговоры только благочестивого характера

сети и шьют маскировочные костюмы. Начав первыми в Мордовии вязать сети, волонтеры также взялись обучать этой науке других добровольцев в районах республики.

«У нас есть своя фирменная сеть, которую мы назвали «Эрзя», – рассказывает Наталья. – Плетется она тонкими полосками. Ребята оценили, они уже ее использовали и еще просят. А также наша группа избрала новую нарезку. Назвали ее «елочкой». К нам иногда поступают тонкие ткани. Раньше мы не знали, что с ними делать. Пробовали вплетать их в ячейки сети, получалось не очень хорошо – слишком они жесткие. Я дома ночью сидела, резала их и так и этак, а потом подрезала сбоку по длине. Получилась «елочка». Я предложила такой вариант для «гирлянд». И он пошел!» Нарезкой здесь называют вырезанные из лоскутов детали, которые вплетаются в ячейки промысловой рыболовной сети, натянутой на раму. Это и есть основа маскировочной сети, в которую вплетают так называемые «галстуки», «паучки» и «гирлянды». В мастерскую доставляют мешки лоскутов – отходы местных швейных производств. Лоскуты сортируются по цвету и типам ткани.

Все в группе познавалось на опыте. Так, кромка оказалась жестковатой, а трикотаж и флис заметно утяжеляют маскировочную сеть и впитывают слишком много влаги. Тогда для вязки сетей стали закупать нетканый материал – спанбонд. Он легче и, что важно, не промокает. С закупками спанбонда и джута, который идет на маскировочные костюмы «Леший» и «Кикимора», мастерицам помогает волонтерская группа «Мордовия-Z», которую организовала Татьяна Лютыг. Волонтерам-новичкам, приезжающим из районных центров и сел, выдаются мешочки, наполненные миксом из разных нарезок. Это образцы. На одну сеть уходит полтора килограмма

Нарезка полосок из лоскутов
популярна для каждой пары рук

ма микса. Получив такие мешочки, люди потом по этим образцам сами набирают аналогичные по составу миксы. Поэтому все сети, которые изготавливаются в «Z-сети Мордовии», на выходе получаются одинаковыми. Этот способ придумала Наталья Сапунова.

Если нарезкой можно заниматься дома, то для вязки сетей нужно пространство – ведь основа сети натягивается на большую деревянную раму. Каждый день, с утра до вечера, включая выходные и праздники, над сетями в группе колдует не менее 20 человек. А на пятницы, как правило, приходится наплыв новичков. Поначалу им не всегда понятен сленг группы. Например, в своем чате в интернете участницы «Z-сети Мордовии» пишут не «работаем», а «шуршим» с такого-то до такого часа. Это слово прижилось, когда сети плели «гирляндой», когда сети плели «гирляндой». Дело в том, что, когда ленточку нарезки продергивают в ячейку сети, слышно легкое шуршание. Когда то же самое делают несколько человек, шуршание становится довольно громким – будто листопад в осеннем лесу...

В руках у Олеси Беляевой нашлемник, на который нашиты лоскуты ткани в виде листьев и травы. Олеся может одна за 14 дней сшить целый маскировочный костюм и мечтает сократить этот срок до одной недели. Спрос на это изделие большой, однако не каждой мастерице он под силу. Первой в группе «Z-сети Мордовии» «Леших» начала изготавливать Наталья Паршугина, став рекордсменом по количеству связанных маскировочных костюмов.

Поначалу группа «Z-сети Мордовии» работала в раздевалке стадиона «Старт». Но в марте был открыт спортивный сезон, и пришлось задуматься о новом пристанище. Его нашли быстро – помог глава региона. Помещение оборудовано удобными стульями, здесь есть столы, рамки, шкафы, а скоро появится и кондиционер.

Маскировочный костюм «Леший» мастерицы сначала примеряют на себя

Вязать сети Юлия Куликова пришла самой первой

Оригинальный шеврон отражает суть деятельности волонтерской группы

«ПАУЧКИ», «ГАЛСТУКИ» И «ГИРЛЯНДЫ»

А вот как о первых днях работы в группе рассказывает Юлия Куликова. Когда она пришла в первый раз, здесь собралось человек восемь. «А может, не ходить? Кто придет-то? Или вообще никто не придет? Так я думала и сомневалась, стоит ли идти, – говорит Юлия. – А потом сказала себе: да как же так? Надо идти!»

С начала СВО она шила балаклавы, вязала снуды и свитшоты, которые передавала через знакомых. Ради этого она отказалась от оплачиваемых заказов на шитье. В свой первый день работы в «Z-сети Мордовии» она с новыми подругами разбирала лоскуты по цветам. Потом их стали нарезать, поднялась пыль. Часа через полтора у женщин появились мозоли на пальцах. Хорошо, что Юлия принесла свои портновские ножницы и пластырь, а подруги по неопытности вооружились канцелярскими. А тут еще выяснилось, что нарезали лоскуты неправильно. Потом под руководством Натальи Сапуновой учились делать «паучки», «галстуки» и «гирлянды» из ленточек и вплетать их в ячейки сети. Сначала плели очень плотно зимние сети. Потом поняли, что из-за трикотажа и флиса они становятся очень тяжелыми. Наталья Сапунова предложила перейти на тюль. Но где взять столько тюля для

зимних маскировочных сетей? Помогли объявления в интернете и сарафанное радио. Материал приносили даже бабушки, доставая запасы из своих закромов. В детских садах снимали с окон старый тюль и несли его в группу. Приносили даже вышитые рушники, до сих пор популярные в деревнях. Те самые, которые используют во время свадебных и других обрядов. Вещи, как говорится, намоленные. Люди просили обязательно использовать их в работе, считая, что они станут своего рода оберегом для бойцов в зоне СВО. Просьбы эти были исполнены.

Когда Юлия рассказывает эту историю, ее подруги, оставив ножницы и крючки, начинают наперебой вспоминать другие подобные случаи. И свитеры вязаные приносили, которые можно было распустить. Шли в ход джинсы и рубашки, причем не только белые. Принимали всё. А однажды пришла женщина, у знакомых которой сгорел дом, и спросила: могут ли в группе помочь погорельцам вещами? В итоге унесла гардероб на несколько человек.

Ни от каких тканей, которые несут люди, в группе не отказываются. Если материал тяжелый и не подходит для работы, из него шьют мешочки, в которые упаковывают готовые сети.

МЫ ВАС ПРИКРОЕМ!

Приходящие сюда люди осматривают маскировочные сети, изумляются и... потом возвращаются, чтобы помочь. Так появляются новые волонтеры. Некоторые приходят вместе с детьми. В группе есть и пенсионеры. Самой взрослой участнице группы исполнилось 84 года! А Наталья Сапунова вспоминает супружескую пару, которой она оставила ключ от помещения, поскольку они пришли поздно вечером: хотели во что бы то ни стало закончить вязать начатую сеть. Просидели всю ночь...

За все время работы группы «Z-сети Мордовии» через нее прошло много людей. Но, говорит Юлия, есть крепкий «актив»: «Если кого-то из него долго не видишь, начинаешь скучать».

Когда в группе поняли, что достигли определенного мастер-

Наталья Сапунова – пример высокого служения Отечеству

Двери, за которыми без отдыха трудятся волонтеры, не спутаешь ни с какими другими

ства, то взялись учить других желающих. Для людей из районов республики организовывали курсы. А теперь практикуют выездные мастер-классы: участница группы Ольга Логинова ездит по районам с уроками правильной вязки сетей. Все сети, присланные из сел, проходят строгую проверку.

Никаких наград за свой труд женщины не ждут, разговоров об этом вы здесь не услышите. О том, что такое личная книжка волонтера, многие из них не имеют представления. Среди участниц «Z-сети Мордовии» есть жены мобилизованных. А недавно в группу пришла женщина, у которой погиб сын. «Мы ее выслушали, – рассказывает Наталья Сапунова. – Говорим ей: давайте будем вместе спасать чужие жизни. Сначала она насторожилась. Потом ответила: да, вы правы. Нужно жить дальше. Нужно сделать все, чтобы помочь выжить другим ребятам».

В каждую маскировочную сеть женщины закладывают пояса «Живый в помощи», полотенца, салфетки или какие-нибудь сладости. А с недавних пор стали добавлять портянки. Как-то им привезли списанное из детских садов белье. Наталья решила, что надо ветошь бойцам отдать – технику протирать. Затем, посоветовавшись с армейскими, решили нарезать портянок из фланели. Этот подарок так понравился бойцам, что портянки теперь вкладывают в сети постоянно.

К каждому мешку, в который упаковывается маскировочная сеть, крепится специальный паспорт. В нем указывается ее размер, название, сезон, для которого она предназначена, материал, из которого изготовлена. В том паспорте, который мне показали, в графе «Ткани» перечислялись тюль, трикотаж и оксфорд. Но мое внимание привлекло совсем иное. На самом видном месте этого «документа» были выведены две надписи: «Берегите себя и нас!» и «Мы вас прикроем!»

Д. Галлина.
Русские казаки.
1826 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПУШКИ И МУЗЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

КОГДА ГОВОРЯТ ПУШКИ, МУЗЫ МОЛЧАТ. ОДНАКО ИСТОРИЯ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО МУЗЫ МОЛЧАТ ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА. ОСОБЕННО КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О МУЗАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ.

И МЕННО ТАК БЫЛО в годы Крымской, или Восточной, войны (1853–1856), которую историки иногда называют первой идеологической агрессией против России. Войну против Российской империи европейские державы вели тогда не только на полях и на морях сражений, но и на фронтах идеологических. И в этой войне принимали участие не только закаленные в политических баталиях пропагандисты, но и на первый взгляд вполне аполитичные люди искусства. Особенно в этой идеологической битве отличились французы.

Наполеон III.
1860 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Для Наполеона III Крымская война была особой. Император стремился не только укрепить престиж своей власти и заручиться поддержкой католиков (поводом к войне стал вопрос о покровительстве святым местам в Палестине. – Прим. авт.) – он жаждал реванша. Ведь для французов Русская кампания 1812 года стала катастрофой, не случайно слово «Березина» вошло во французский язык и стало символом сокрушительного поражения, а воспоминания о войне со временем превратились в психологическую травму. Император Наполеон III, страстный поклонник идей своего знаменитого дяди, стремился компенсировать это поражение во что бы то ни стало. Более того, он использовал политическую риторику своего родственника и даже приказал разместить на общественных зданиях текст фальшивого «Завещания Петра Великого» (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2022 год, статья «История одного фейка»), которому дал «путевку в жизнь» Наполеон Бонапарт. В идеологической войне принимали участие не только журналисты и политики, но и писатели, драматурги и художники. Что еще важно: война активизировала интерес к нашей стране, и Россия стала модной темой. Вовсе не случайно в первые месяцы войны во Франции в переводе Е. Шаррьера были опубликованы

ны «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева, творчество которого активно популяризировал известный французский писатель Проспер Мериме. Но даже такое, казалось бы, далекое от политики произведение преподносилось французскими критиками и публицистами как важный исторический документ, характеризующий внутреннее состояние таинственной северной империи. Об этом свидетельствовал уже перевод названия книги: «Записки русского барина, или Картина современного состояния дворянства и крестьянства в русских провинциях». Так, газета *Illustration* сообщала: «Большое удовольствие и пользу получит читатель при ознакомлении с «Записками» русского охотника или барина, по-видимому, очень искренними и точными. В этих талантливых рассказах, лишенных всякого отпечатка ремесленности и претензии на эффект, можно найти сведения исключительной ценности, особенно в современных условиях, о загадочной жизни русских рабов».

Такое название книги и ее весьма вольный перевод возмутили писателя, о чем он не преминул сообщить главному редактору газеты *Le Journal de St. Pétersbourg* 7 (19) августа 1854 года. В письме Тургенев писал: «Мне недавно попался в руки французский перевод одного из моих сочинений, напечатанного года два назад в Москве. Этот перевод, неизвестно почему-то названный «Записками русского барина» <...> подал повод к нескольким статьям, помещенным в разных иностранных журналах. <...> ...мне не идет вступать в прения с моими критиками, слишком, впрочем, ко мне благосклонными, но я чувствую потребность протестовать против заключений, которые многие из них сочли возможным извлечь из моей книги. Я протестую против этих заключений и против всех выводов, которые можно из них сделать, протестую как писатель, как честный человек и как русский <...> Что касается до пере-

вода г. Е. Шарриера, по которому судили обо мне, то вряд ли найдется много примеров подобной литературной мистификации. Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, – но, право, нельзя себе представить все изменения, вставки, прибавления, которые встречаются в нем на каждом шагу».

Уже после Крымской войны, в 1858 году, вышел новый перевод «Записок охотника» на французский язык, выполненный Ипполитом Делаво под наблюдением самого Тургенева, почти год работавшего вместе с переводчиком. В предисловии переводчика к этому изданию было размещено – вероятно, по желанию Тургенева – уточняющее письмо, в котором отмечалось: «Перепечатка эта объясняется тем, что перевод Делаво, принципиально отличавшийся от перевода Шаррьера и притом авторизованный, должен был аннулировать в глазах французских читателей и критики перевод 1854 года».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первое французское издание «Записок охотника» И.С. Тургенева. Титульный лист

Альфонс Арно в роли Манзароффа в «Казаках» в театре La Gaîté. Литография А. Лакоши. 1853 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОСПОМИНАНИЯ О 1814 ГОДЕ И ДРАМА «КАЗАКИ»

Русская тема была в почете и у драматургов. Французы вновь вспомнили о казаках. В парижском театре La Gaîté («Веселость») 24 ноября 1853 года состоялась премьера драмы в пяти актах Альфонса Арно и Луи Жюдиси «Казаки». На волне патриотического подъема, охватившего французов в тот момент, постановка имела невероятный успех. Действие происходит в феврале 1814 года в Труа, где оказываются русские казаки под командованием графа Манзароффа (в действительности в 1814 году в Труа были расположены русские войска под командованием атамана Матвея Ивановича Платова. – Прим. авт.).

Казаки с именами Русское, Федорович, Иванофф представлены в этой драме в стереотипных образах: они едят сало, у маркитантки по имени Марион Бородино непременно требуют водки, поэтому Марион в целях экономии решает подливать им в бутылки воду из Сены, говорят на языке tcheff, tchiff, tchoff. Граф Манзарофф в исполнении Альфонса Арно является воплощением русской жестокости при внешнем лоске и даже галантности: на поле боя он может зарубить безоружного противника, молящего о пощаде, а в своем салоне застрелить крепостного за разбитую вазу и потом спокойно продолжить чтение газеты. Крепостная графа, казачка Ольга, прекрасная в своей дикой красоте, имеет нрав «наполовину варварский, наполовину цивилизованный», при этом говорит на безупречном французском языке, не жалуетса на судьбу, понимая, что крепостные – рабы, являющиеся собственностью хозяина. Именно Ольга – единственная достойная из русских. Несмотря на свою испорченность крепостничеством, в итоге она оказывается спасительницей, но сама погибает после истязаний кнутом. Однако это драма не столько о казаках, сколько о французах, которые даже в 1814 году сохраняли силу духа, национальную гор-

дость и желание отомстить «татарским ордам», которые «топтали» их землю. Так, женщина из народа наставляет ребенка, указывая на казаков: «Посмотри внимательно на этих людей, мое дитя, это враги твоей страны <...> они убили твоего отца, они изнасиловали твою мать <...> помни об этом, когда станешь взрослым!» И ребенок отвечает: «Матушка, когда я вырасту, я возьму ружье и убью казаков».

В финале смекалистые французы, переодевшись казаками, смогли победить врагов своей родины: казаки были вынуждены бежать из Труа, куда под восторженные крики «Да здравствует император!» вступает Наполеон.

КНУТ И РУССКИЕ

Антирусская кампания обострилась после того, как русские войска 21 июня (3 июля) 1853 года вступили на территорию Молдавии и Валахии. Это нашло отражение в целом ряде работ, среди которых особенно выделяется памфлет Жермена де Ланьи с говорящим названием «Кнут и русские. Нравы и устройство России». Книга, однако, получилась не столь одиозной, как это могло следовать из названия.

Кнут действительно олицетворяет грубую власть силы, жестокости и деспотизма: «Кнут! Нет ни во французском языке, ни в языке другого цивилизованного народа слова, которое одно воплощает в себе столько сверхчеловеческих жестокостей и страданий! Кнут! От одного этого слова у русского холодеет сердце, кровь стьнет в жилах, это слово бросает в жар, поселяет ужас в душе и подавляет шестидесятимиллионный народ. Но знаете ли вы, что такое кнут? Это – смерть, – скажете вы. Нет, это не смерть, это в тысячу раз хуже».

Если Россия – царство кнута, то император в такой стране непременно должен персонифицировать деспотичную грубую власть. Между тем ничего подобного в тексте де Ланьи мы не находим, даже наоборот! Удивительно, но «император Николай, безусловно, самый достойный человек

Царь и царица. Иллюстрация из книги Ж. де Ланьи «Кнут и русские. Нравы и устройство России»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в своей империи, равно как самый красивый, самый справедливый, самый гуманный и самый просвещенный. Он внушает уважение и почтение всем, кто его окружает или имеет счастье к нему приблизиться, не столько из-за преклонения перед священной властью, сколько из-за его редких и великих качеств».

Император Николай в интерпретации де Ланьи это образец идеального правителя. При этом он управляет страной как абсолютный самодержец, он и есть олицетворение власти как таковой: «Он правит страной согласно только своим собственным намерениям, всегда сообразуясь только со своей собственной волей. Находиться под чьим-то влиянием было бы для него равнозначным отречению». Император –

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж. де Ланьи. Кнут и русские. Нравы и устройство России. Обложка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация из книги Ж. де Ланьи «Кнут и русские. Нравы и устройство России»

как Левиафан Гоббса, все нити и рычаги управления сходятся к нему, он обладает всей полнотой власти: «Религия, Бог, поп и закон персонифицируются в царе <...> Указы, регламенты, решения, смертные приговоры, помилования – все зависит от императорской воли».

А что же кнут как главное орудие самодержавной власти? Нет, он не забыт, но императору нет особой нужды применять кнут, ведь народ и без того покорен и безропотен. Это является следствием крепостного права, которое ввергло народ в рабское состояние: «Приученный к покорности и ужасающему рабству, крестьянин совершенно безразличен ко всему, что его окружает. Управляющий его обкрадывает, хозяин, дабы удовлетворить свою похоть, забирает его дочь, а он благодарит его за честь, оказанную его семье».

Крестьяне абсолютно бесправны, закон их не защищает: «Закон защищает только жизнь и имущество бояр. Крепостной, рассматриваемый как пахотная машина, не нуждается в законах; плуг может провести ночь на улице, на снегу, под дождем. То есть что еще крепостной в России, как не бродячий плуг?» Соответственно, «для крепостного нет закона, нет судов <...> Для него есть только помещик; суд – это тоже помещик». Собственности – тоже нет: «Для крепостного собственность – это вещь неизвестная, этого слова не существует в его языке». Равным образом в русском лексиконе нет слов «гражданин» и «свобода».

Вместе с тем на каждый тезис Ланьи выдвигает антитезис: он осуждает крепостное право, но подчеркивает, что состояние крепостничества в российских условиях предпочтительнее того положения, которое ожидает крестьян на свободе. Поэтому он согласен с утверждением, что «у русских крестьян нет стремления к свободе и они счастливы в условиях рабства». «Если крестьяне становятся свободными фермерами, они всё должны выращивать на свой страх и риск, и хозяин

им не обязан помогать. Поэтому они предпочитают крепостническое состояние, позволяющее им не думать о будущем и о свободе, призывающей их к труду. Есть что-то негритянское в природе «негритянское» появляется вовсе не случайно. Русский народ, по словам Ланьи, пребывает еще в детском, читай – диком, состоянии: «Нравы русского крестьянина – это нравы ребенка».

Это общий взгляд на Россию через призму колониальной оптики или позиции «учитель–ученик»: наша страна далеко отстоит от Запада, русскому народу еще предстоит пройти путь, который уже давно прошли все цивилизованные народы.

Какой же вывод делает автор этой книги? Россия – это страна парадоксов. Вроде бы все плохо, но в то же время для русских – во все нет, поэтому то, что выглядит как набор негативных штампов – самодержавие, деспотизм, крепостничество, – на деле оказывается не столь однозначным.

Помимо этого де Ланьи уверяет читателя, что европейцам нечего опасаться России, ведь она колосс на глиняных ногах! Поэтому, делает вывод автор, «не надо верить в то невероятное будущее, которое ей предсказывают большинство государственных людей, видевших эту страну только на карте».

Хотя книга Жермена де Ланьи и не стала таким же бестселлером, как известная работа Астольфа де Кюстина, она пользовалась популярностью у издателей, вероятно, в связи с читательским спросом на подобного рода продукцию. Ее регулярно переиздают до сих пор! Она переведена на английский, немецкий, шведский языки. А несколько лет назад появилась публикация и на украинском.

Кстати, летом 1854 года вышло пятое издание работы маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». В предисловии к этому последнему прижизненному изданию он подчеркивал: да, он не пророк, но Россия такова, какой он ее увидел. При этом, по его словам, даже

в момент первой публикации его книги «Россия представляла перед Европой в ореоле лжи», и «лишь нынешней войне оказалось под силу разрушить эти чары».

Кюстину, по его собственным словам, «удалось разглядеть лицо государя, который носит самую непроницаемую маску в мире, ибо правит народом, для которого лицемерие – вторая натура». И если в самой книге Кюстин ничего плохого лично об императоре Николае I не написал, то в предисловии к изданию 1854 года он отмечает: «Император Николай прежде всего – уроженец своей страны, страна же эта не может вести честную политику, ибо судьба постоянно увлекает ее на путь завоеваний, свершаемых на благо деспотизма, подобных которому нет в мире, ибо он весьма искусно притворяется цивилизованным. Только люди бесконечно доверчивые или бесконечно недобросовестные могли искать в этой стране лекарство от опасностей, грозящих Европе». Поэтому чтобы просветить простых людей, отмечает Кюстин, он решил выпустить дешевое «издание для народа».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г. Доре. История Святой Руси.
Титульный лист

Стремление России к мировому господству. Иллюстрация из книги Г. Доре «История Святой Руси»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРОТИВ ВАРВАРСТВА

Не только писатели, поэты и публицисты горячо откликнулись на вопросы текущей политики. Не отставали от них и художники. Во Франции жанр политической карикатуры был весьма популярен уже в 1830–1840-е годы, достаточно вспомнить жесткие социальные карикатуры Оноре Домье.

В годы Крымской войны во Франции была опубликована книга, весьма необычная по своему жанру – «История Святой Руси», написанная известным живописцем, графиком и иллюстратором Гюставом Доре. В этой работе, которую можно считать настоящим русофобским бестселлером, происхождение России, ее история и политическое устройство получили фантастическую и крайне язвительную интерпретацию. Сам жанр работы был новаторским – графический роман, в котором иллюстрации дополнялись краткими текстами. По сути, это был прообраз современных комиксов. Сочетая карикатурные изображения с едкими комментариями, Доре изображает Россию гротескно и откровенно издевательски. Это подчеркивается уже в самом названии: «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями». Свою книгу Доре начинает с изображения черного квадрата, поясняя, что «в непроглядной тьме затеряно начало истории России», а первый русский появился в результате «порочной связи» белого медведя и моржихи: «Если верить древнейшим источникам <...> могучий белый медведь Полнор пленился многообещающей улыбкой красотки-моржихи. В результате этой порочной связи на свет появился русский». Правда, сообщает он, «другие летописцы в качестве прародительницы русских упоминают не красотку-моржиху, а заурядную самку пингвина».

Древние русские постоянно занимались драками, в которых грубо калечили друг друга. В один прекрасный момент они поняли, что должны выбрать себе правителя: «После недолгого выяснения отношений спорящие партии сошлись на том, что для управления народом требуется один, однако целый, мужчина. В ходе усиленных поисков обнаружилось, что среди уцелевших никто (даже люди, имевшие при себе все конечности) не жаждет возглавить массы. «Таким образом, возникла необходимость пригласить претендента – из соседней Азии». Так появился Рюрик, который, заполучив трон, тотчас же направил свои стопы к Константинополю. «Но вскоре ему пришлось возвратиться домой, чтобы умереть от почечной колики <...> Его престолонаследник Игорь также направил свои стопы к Константинополю, но вскоре вернулся в Новгород, где, подобно Рюрику, поспешил умереть от почечной колики <...> Когда же и унаследовавший трон Изяслав обнаружил у себя симптомы этой семейной болезни, лейб-медик дал ему совет: чтобы победить Турцию, достаточно овладеть Черным морем да излечиться от воображаемой хвори». Как видим, в данном пассаже Доре указывает на якобы заветную цель всех русских государей – Константинополь. Ивана Грозного Доре даже не желает описывать, подчеркивая, что читателю «лучше забыть о кровавом демоне, созерцание которого столь ужасно, что способно огрубить чувства». Петр Великий грезит идеями мирового господства и видит соответствующие сны: «Снилось Петру, что, укрывшись за Северным полюсом, сдирает он с глобуса карту Европы и, макая в татарский соус, поедает ее с недюжинным аппетитом <...> Но жесткие Франция и Англия ухитряются так расцарапать ему небо, что он немедленно извергает их из себя, чтобы не задохнуться». У императора Николая I та же цель, что у Петра: «водрузить

Поход Игоря в Константинополь. Иллюстрация из книги Г. Доре «История Святой Руси»

русские знамена во всех столицах варварской, многогрешной Европы». Однако все усилия России по достижению мирового господства тщетны, и Доре изображает это в виде оплавленной свечи, на которую русские пытаются безуспешно вскарабкаться, поскольку оплывающий свиной жир обрушивается на взбирающихся вверх смельчаков. Подобраться к пламени смогла лишь русская легучая мышь, но в результате несчастное животное осталось без крыльев.

Жители Крыма. Иллюстрация из книги: Ш. де Сен-Жюльен. Живописное путешествие по России / Р. Бурдые. Путешествие по Сибири

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шарль де Сен-Жюльен (1802–1869), французский писатель, поэт и педагог

ШАРЛЬ ДЕ СЕН-ЖЮЛЬЕН И РУССКОЕ AVOS

На волне интереса к России публиковались книги и иного содержания. Так, в 1853 году увидела свет работа Шарля де Сен-Жюльена «Живописное путешествие по России». Автор, журналист и литератор, много лет проработал в Петербурге – в 1830-е годы он преподавал французский язык и историю французской литературы на филологическом факультете в Петербургском университете, а в 1836 году был назначен библиотекарем в Румянцевский музей, учрежденный указом Николая I от 22 марта (3 апреля) 1828 года. Именно Шарль де Сен-Жюльен был автором анонимного «Путеводителя по Санкт-Петербургу», который изучал перед поездкой в Россию в 1843 году Оноре

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Русская тройка зимой. Иллюстрация из книги: Ш. де Сен-Жюльен. Живописное путешествие по России / Р. Бурдые. Путешествие по Сибири

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

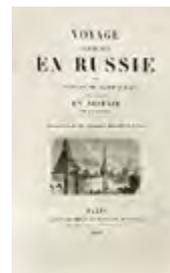
де Бальзак. Осенью 1846 года Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук с чином «придворного советника».

В 1847 году он уехал во Францию, однако спустя четыре года вернулся в Россию и совершил большое путешествие по нашей стране, во время которого посетил в том числе Кавказ и Крым. По итогам этого путешествия Сен-Жюльен опубликовал весьма увлекательную и очень доброжелательную по отношению к нашей стране и русскому народу книгу.

Россия для него – европейская страна, сумевшая при этом сохранить свою национальную самобытность, а суть русско-

го национального характера он определяет предельно лаконично, используя слово avos, в котором без труда угадывается русское «авось». «Никакие бедствия не смогут покорить Россию, – пишет Шарль де Сен-Жюльен. – Avos спасет от всего; это непереводаемое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей».

Однако такие книги не находили благожелательного отклика у французской публики, приученной к другому, неизменно страшному и отталкивающему образу России. Таким авторам, как Сен-Жюльен, французы не верили и считали, что подобные книги могли быть написаны исключительно на деньги русского правительства.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

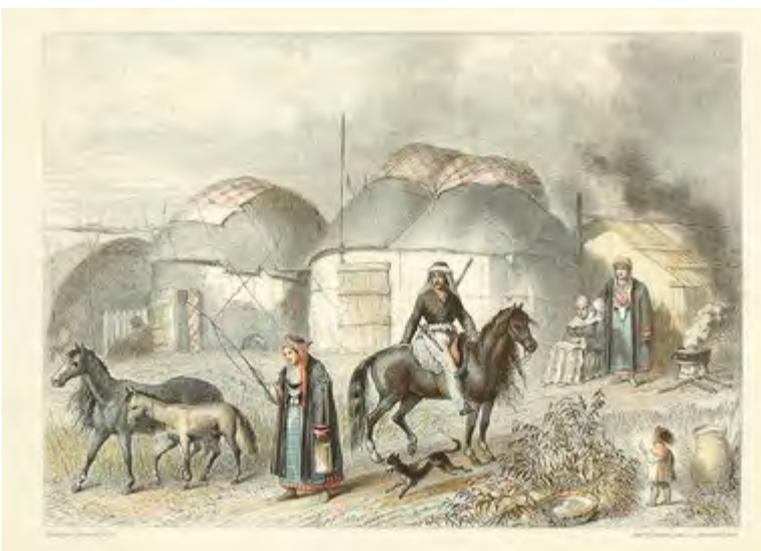
Ш. де Сен-Жюльен. Живописное путешествие по России / Р. Бурдые. Путешествие по Сибири. Титульный лист

Габриель Напталъ-Арно, актриса французской труппы, игравшая в Михайловском театре в Петербурге. 1860-е годы

Когда по окончании Крымской войны в Париже начала работу мирная конференция, книга Гюстава Доре была предусмотрено выкуплена властями в магазинах и уничтожена: вести переговоры с державой, чей облик выставлен в столь карикатурном виде, было, мягко говоря, совсем не дипломатично, тем более что Наполеон III был настроен на сближение с Россией.

Драматург и актер Альфонс Арно по окончании войны вместе со своей супругой, известной актрисой Напталъ-Арно, и тремя детьми отправился зарабатывать деньги не куда-нибудь, а в страну тех самых казаков, которых он высмеивал в своей пьесе. Уже в 1857 году супруги блистали на сцене Михайловского театра в Санкт-Петербурге.

Однако ожидаемого сближения между Россией и Францией так и не произошло, и причиной тому в очередной раз стал польский вопрос. Но ужасные русские в глазах французов все-таки станут добрыми. Добрыми станут даже свирепые русские медведи. И произойдет это в конце XIX века, на волне двустороннего сближения и заключения франко-русского союза. Правда, совсем ненадолго. ❶

Поселение (табор) башкир. Иллюстрация из книги: Ш. де Сен-Жюльен. Живописное путешествие по России / Р. Бурдые. Путешествие по Сибири

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Э.-Ж.-О. Верне. Царскосельская карусель. Семья императора Николая I в маскарадных костюмах. 1843 год. Крайний справа на коне великий князь Константин

ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕМАКА

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

Я ХОРОШО ЗАПОМНИЛ ТО ЯНВАРСКОЕ УТРО 1992 ГОДА. ПРИШЛОСЬ ОНО НА ВОСКРЕСЕНЬЕ – МОРОЗНОЕ, СПОКОЙНОЕ. ЗАПОРОШЕННЫЕ СНЕГОМ УЛИЦЫ БЫЛИ ПУСТЫННЫ, НАРУШАЛ ТИШИНУ ТОЛЬКО РАВНОМЕРНЫЙ ЗВОН КОЛОКОЛА, РАЗНОСИВШИЙСЯ НАД КРЮКОВЫМ КАНАЛОМ. ПРОНИКАЛИ ЗВУКИ КОЛОКОЛА И ПОД СВОДЫ НИКОЛО-БОГОЯВЛЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА. В ВЕРХНЕМ ЕГО ХРАМЕ В ТИХОЙ ТОРЖЕСТВЕННОСТИ ПРОХОДИЛА ПОМИНАЛЬНАЯ СЛУЖБА, ПОСВЯЩЕННАЯ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛА РУССКОГО ФЛОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

МЕРЦАЛИ СВЕЧИ, С ХОРОВ спускались, сплетаясь и расходясь, древние церковные напевы. Случайных посетителей было немного, преобладали люди в черных мундирах и шинелях: офицеры флота, курсанты военных училищ. О великом князе Константине Николаевиче, герое Великих реформ, тогда еще только начинали вспоминать, и во время службы мне вспомнились слова первого его биографа, известного морского историка, капитана 2-го ранга Константина Георгиевича Житкова. В 1912 году на страницах журнала «Морской сборник», издававшегося когда-то под покровительством генерал-адмирала, он опубликовал очерк, написанный для того, чтобы «вызвать из тени светлый образ» великого князя. В нем Житков посетовал, что после кончины генерал-адмирала – он умер 13 января 1892 года в Павловске – минуло уже двадцать лет, а за написание серьезной его биографии так никто еще и не взялся.

Мечтал Житков и о публикации дневника великого князя 1836–1889 годов, и о памятнике в его честь: «Ведь в нем, – писал он в сентябре 1913-го юристу Анатолию Кони, – скажется весь его светлый облик, вся энергия и та любовь к Родине, которая двигала его на такие подвиги, как освобождение крестьян. Мне кажется, если начать это печатание с 1914 года (январь), то и флот, и общество вспомнят об этом титане,

П. Бажанов. Великий князь Константин Николаевич в детстве. 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и почва для сбора пожертвованной будет подготовлена: можно будет надеяться, что к 1917 году (25 лет со дня смерти) памятник уже будет сооружен». Надежды Житкова не сбылись: Первая мировая война и революции 1917 года поставили точку на этих благих начинаниях. Самого Житкова в июле 1920-го убили красные в Ростове. И вот, в 1992 году, размышляя об этих поворотах истории, я поймал себя на мысли, что и спустя еще восемьдесят лет ничего не изменилось: кроме узкого круга специалистов, мало кто помнил о великом князе Константине Николаевиче.

За прошедшие тридцать лет картина изменилась. Увидели свет яркие биографические сочинения, посвященные великому князю, частично опубликован и его дневник. Разрушавшийся десятилетиями Константиновский дворец в Стрельне прошел масштабную реконструкцию и был восстановлен во всей красе, превратившись в загородную резиденцию президента РФ. В дождливые октябрьские дни дворец гостеприимно распахивал свои двери для участников ежегодной научной конференции «Константиновские чтения», на которую со всей страны съезжались исследователи, занимавшиеся историей эпохи великого князя Константина Николаевича. Парадные портреты великого князя украшают парадную лестницу и Малый зал Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества, председателем которого великий князь стал в 1845 году. Однако чем больше узнаем мы о великом князе, тем все более сложной и противоречивой фигурой он предстает.

Составить суждение о государственном деятеле подобного масштаба непросто: он изменчив, неоднозначен, иногда настолько скрыт под маской, что трудно разглядеть в нем черты реального человека. И вероятность ошибочности суждений велика, особенно если учесть, что великий князь принадлежал к иной, мало понятной и трудно уловимой современным миром куль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

туре властной императорской элиты с присущими ей духом избранности, аристократизмом и кастовой закрытостью. И когда в чертах и поведении героя обнаруживаются просчеты, недостатки и одновременно достоинства, задача усложняется во сто крат, заставляя балансировать на тонких гранях и подвергать сомнению оставленные современниками свидетельства.

Выберем ракурс: оставим в стороне образ важного государственного деятеля – управляющего морским ведомством, председателя Государственного совета, сторонника либеральных реформ в России. Отступим на шаг назад и вспомним, с чего все начиналось.

Родители великого князя Константина Николаевича – император Николай I и императрица Александра Федоровна

Дж. Доу. Портрет великой княгини Александры Федоровны с детьми. 1821–1824 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МЕЧТА О ЦАРЬГРАДЕ

1827 год. 9 сентября – день, в который князь Дмитрий Донской торжествовал победу над Мамаем. Рассветную тишину Петербурга взорвали пушечные залпы, возвестившие о рождении в императорской семье второго сына, названного Константином. Он появился на свет, когда его отец уже был императором, поэтому придворные именовали Константина Багрянородным. При крещении он получил особое имя, имевшее сакральный смысл для России, выстраивавшей новую политику на греческом Востоке. Константином назвала своего внука императрица Екатерина II, рассчитывавшая, что ее могущественная империя исполнит на берегах Босфора уготованную ей священную миссию – возродит новый Рим и, утвердившись на берегах древней Тавриды, навсегда изгонит из Европы нечестивых турок. А затем, освободив Египет, Архипелаг, Грецию, восстановит огромную православную Греческую империю со столицей в Царьграде, на престоле которого и воссядет Константин Павлович. В руках Российской империи окажутся ключи от Европы и Азии, и она станет величайшей державой в мире. Намерениям этим не суждено было осуществиться, но «Греческий проект» долгие годы оставался приоритетным для российской внешней политики. В 1831 году великий князь Константин Павлович скончался, и император Николай I, закрепляя за своим вторым сыном уникальный статус в империи, пожаловал его званием генерал-адмирала и удостоил стать шефом Гвардейского экипажа: «Помню, как в 1831 г., при назначении меня генерал-адмиралом мама подарила мне первую мою морскую курточку, гюйс с флагштоком, деревянный якорь и кортик», – писал через много лет Константин Николаевич. Великому князю тогда еще не исполнилось и 4 лет. Но судьба его уже определялась, и в ней, словно великая страна грез, за-

рождался греческий миф. Уже на следующий день после рождения Константина на страницах «Северной пчелы» появились стихи, написанные одним из владельцев Куликова поля, Степаном Нечаевым:

*Когда Донской на поле ратном
Победы день торжествовал,
В тот самый час во громе
благодатном*

*Петрополь весть великую сретал:
Залог победы и новой славы
Нам юный дан архистратиг...
Ликуйте, вы, сыны полные
державы!*

*Восток, вострепещи!
Конец судеб твоих!*

Реальная Греция, более пяти-сот лет находившаяся под турецким игом, всегда занимала особое место в жизни великого князя: в детстве он бредил героями гомеровского эпоса, мечтал о подвигах Одиссея, с восторгом погружался в описания сказочной Аркадии, представлял фризсы Парфенона и читал речи, приписываемые Фукидидом Периклу, в которых Афины изображались столь же идеальным местом, как государство из одноименного диалога Платона. По мере взросления античные идеалы в воображении великого князя начинали соседствовать с образами великолепного византийского Ближнего Востока – прямой противоположностью европейскому хри-

Портрет великого князя Константина Николаевича. Акварель работы неизвестного художника с оригинала Ф. Крюгера около 1850 года

И.К. Айвазовский. Вид Константинополя и Босфора. 1856 год

стианскому миру. Воспитание и образование юного генерал-адмирала, с детства отличавшегося умом и способностями к учению, было не столь демонстративно политизировано, как в случае с его августейшим дядей – императором Александром I. Вместо воспитательницы-гречанки к великому князю определили военных моряков, но вектор развития был определен. И хотя сам Константин Николаевич по-гречески не говорил, он прекрасно знал исто-

рию Эллады, Византии и Православной церкви. И мечты уносили его на берега Босфора – во времена походов Олега, когда русский щит прибывался к воротам Царьграда, – заставляя думать о своем предназначении: «Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падет под ударами Русских Перунов?»

Летом 1845 года 17-летний великий князь наконец посетил город своей мечты: он побывал в бухте Золотой Рог, увидел Святую Софию, дворцы Топкапы и Бейлербей. Бродил он и в окрестностях устья легендарного Скамандра, взбираясь на курганы, под которыми, согласно старинным преданиям, ахейцы погребли Патрокла и Ахиллеса, осматривал руины Скейских ворот, возле которых обрел вечный покой великий Гектор. Поездка русского царевича по территории погибшей греческой империи вызвала широкий резонанс. Единоверцы-греки расценили приезд августейшего принца как знак свыше: «Православному народонаселению, – писал один из современников, – это посещение осталось навсегда памятным. Много надежд и радостных предположений соединяли православные с приездом сына русского императора – сына, носящего славное в греческой памяти имя Константина!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СТАРЫЙ ПАПА Н»

Идея покорения «Царя-града», захватившая тогда царевича, пришлась не по душе его августейшему батюшке. Император Николай I слишком хорошо понимал запутанные нюансы европейской политики, чтобы позволить чувствам сына исказить изящный эскиз продуманной им программы укрепления Российской империи на Востоке. Политические расчеты всегда стояли для него на первом плане, и поэтому, получив от Константина письмо с описанием слабости константинопольских укреплений, он в ответ отправил настоящую отповедь: «Надеюсь, что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение христианства, но держи их про себя, сколь они не натуральны. Богу предоставить надо определить, когда кресту восторжествовать над луной, тебе же избегать всего, что иное значение придать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен. Надеюсь также, что не одно любопытство тебя занимать будет все это время, но что ты займешься своей службой с должным попечением, не забывая, который тебе год, и что пора не ребячиться, а служить, и служить с пользой». Критики удостоился Константин и в следующем, 1846 году, когда,

Мраморный дворец. Литография Ж. Жакотте и Обрэна с рисунка И.И. Шарлеманя. Середина XIX века. В 1831 году император Николай I передал Мраморный дворец во владение своему второму сыну, великому князю Константину Николаевичу, и его потомкам

путешествуя по Средиземному морю, посетил Тулон и недавно ставший французским Алжир. Упоенный сердечной встречей, великий князь несколько расслабился, забыв, что за его спиной стоит грозная империя. Из далекого Петербурга не замедлило прийти строгое отцовское предостережение: «Надеюсь, ты будешь себя вести крайне осторожно, учтиво, не болтливо, и помни, что ты в краю, где каждое слово, каждое твое движение не уйдет от наблюдения и

Контр-адмирал Ф.П. Литке. Портрет работы неизвестного художника. XIX век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

строгой критики; веди себя так, чтобы никто ни к чему не мог придраться, смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай». Подобные напутствия неизменно сопровождали послания «старого Папы Н», как называл себя в письмах к сыну Николай I. Главная их тональность – верно служить Отечеству. Строгий и требовательный император никогда не уступался от процесса воспитания сына, самолично контролировал обучение. Надзор был жестким, Николай I требовал взыскательности со стороны преподавателей. День начинался в 6 часов утра: уроки, гимнастика, фехтование, верховая езда, маршировка, обучение музыке – не забывалось ничего из того, что, по мнению наставников, могло принести пользу. Огромная же ответственность, которая лежала на великом князе, постоянно подчеркивалась: «Помни всегда, на что ты готовиться должен, – писал Николай I, поздравляя Константина с 15-летием. – Превозмогай лень и взбалмошность и не теряй остаток драгоценного времени твоей молодости, дабы вовремя поспеть на службу зрелым духом, и сердцем, и умом... Скоро и на службу будет пора, а еще столько надо узнать, выучиться и передумать, смотри, помни это, и прибавь старание и послушание, чтоб не осрамиться».

ТЕЛЕМАК И МЕНТОР

Воспитание мальчика, его подготовка к морской деятельности проходили под присмотром опытных педагогов. 3 ноября 1832 года воспитателем великого князя был назначен знаменитый мореплаватель и ученый-географ Федор Петрович Литке. С 8-летнего возраста время нянек для августейшего «питомца» закончилось – он полностью перешел под надзор своего строгого и мудрого наставника, которому, как мы полагаем, была по душе миссия Ментора при царственном Телемаке. Когда император Николай I,веряя воспитание своего второго сына Федору Петровичу, давал ему указания

о направлении этого воспитания, то сказал приблизительно следующее: «Сыну моему Александру, когда ему достанется престол, трудно будет справиться с тяжким бременем правления государством. Константин должен быть ему помощником; я желаю поэтому, чтобы воспитание его пригодило к этой важной обязанности». Фактически с этого времени Литке со своими помощниками – капитанами-лейтенантами Александром Андреевичем Озеровым и замешанным в дело декабристов Феопемптом Степановичем Лутковским, – неизменно состоял при Константине Николаевиче.

Главным делом приставленных к Константину моряков было, конечно, обучение юного генерал-адмирала военно-морскому делу. С 8-летнего возраста великий князь приступил к освоению морского дела и ежегодно отправлялся в учебные плавания: сначала по Финскому заливу, затем по Балтике, Северному морю и, наконец, по Черному, Средиземному и Атлантике. Плаванья эти не походили на увеселительные морские прогулки. При молодом генерал-адмирале состояли лишь положенный по этикету камердинер и несколько человек прислуги. Принципы Литке были просты: верность долгу, несение службы «не в шулку» и «поменьше офицеров», так как великий князь должен был сам исполнять служебные обязанности, в том числе и управлять вахтами. Предписывалось также, чтобы при сходе на берег и во время официальных визитов «его высочеству не было оказываемо никаких почестей и не делается никаких приемов». «Гардемарин Романов» должен был усвоить все премудрости морской службы, на собственном опыте понять, как тяжело складывается жизнь на корабле. Он должен был научиться вести астрономические счисления, брать рифы, крепить паруса, освоить артиллерийские приемы. Успехи его были несомненны. Великий князь постепенно проникался настоящей страстью к морю,

И.К. Айвазовский.
Фрегат «Аврора».
1837 год

истории русского флота и, с радостью принимая, например, подарки к 16-летию, особо выделял те, что имели отношение к морскому делу: секстант, модели пушек, токарный станок и «Марину» Пюдена. Подобно бывалому морскому волку, он научился ценить простоту морского быта, чувствовал гармонию и эстетику морского дела, профессионально рассуждал о качествах корабля. И вот уже во время плавания в Виндаву в 1839-м юный генерал-адмирал восторженно сообщил отцу: «Нам на «Аврору» прислали трюм-стенги и вышел из Свеаборга мы поставили трюм-сели. С ними так красиво!» А вот его майское, 1845 года письмо отцу, написанное в каюте фрегата «Аврора» во время плавания по Аландским шхерам, в тех местах, где в 1714-м произошло Гангутское сражение: «Мы ехали по той дороге, по которой Петр Великий хотел перетащить несколько галер на другую сторону перешейка. Этот маневр сделался залогом Гангутской победы. До этого места шхеры весьма пусты, голы и некрасивы, а оттуда виды вдруг переменяются и делаются в самом деле прекрасными».

Литке был всегда рядом. Надолго они расстались только один раз:

летом 1839 года Литке вынужден был покинуть Россию и отправиться в Европу, сопровождая заболевшую чахоткой супругу Юлию на лечение в Девоншир, после чего поехал на минеральные воды в немецкий Эмс. Своего августейшего Телемака Федор Петрович, впрочем, без присмотра не оставлял, поддерживал с ним переписку и рассказывал обо всем происходящем. Его письма были написаны в такой манере, что оставить их без ответа великий князь не мог и, читая, находил в описаниях своего Ментора немало пищи для размышлений. Строгий офицер, чуждый придворного тщеславия и властолюбия, Федор Петрович был по-детски искренен и, несмотря на болезнь и тревогу о здоровье супруги, с увлечением описывал города, рассказывал о маршрутах поездок, давая возможность своему «питомцу» из Зимнего дворца почувствовать себя занятым путешественником. «Сегодня ровно неделя, что мы расстались, мой милый Константин Николаевич, – писал Литке, проезжая Германию, – и я уже добрался до Гамбурга, который вам известен теперь уже не потому только, что из него отправился в свой путь Робинзон Крузо. Я вам при-

знаюсь, что если вам по отъезде моем было скучно, то мне без вас и до сих пор чего-то не достает. Семилетняя свычка делается второю натурою!»

Добравшись до Лондона, который он не видел более десятка лет, Литке с горечью посокрушался о временах, «когда я еще был в полной силе здоровья; вместо чего теперь похожу я на корабль, идущий в док для тимберовки». Однако же, не зная усталости, он с утра до вечера бродил по улицам британской столицы. От новых впечатлений захватывало дух, и даже болезнь несколько отступила: Литке побывал в Zoological Gardens, разглядывал там прекрасного жирафа и огромного слона, а затем спустился в Tunnel под Темзой – детище французского эмигранта-инженера Марка Изамбарда Брюнеля и его сына Исамбарда Кингдома, – связавший северный и южный берега реки и ставший прообразом лондонской подземки. Федор Петрович не преминул прогуляться под землей и во время моциона «выпачкался с ног до головы в грязи». Сообщая о своем визите под землю, Литке написал Константину: «Им остается пройти только 30 фут, чтобы поравняться с той чертой дна Темзы, которая при малой воде сохнет; а так двигаются они по 6 дюймов в день».

Но технологии промышленной эры уступали по яркости сокровищам античности. Прекрасно зная об увлечении великого князя антиками, Литке наведлся в Британский музей и с восхищением описывал своему Телемаку впечатления от «мраморов Эльджина»: древнегреческих рельефов и скульптур, вывезенных в 1802–1812 годах британским дипломатом графом Эльджином из Мореи и Аттики. После Англии дороги привели Литке в Германию: «Плывя по Рейну... я думал о вас, милый Константин Николаевич, как бы вы восхищались руинами, встречающимися тут на каждом почти шагу, этими останками двух важнейших эпох исторических, десятью веками разделенных – римской, вам уже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

известной, и феодальной, которую вы скоро узнаете». Возвращение Литке в Россию и постоянное общение с августейшим «питомцем» не сказывалось на интенсивности и искренности их переписки. Федор Петрович, человек твердых правил, преданный высоким идеалам службы, старался привить своему воспитаннику начала самодисциплины и принципиальность, делился с ним жизненным опытом. Многие его напутствия и суждения касались поведения великого князя, который нередко совершал проступки и шалости, чем вызывал недовольство строгого воспитателя. Их отношения складывались не безоблачно: происходили дразги, накапливались обиды. Прошло немало времени, прежде чем Литке, раздосадованный отсутствием у августейшего Телемака «терпения» и «охоты размышлять», разбил лед в их отношениях и преодолел «жесткость и холодность» строптивого царевича, который подчас отказывался подчиняться, «делаясь как бы деревянным, переставал понимать». Так, в один прекрасный день Литке не выдержал и отчитал Константина: «Из всех проступков не знаю я ни одного, который до та-

Е.И. Ботман.
Портрет
великого князя
Константина
Николаевича.
1848 год

кой степени унижал бы человека в собственных его глазах, как ложь». И далее: «Я не думаю, чтобы человек, один раз в жизни обличенный в умышленной лжи, мог когда-нибудь и какими бы то ни было подвигами возвратить уважение людей. Вор, в моих глазах, гораздо менее достоин презрения, как лжец». Ответ раскаявшегося ребенка, со слезами признавшегося в обмане, заставил Литке смягчиться. Он и сам, наверное, был уже не рад, что перегнул палку. Результатом стало объемное послание, в котором Литке разобрал различные варианты лжи, невольно сделавшись «адвокатом» великого князя и объясняя ему, что не всегда люди лгут специально, совершают сделки с совестью по ошибке, забывая, что нельзя «говорить неправду». И вот уже, просматривая его дневник, Литке записывал: «Вместе с ним и я щастлив. Стало быть, он дорожит этим». А какой радостью для Литке стала запись великого князя от 2 ноября 1841 года: «Он (Федор Петрович) теперь совершенно мой отец по всему. В разговорах, где мы передавали один другому чувства, я часто проливал слезы и душе становилось легче».

С годами отношения Телемака и Ментора переросли в дружескую привязанность. В тяжелые для Литке сентябрьские дни 1843-го, когда скончалась его супруга, Константин не находил себе места: «Бедный мой Федор Петрович, – писал он отцу. – В каком он ужасном положении, имея двух детей. Он не знает еще, что с ними делать, а покуда отправил их к своей старшей сестре. Он вчера уехал в город, а завтра будут похороны его жены». Возвратился Литке через 9 дней, и Константин с горечью отметил: «Он, бедный, ужасно похудел, но переносит свое несчастье с удивительной покорностью и величием духа!» Константин тогда решил, что должен стать утешением для Федора Петровича, и дал зарок лучше учиться и вести себя. Когда читаешь их переписку, невольно задумываешься: а появились бы эти письма без

каждодневных усилий Литке? Эпистолярному жанру он придавал особое значение и был глубоко убежден, что регулярный обмен письмами формирует характер человека. Свои мысли он специально изложил в октябре 1840-го: это письмо нам посчастливилось обнаружить среди бумаг Константина. И многие советы мореплавателя кажутся актуальными и сегодня. «К чему писать, когда имеешь всегда случай сообщить мысли свои изустно? – вопрошал Литке. – Во-первых, чтобы вы мало-помалу приучились к письменному штилю, чего без упражнения достигнуть нельзя... Штиль письма должен быть прост и в то же время благороден, образцом его должна быть беседа между двумя образованными благовоспитанными людьми. Письмо не должно состоять из фраз отдельных, без связи и переходов, как будто в строевом рапорте; ни из фраз надутых и изысканных, как в дурной речи адвокатской». Мореплаватель, имея дело с ребенком «особых кровей», тем не менее подчеркивал, что даже принцу из Зимнего дворца следует знать и соблюдать правила общения с людьми из других социальных слоев и никогда «не терять из виду личности того, к кому пишешь, его отношения к ним, его связей семейных и общественных, чтобы по неосторожности не сказать чего-нибудь неприятного». «Во-вторых, этими еженедельными письмами приобретаете вы навык рассматривать и обдумывать в совокупности некоторые отделы вашей жизни, давать в них отчет себе и другим. Ежедневные журналы, в другом отношении весьма полезные, не достигают этой цели, содержат только по большей части одни только голые факты событий каждого дня. В-третьих, переписка наша часто доставит мне случай, который без того может быть не представился бы, сделать вам разные замечания и вам сказать мне то и другое, что без того в голову бы не пришло». Рекомендации Литке относились и к тому, как правильно писать

письма: «Не хорошо начинать... прямо каким-нибудь рассказом и также прерывать его. Должно начать его маленьким вступлением, выражающим цель нашего письма; или ссылкой на полученное письмо или накануне писаное. Кончать лучше сие каким-нибудь желанием, выражением чувств». И, разумеется, следить за красотой почерка. «Желал бы я, – писал Литке в январе 1841 года, – чтобы одною из первых отметок на странице совести вашей была какая-нибудь вроде следующей: «отучиться от брюзгливого бранчивого обращения с равными и младшими, от неуважительности, неосторожных выходов против старших; на замечания, делаемые мне для моей же пользы, обращать внимание, а не сердиться на них, воображать со скромностью и осторожностью». Особо же Литке настаивал, чтобы на полученное письмо обязательно следовал ответ, переписка, убеждал он, не должна вестись только одной стороной, иначе отношения корреспондентов будут недолговечны.

Ф.П. Литке, генерал-адъютант, адмирал, президент Императорской Академии наук. Середина 1860-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

ПРОГРАММА ЖУКОВСКОГО

Мыслями этими Федор Петрович поделился, размышляя о том, как удачно складывается эпистолярная история великого князя и русского поэта Василия Андреевича Жуковского, также ставшего воспитателем Константина. И, надо полагать, думая об этом, Федор Петрович был совершенно искренен. Мы же, читая сегодня переписку Константина Николаевича с его корреспондентами, неизменно открываем какую-то новую черту в его характере, обнаруживаем свежие краски в его портрете. Некоторые из самых пронизательных наставников великого князя оказались столь красноречивы, что чтение их писем позволяет нащупать важные черты Константина, скрытые в самой сути его личности. Переписка с Жуковским – из этого ряда. Внимательного и глубокого поэта, посвятившего Константину Николаевичу свой перевод гомеровской «Одиссеи», возможно, немало удивляла какая-то иррациональная готовность молодого принца свершать великие деяния на берегах Босфора, эта острая, отдающая каким-то подростковым максимализмом византийская увлеченность. Из писем Константина Василий Андреевич с разочарованием обнаружил, что исторические вкусы «нового Олега», каковым видел себя юный генерал-адмирал, совсем не схожи с его собственными. Да разве только с его. Одно дело – мечтать о Царьграде в 1820-х годах. Совсем иное – конструировать средиземноморскую паутину двадцать лет спустя, уже испытав гордость от присутствия русского военного корпуса на берегах Босфора. И осознавая, что Россия постепенно становится союзником Османской Порты в сложном геополитическом противостоянии с европейскими державами на Ближнем Востоке, что вызвало в столицах Европы приступ очередной русофобии. «В публичных листах известий о России искать нельзя, – напутствовал Жуковский Константина в

Великий князь
Константин
Николаевич.
1856–1857 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ноябре 1842 года. – Они врут без памяти; но одни врут с целью, а другие, принимая вранье за чистые деньги, повторяют его с недоброжелательством. Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен нашего времени. Я говорю здесь о ненависти тех, кои хотят управлять общим мнением и употребляют на то книгопечатание. Это бешенство, с каким некоторые газетчики на нас клеветают, означает только то, что Россия есть для них самый твердый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители так называемого движения, опрокинуть стараются». В другом послании, датированном октябрем 1845-го и написанном уже после того, как Константин, побывав возле Золотых ворот, мысленно примерял плащ князя Олега, Жуковский представил целую программу новой российской геополитики: «Ваш сон о щите

Олеговом имеет свое поэтическое достоинство; в практическом отношении он просто сон, и желаю, чтоб он навсегда остался сном несбывшимся». И далее: «Эта Византия – роковой город. Ею решилось падение Рима... Уже и Петербург (из которого на отдаленной завоеванной границе царства могучая рука Петра прорубила нам окно в Европу) сделал то, что Россия стала одною огромною пристройкою северной, полу-германской торговой пристани и что отечественная Москва, со всем прошедшим исторической Руси, теперь отброшена в глубину ея, как будто пренебреженная. С тех пор, заглядываясь в это окно, перед которым Европа показывает нам свои китайские тени, мы забываем смотреть на существенную, могучую, полную собственной жизни Россию». А вот финал его размышлений: «России для ея блага, для ея истиннаго величия, не нужно внешнего ослепительна-

го великолепия; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, национальное развитие... Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь уже есть для нея бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться... Источники ея богатства (не все еще открытые и разработанные) неистощимы; в ней есть довольно места для тройнаго народонаселения, и на троне русском самодержавие, т.е. неограниченная власть действовать для блага... все завоевания для России уже вполне совершились».

Не дополняют ли друг друга мысли Николая I, Литке и Жуковского, не в их ли письменных напутствиях угадываются контуры нового имперского взгляда, скрытого пока еще от широкой публики, – взгляда на новую Россию, разочаровавшуюся к самой себе, к своим рекам, лесам, равнинам и морям и отказывавшуюся от бесплодных мечтаний о византийском Царьграде, заморских колониях и американских берегах? Необычайно интересно смотреть, как вызревал этот новый подход, как в мыслях императора, мореплавателя и поэта появляются одни и те же сентенции, тревоги, переживания, опасения, надежды и как под влиянием этих настроений ребенок-принц превращается в государственного деятеля.

7 октября 1845 года, после возвращения Константина из Царьграда, в «Большой конференц-зале» Академии наук состоялось торжественное открытие и первое общее собрание Русского географического общества, вскоре превратившегося в важнейший инструмент познания Русской земли. Его председателем был назначен великий князь Константин Николаевич, царственный Телемак, а вице-председателем – мудрый Ментор – Федор Петрович Литке. Время возмужания великого князя подходило к концу – начиналась пора действий. ❷

РЫЦАРСКАЯ ГАТЧИНА

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГАТЧИНА, НАВЕРНОЕ, САМЫЙ РОМАНТИЧЕСКИЙ ПРИГОРОД ПЕТЕРБУРГА. В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ СМЫСЛЕ. ГАТЧИНА ПОЧЕМУ-ТО БОЛЬШЕ ВСЕГО АССОЦИИРУЕТСЯ С ГЕРОЕМ-ОДИНОЧКОЙ, БРОСАЮЩИМ ВЫЗОВ ВСЕМУ МИРУ. ОН МОЖЕТ БЫТЬ НЕЛЕП И ДАЖЕ НЕМНОГО БЕЗУМЕН, КАК ДОН КИХОТ, И ВСЕ ЖЕ ЕМУ НЕ ОТКАЖЕШЬ В РЫЦАРСТВЕ И БЛАГОРОДСТВЕ. С ГАТЧИНОЙ ОПРЕДЕЛЕННО ДОЛЖНА БЫТЬ СВЯЗАНА КАКАЯ-ТО НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ, ПОЧТИ ЛЕГЕНДАРНАЯ, МИФОЛОГИЧЕСКАЯ. ИНАЧЕ О ЧЕМ ЭТИ ЗАМКИ, ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ, ИЗВИЛИСТЫЕ РЕЧКИ, ДРЕВНИЕ ДУБЫ И ЕЛИ?

ЧТО ДО РЫЦАРСТВА, то в Гатчине о нем можно говорить не только фигурально и не только в контексте экстравагантных увлечений Павла I, облюбовавшего это место в конце XVIII столетия. Исторически эти земли действительно хранят следы пребывания здесь представителей европейского военно-землевладельческого сословия, воспетого в средневековых романах, балладах и поэмах.

Почти весь XVII век бывшее новгородское село Хотчино принадлежало шведскому дворянскому роду Оксеншерна – потомкам известных скандинавских рыцарей. Поскольку время было беспокойное, а ижорские земли, к которым относилось Хотчино, все время являлись предметом террито-

риальных споров между Швецией и Россией, шведский владелец села, Риксрод Габриэль Густавссон Оксеншерна, развивал инфраструктуру на пожалованных ему королем Густавом Адольфом землях в соответствии с оборонительными нуждами. Гатчинские краеведы считают, что архитектурное наследие шведского периода повлияло и на благоустройство города при русских хозяевах. Например, по некоторым предположениям, возведенная впоследствии графом Григорием Орловым Круглая рига есть не что иное, как перестройка старых шведских военных укреплений, а здание суконной мануфактуры появилось в Гатчине благодаря пристройке отдельной галереи к перестроенным башням разрушенной некогда крепости.

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Как бы то ни было, в 1703 году в ходе Северной войны ижорские земли перешли к России. До 1765 года Гатчинская мыза сменила многих владельцев, среди которых отметились и сестра Петра Великого Наталья Алексеевна, и лейб-медик первого императора Иван Блюментрост, и дипломат, действительный тайный советник Александр Куракин. В 1765 году имение выкупила Екатерина II и сразу же подарила его своему фавориту, генерал-адъютанту Григорию Орлову. Это была награда за помощь в организации известного дворцового переворота, благодаря которому немецкая принцесса, урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, заняла российский престол. Личность нового хозяина и гений места совпали. Орлову Гатчи-

чи камня. Архитектором стал Антонио Ринальди, и, конечно, образ доминанты архитектурно-паркового ансамбля выделся ему в итальянском стиле, однако с французскими и английскими нотами, как тогда было можно. Отдельные художественные решения были вдохновлены образами римской виллы Боргезе и элементами французских замков Во-ле-Виконт и Анси-ле-Фран. Практическая же составляющая, предполагающая строительство из местных материалов, придала дворцу английской строгости и элегантности. Дело в том, что главным материалом здесь стал так называемый пудостский камень, он же известковый туф, на первый взгляд серый и неприметный, но имеющий удивительное свойство менять цвет при разном освещении. На солнце дворец, облицованный такой породой, начинает буквально светиться желто-розовым, в пасмурную погоду играет фактура камня, его пористость создает эффект благородной древности.

В сочетании с башнями и сдержанным декором, со рвом, окружающим дворец, вся сложная концепция должна была указывать на то, кем является хозяин места. Важно было подчеркнуть, что владелец – человек, достигший высокого положения, смелый, решительный, деятельный, но и умеющий отдыхать, предаваться охоте, пирам и прочим мужским увеселениям. Все это было свойственно царившему в архитектуре XVIII века «говоря-

щему принципу». «Превосходное для одного не всегда является превосходным для другого. Дом князя не должен быть построен как дом частного лица, и так же дом частного лица – как дом человека, облеченного должностями» – так определял этот принцип один из законодателей архитектурной моды, Жермен Бофран. И каждая деталь резиденции графа Орлова должна была стать знаком в его биографии, выражением его личности. Активное строительство шло в Гатчине до конца 1770-х: почти десять лет возводился сам дворец, еще дольше обустроивался парк и окрестности. Все это время сюда часто навещалась императрица, но не только затем, чтобы следить за работами и отдавать распоряжения по внутренней отделке дворца. Здесь она и отдыхала, как говорится, душой: купалась в озерах, охотилась, гуляла по тенистым аллеям, вероятно, мечта о встрече с Жан-Жаком Руссо, которого пыталась заманить сюда с самого начала обустройства имения. Любовь царицы к Гатчине пережила любовь к ее владельцу, но и она оказалась не вечной, а эпилог ее был и вовсе противоречивым. После смерти Орлова в память о былом и прекрасном царица выкупила имение у наследников, но не для себя, а для сына Павла, которого она, как известно, не очень-то жаловала. В некогда любимую Гатчину царица отправила наследника как в ссылку – с глаз долой.

на с ее рыцарским флёром пришла, конечно же, по душе. Да и чем сам Орлов не рыцарь? Уж сюжет про спасение прекрасной дамы и вызволение ее из башни дракона как специально под него писан. Всеми качествами для своей благородной роли он обладал: и отвагой, и склонностью к авантюрам, и определенной, если не сказать ребяческой, непосредственностью, характерной более для сознания средневекового человека, нежели для гражданина, живущего в век Просвещения. Новый хозяин взялся благоустроить Гатчину с той же страстью, с которой бросался исполнять поручения дамы сердца. Тем более что дама сердца активно контролировала процесс. В течение года шли подготовительные работы: организация пространства, подготовка проекта дворца, разработка добы-

Царицей
Собственного
сада является,
конечно же,
богиня Флора

ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Наследник престола, впрочем, нашел такую немилость если не подарком судьбы, то вполне удачным развитием событий. В Гатчине, в отдалении от Петербурга, где всем правила мать, он мог наконец развернуться, подчинить себе пространство и людей. Главное, тут у него появилась своя собственная армия, такой же потешный полк, какой был и у его отца, Петра III. Со своим войском Павел проводил почти все свободное время, он лично на плацу перед дворцом руководил муштрой солдат, командовал озерной флотилией, драгунским, гусарским, жандармским и артиллерийским полками. Такая деятельность, безусловно, придавала будущему монарху уверенности в своих силах, позволяя избывать, как бы сейчас сказали, травмы детства и юности, изживая последствия вечного пренебрежения им при дворе матери.

Деятельность эта, однако, была не только терапевтической для израненной души цесаревича, но и полезной для места. Поскольку армия Павла была довольно внушительной (127 офицеров и почти 2500 нижних чинов), для того чтобы обеспечивать ее всем необходимым, нужна была соответствующая инфраструктура. И она развивалась бурными темпами. Вокруг дворца стремительно вырастали казармы, конюшни, арсеналы, за ними – пекарни, суконная фабрика, мастерские, мануфактуры фарфоровой и стеклянной посуды. Потешный полк превратил Гатчину из феодальной вотчины в многолюдный и оживленный город. Или даже в государство в государстве. Порядки ведь тут тоже были свои собственные.

В 1790-х годах Павел взялся за переустройство дворца и парка и активно вел работы и после своего восшествия на престол. Образцом он себе поставил замок Шантийи под Парижем, в котором цесаревич побывал в 1782 году во время загранич-

В бронзе Павла I в середине XIX века увековечил Джованни Витали. Прототипом явился портрет императора кисти Степана Щукина

ного путешествия со своей второй женой, Марией Федоровной (урожденной Софией Доротеей Вюртембергской). При Павле архитектор Винченцо Бренна расширил многие служебные помещения, одноэтажные каре дворца увеличил до трех этажей, перестроил колоннаду и открытые аркады, разбил рядом с дворцом Собственный сад. Многие туристы сегодня полагают, что и знаменитый подземный ход появился во дворце при

Павле I – слишком это созвучно его мнительной натуре. Но нет, подземный ход, соединенный с гротом «Эхо», что находится у Серебряного озера, был построен еще при Орлове. И он вовсе не связан ни с какими конспирологическими теориями, это просто дань романтической традиции. Парадные интерьеры дворца не подверглись сильным изменениям. Что удивительно, ведь внутренним убранством занималась тут его мать, и в пикку ей

фламандца Дюкенуа и «Кидиппа на колеснице» русского скульптора Семена Теглева.

Куда более внушительным изменениям подверглись небольшие помещения. Кабинет Орлова и его же Китайская комната были переделаны в скромные тронные залы: первый – самого Павла, второй – Марии Федоровны. Тронная императрицы стала известна еще как Картинная комната. Сегодня в ней экспонируется 59 картин, часть из них из коллекции Орлова, часть была привезена новыми хозяевами. Также при Павле были выявлены ошибки в расчетах Ринальди, из-за чего стали разрушаться открытые колоннады дворца. Винченцо Бренна предложил заложить лоджии камнем, а все образовавшееся пространство вместе с частью примыкавших к нему комнат превратить в Чесменскую галерею, посвященную победе русского флота в сражении с турками при Чесме в 1770 году. Однако остановив разрушения, грозящие произойти по недосмотру своего предшественника, архитектор Бренна никак не мог предусмотреть разрушений, связанных с войной. Галерея была уничтожена в пожаре 1944 года. Интерьер решили не воссоздавать, теперь на месте Чесменской галереи «Зал памяти Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Так или иначе, почти все переделки в Гатчинском дворце во время павловской реконструкции были связаны больше с техническими моментами, нежели с амбициями Павла непременно оставить свой след, непременно сделать по-своему. Все объясняется просто. В Гатчине он нашел возможность проявить свои таланты преобразователя иначе. Главным архитектурным памятником Павлу I здесь является Приоратский замок.

Мраморная лестница – особая гордость дворца. Яркие стены с замысловатым орнаментом, ажурная ковка, пальмы между пролетами словно переносят нас в безмятежный солнечный край

он мог бы изменить все до неузнаваемости. Однако Павел I был не настолько своенравным и несправедливым, как воображают многие. Все сделанное по-настоящему хорошо он ценил. А усовершенствовать что-то в главных залах дворца было почти невозможно. Об этом свидетельствовала и опись дворца 1796 года, в которой Мария Федоровна оставила свои пометки. Отдельное место в этом документе заняли знаменитые античные горельефы, украшающие Белый зал – самое большое и торжественное помещение дворца. Особую ценность представляют «Церера и Флора», «Жертвоприношение императора Тита» и «Путник» – подлинные памятники античности, датированные примерно I веком н.э.

Произведения эти и сегодня представлены во дворце, но в сильно разрушенном виде: они пострадали во время пожара, случившегося здесь во время Великой Отечественной войны. Интерес представляют также подлинные античные головы Антиноя и Каракаллы и подаренные Екатериной Орлову работы итальянских мастеров: «Эней, спасающий Анхиза» Морлайтера и «Похищение Елены» Маркиори.

При реконструкции, затеянной Павлом, Белый зал пополнился, впрочем, и новыми работами. Помещение украсили мраморные рельефы на тему жизни Александра Македонского итальянца Солари, «Драка амуров»

В Белом зале дворца экспонируются подлинные памятники античности

Винтовая лестница одной из башен дворца ведет к смотровой площадке – виды отсюда просто потрясающие!

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Этот замок не сразу привлекает к себе внимание путешественников. Он не стоит на возвышенности, его шпиль не возносится в небеса – напротив, укрывшись в низине, на берегу Черного озера, он открывается публике лишь с небольшого расстояния. Этот крохотный дворец, этот тихий монастырь так прост и строг, что не вызывает никаких бурных чувств, ничего в душе не переворачивает. И все же стоит его только увидеть, интерес к нему уже не отпускает, его стены явно заключают какую-то весьма необычную историю. И это действительно так.

Необычна сама история появления Приоратского замка. Этот скромный на первый взгляд дворец, казалось бы, всего лишь архитектурная игрушка – результат сложных исторических перипетий, военно-политических интриг и амбиций. Замок не был бы возведен в отдаленной от шумного Петербурга Гатчине, не случись Французской революции, не появившись на мировой арене Наполеон. Ведь именно когда Бонапарт захватил Мальту, рыцари Мальтийского ордена обратились к Павлу I за поддержкой и с просьбой принять на себя сан Ве-

Греческая галерея, как и Чесменская, появилась при закладке открытых колоннад дворца

Бюсты Вольтера украшают и комнаты Гатчинского дворца, и залы Приоратского замка. Это деталь, многое говорящая о владельце замка: Павел I был правителем высокообразованным, его библиотекам могли позавидовать виднейшие философы

ликого магистра ордена святого Иоанна Иерусалимского. Конечно, русский император, воспитанный на легендах о славных рыцарях и мечтавший, что когда-нибудь ему и самому представится возможность проявить отвагу, доблесть и решительность, с радостью согласился. В январе 1797 года Павел I подписал Конвенцию, по которой в России создавалось «Великое приорство» мальтийского ордена. Сначала для размещения администрации приорства ордену был передан бывший Воронцовский дворец в Петербурге, позже император решил построить резиденцию для

приора мальтийского ордена, принца Конде, в своей любимой Гатчине.

Любопытны архитектура и сам способ строительства дворца. Если резиденции для русских монархов проектировали иностранцы, чаще всего итальянцы и французы, то дворец для иноземных рыцарей было поручено создать русскому архитектору Николаю Львову. И этот талантливый мастер подошел к делу с выдумкой. Главной особенностью композиции замка стала ее абсолютная несимметричность, со всех четырех сторон дворец выглядит так, будто смотришь

на разные здания. Другая важная отличительная черта связана с технологией. Львов распорядился построить дворец из землебитных блоков. Ранее эту методику он использовал при строительстве «хижины» для фаворитки императора, Екатерины Нелидовой. Такой способ позволил возвести стены дворца всего за три месяца и потратить на них в десять раз меньше, чем при строительстве из обычного камня. Рыцарство, конечно, Павел уважал, но и деньгами, судя по всему, разбрасываться не хо-

тел. К тому же экономия в этом случае не приводила к потере качества – стены испытывали на прочность придворные офицеры, пытавшиеся разрушить их палаши. Для смеха пускали в ход дамские зонтики в качестве штыков. А как говорится, если нет разницы, зачем платить больше? Землебитные механизмы, показавшие такую эффективность, сегодня являются частью экспозиции замка. Приорат как музей, однако, куда больше интересен сегодня не демонстрацией строительной тех-

Приоратский замок даже в приближении кажется игрушечным, но какая за ним историко-политическая подоплека!

В Тронном зале Марии Федоровны можно задержаться надолго, ведь на самом деле это зал – Картинный

ники, а своими интерьерами, предметами быта, передающими дальнейшую историю дворца. Да и не только дворца. А мировой политики. Например, сегодня в музее под стеклом можно увидеть замысловатую политическую британскую карикатуру «Русский Забияка получает по заслугам вместе со своими помощниками». Когда революционные бури во Франции стихли, русские и французские правители пошли на осторожное сближение, однако тут же у России случился разлад с Британией, и англичане как назло полезли на Мальту, чем не на шутку разозлили вспыльчивого русского царя. Не стерпев оскорбления, Павел I сначала издал указ о наложении секвестра на все английские суда во всех российских портах и о запрете продажи английских товаров в империи, а после и вовсе замыслил поход в Индию, чтобы потревожить там британские колонии. Он даже успел отправить войско в Среднюю Азию, где у англичан тоже были свои интересы. Быть может, могла бы разразиться большая война, но авантюра закончилась, не успев начаться. В 1801 году император пал жертвой очередного дворцового заговора.

Приорат был передан в государственную казну. Новое применение ему нашла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она приспособила замок под лютеранский храм, а позже уже ее правнук, Александр III, разместил в Приоратском дворце певчих придворной Капеллы. Под новое начинание в Приорате провели реконструкцию, заменили перекрытия, устроили потолок дощато-кессонной конструкции, что обеспечило не только крепость за счет равномерного распределения нагрузки, но и отличную акустику. А еще эти потолки очень красивы. Может быть, они не так сложны, как умопомрачительный рисунок на паркете в Белом зале Гатчинского дворца, но они так очаровательны, что не отвести глаз.

В нескольких залах Приоратского замка сегодня собрана коллекция мебели, посуды, картин, которой также пользовались члены семьи Александра III. Вообще, тут много примет его эпохи. Что не удивительно: Гатчина стала для предпоследнего русского царя настоящей отдушиной. А еще – полигоном для инноваций и модернизации. Эта новая страница истории Гатчины заслуживает особого внимания.

Туристы любят останавливаться на Карпином мосту: любоваться дворцом и окружающим парком

ЧУДЕСА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Александр III запомнился многим как монарх, открывший моду на русский стиль, в основе которого обращение к национальным истокам и дореволюционным традициям. Эпоха Александра III – это Спас на Крови, русское узорочье, расцвет славянофильства, бороды в конце концов. И вместе с тем это время научно-технического прогресса, роста промышленности, внедрения новых технологий.

Русский царь ценил комфорт и горячо приветствовал развитие технологий, облегчающих быт. Бытовой комфорт он привнес и в Гатчину, в которую переехал после того, как близкие окончательно убедили его, насколько небезопасно ему оставаться в столице после всех покушений. В конце XIX века Гатчинский дворец вновь подвергся существенным переделкам. В него провели электричество, телефонную связь, водопровод и канализацию, печное отопление

На втором этаже Приоратского замка воссозданы интерьеры эпохи Александра III. Особое очарование обстановке придают рисунки детей императора, милые дамские штучки...

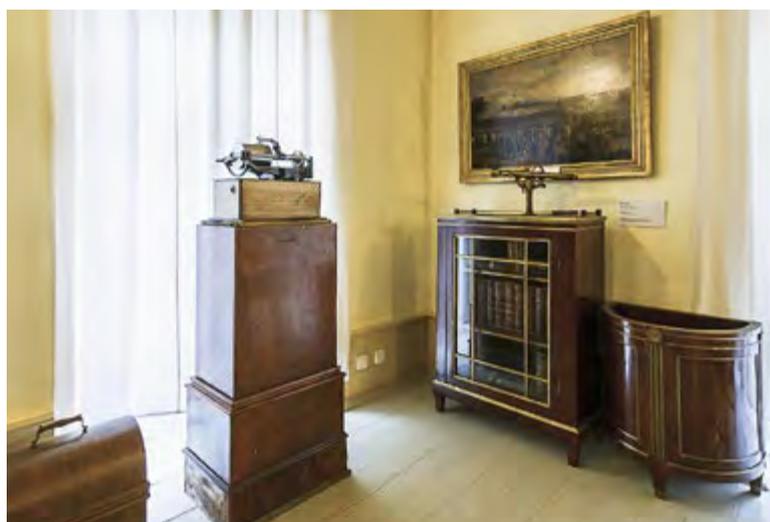
заменяли калориферным. Да что дворец, сам город преобразился. Александр III стремился к тому, чтобы благами цивилизации могли пользоваться все без исключения. Электрические фонари стали освещать улицы, водопровод и канализация были подведены ко многим зданиям. В Гатчине также появились оборудованные по последнему слову техники медицинские учреждения, открылись новые школы. А из совсем уж диковинок появился вагончик, бегающий по подвесным рельсам между дворцом и вокзалом. Кроме того, в Гатчине,

в Серебряном озере, испытали подводную лодку Степана Дзевецкого, здесь прошли сравнительные стрельбы из винтовок системы Сергея Мосина и бельгийца Нагана.

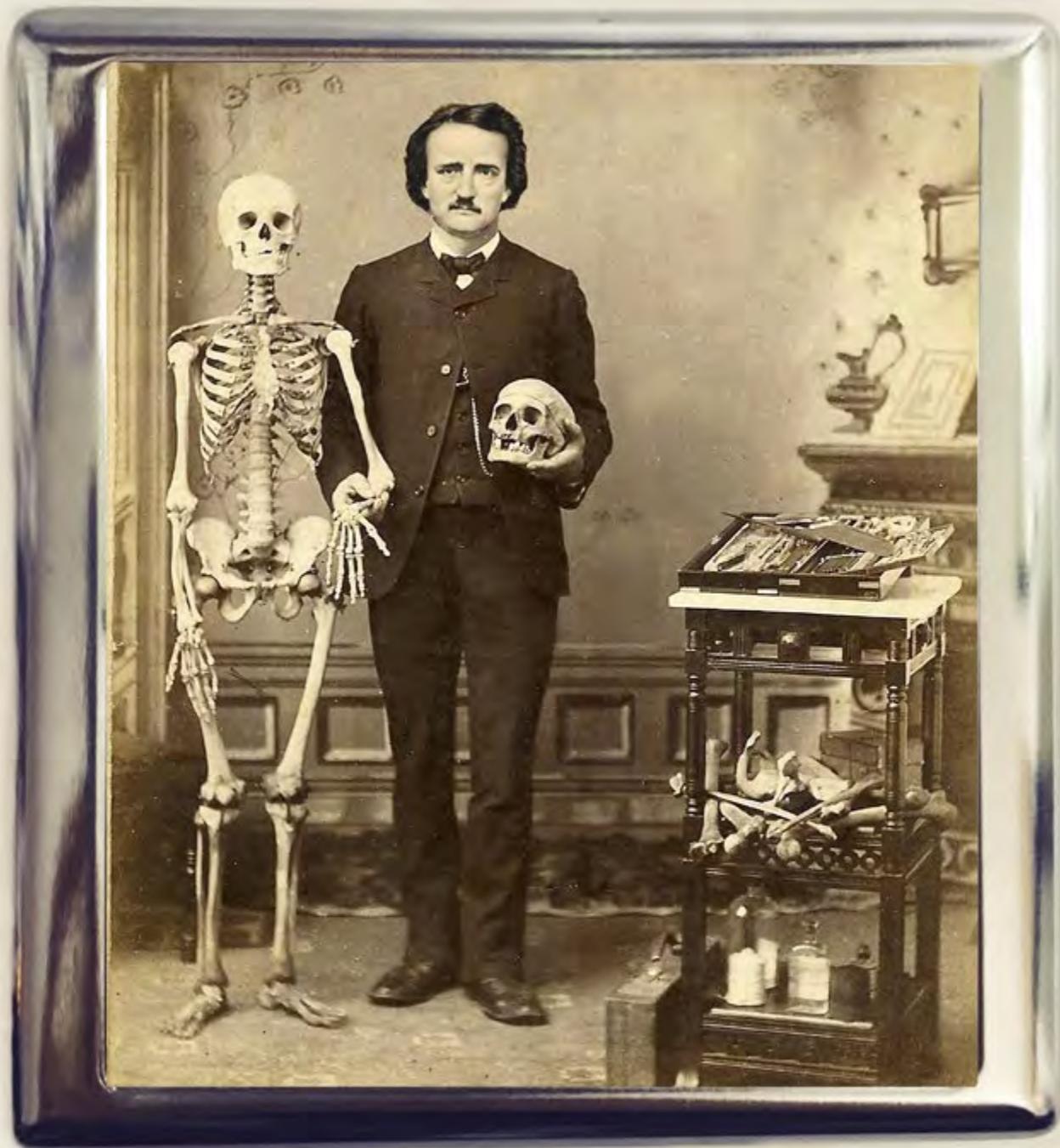
При этом, что интересно, сам по себе быт русского императора оставался скромным. Он восхищался прогрессом, но не имел тяги к роскоши, шумным и дорогим увеселениям. Во дворце он занимал верхний этаж Арсенального каре, много работал, читал и писал. Отдыхать предпочитал в тишине и уединении, гуляя и дыша целебным, по мнению лейб-медика импе-

Кажется, что скульптор Владимир Бродарский наблюдал императора на его знаменитой рыбалке, заставившей ждать европейских послов. Но памятник был создан в наши дни и установлен в 2021 году. Однако в основе его эскизы Паоло Трубецкого 1899 года

ратора Сергея Боткина, воздухом гатчинских парков, удил рыбу. Последнее увлечение сделало императора автором крылатого выражения. Случай этот известен. Однажды во время рыбалки Александра III беспокойил министр иностранных дел с просьбой о незамедлительной встрече с европейскими послами. Император спокойно ответил: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». В Гатчине, впрочем, чувство такое, что подождать может вообще все, что угодно. До того здесь хорошо. Кажется, что всего много и это все глубоко, сложно, но вместе с тем и просто, потому что гармонично. И оттого на душе легко и спокойно. Вот гуляешь по Собственному саду, спускаешься к тихим озерам, любишь дивными островами и павильонами, удивляешься странно-конструктивистскому березовому домику – и понимаешь, что такими же тропами ходили когда-то и неутомимая, страстная Екатерина, и ее несчастный сын, грустный романтик Павел, а затем невозмутимо-афористичный Александр, к которому здесь проникаешься неподдельным сочувствием. Бродишь по дворцовым интерьерам и во многом явственно видишь влияние домовитой, благодетельной, набожной императрицы Марии Федоровны. Гуляешь по городу и вспоминаешь опять Марию Федоровну – тоже вдовствующую императрицу, но уже другую, не оставившую Гатчину после смерти мужа, Александра III, осветившую город благотворительностью в годы Первой мировой войны. Все переплелось здесь, но как красиво. Как тропинки, петляющие в парках, но неизменно выводящие к сверкающим на солнце прудам. Как затейливая застройка, чью разнообразность, словно в старых русских городах, примиряют маковки церквей и шпили соборов. Как воспоминание о чем-то очень светлом и радостном. Как предвосхищение чего-то нового и необычайного. 📍

Приоратский замок – совсем небольшой музей, но чего там только нет!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛУКАВЫЙ МАГ

Дагеротип Эдгара По в декорации «Кабинет доктора со скелетом»

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ОДНАЖДЫ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ТРАКТИРЕ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН ВСТРЕТИЛ НЕВЫСОКОГО СЕРОГЛАЗОГО ЮНОШУ, СИДЕВШЕГО В ОДИНОЧЕСТВЕ. ЧЕМ ЭТОТ АМЕРИКАНЕЦ МОГ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА – НЕИЗВЕСТНО. ОДНАКО ИМЕННО ОН ВО ВРЕМЯ ОЖИВЛЕННОЙ БЕСЕДЫ ПОДСКАЗАЛ ПУШКИНУ ИДЕЮ ПОЭМЫ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК». ЗВАЛИ ЮНОШУ ЭДГАР АЛЛАН ПО...

КОНЕЧНО, ЭТО ДАЖЕ не легенда, а чистой воды выдумка. Но весьма любопытная, поскольку порождена она мистификацией, просуществовавшей

удивительно долго. Еще поразительнее то, что автором мистификации был сам Эдгар По: в короткой автобиографии, написанной в 1839 году, он сообщил, что в 17 лет «бе-

жал из дома без гроша в кармане, чтобы принять участие в борьбе греков, сражавшихся за свою свободу, и, не добравшись до Греции, попал в Россию, в Санкт-Петербург».

На самом деле в России По никогда не был. Но это станет известно лишь в XX веке, после скрупулезных исследований биографии писателя. А до того эта мистификация будоражила умы литераторов, повторявших ее в статьях об Эдгаре По. Да и не только в статьях. В романе Валентина Катаева «Время, вперед!» выдумку о По и Пушкине рассказывает одному из героев приехавший в СССР американский инженер. Известно, что Юрий Тынянов намеревался написать новеллу о встрече По и Пушкина. Но дальше всех в «легализации» мистификации зашел поэт Владимир Пяст. В мемуарах он утверждал, что во время Февральской революции в Петербурге был сожжен архив полиции, в котором стorerла «запись о задержании на улице в начале 30-х годов XIX века американского гражданина Эдгара Аллена По»...

ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ ЧУДЕСНОГО

Пожалуй, трудно найти в истории мировой литературы писателя, чья судьба была бы столь же трагической, как у Эдгара По. При жизни – непризнанный гений, так и не выбившийся из нищеты. После смерти – оклеветанный человек, названный сумасшедшим и маньяком. Это может показаться невероятным, но в США до второй половины XX века попытки серьезного осмысления творчества По почти не предпринимались.

А ведь Эдгар По – один из столпов раннего символизма и родоначальников детективного и фантастического жанров, создатель «Ворона» – культового стихотворения мировой литературы. Его влияние на свое творчество признавали Артур Конан Дойл, Агата Кристи, Герберт Уэллс, Артюре Рембо, Поль Верлен, Теофиль Готье, Стефан Малларме, Морис Метерлинк, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус. Его стихами и новеллами зачитывались Федор Достоевский, Оскар Уайльд, Иван Тургенев,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Федор Сологуб, Райнер Рильке, Бернард Шоу, Александр Грин, Говард Лавкрафт и Стивен Кинг. Александр Блок посвятил По стихотворение «Осенний вечер был...». Владимир Набоков в романе «Лолита» зашифровал несколько отсылок к поэме «Аннабель Ли» и дру-

Иллюстрация Г. Доре к стихотворению Эдгара По «Ворон». 1884 год Шарль Бодлер. 1863 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гим произведениям По. «Я знаю много замечательных произведений, написанных американскими поэтами, но, думаю, Эдгар По – это самый настоящий американский гений», – считал Альфред Теннисон. Жюль Верн в статье, опубликованной в 1862 году, писал, что По «создал совершенно особый род сочинения, его можно назвать основателем школы чудесного. У него были подражатели, которые старались превзойти его, но ни один из них даже не сравнялся с ним». Фантаст не скрывал, что написал роман «Вокруг света за восемьдесят дней» под влиянием рассказа По «Три воскресенья на одной неделе». И посвятил памяти американца своего «Ледяного сфинкса», который стал продолжением романа Эдгара По «Приключения Артура Гордона Пима». А Шарль Бодлер полжизни добивался признания читателями гения По: семнадцать лет он переводил на французский язык произведения американца и писал о нем статьи...

В XIX веке, когда в Европе и России уже гремела слава Эдгара По, в США писателя считали безумцем и алкоголиком. Голоса немногих американских ценителей таланта По тонули в лавине анекдотов о его жизни. Глумились даже над самой смертью писателя, обстоятельства которой по сию пору остаются неясными.

ГОЛОС НАЯДЫ

Поражает сравнение ранних портретов По и дагеротипа, сделанного за четыре месяца до его смерти: трудно поверить, что это – один и тот же человек. На первых – красивый мужчина с гордым взглядом. «У мистера По были темные, почти черные волосы, которые он носил длинными, зачесывая назад... <...> Нос у него был длинный, прямой, черты лица правильные и тонкие, прекрасный рисунок губ. Он был бледен, и щеки его никогда не окрашивал румянец: кожу отличал красивый и чистый оливковый оттенок. <...> Худощавый,

но великолепно сложенный, он держался по-военному прямо и ходил быстрым шагом» – так описывала 22-летнего По одна из его знакомых. А с дагеротипа на нас смотрит глубоко несчастный, измученный человек: лицо изборождено морщинами, одна бровь заметно ниже другой, в глазах – печаль. Эдгар По умер в октябре 1849 года, прожив всего 40 лет...

Биография По так переполнена несчастьями и странными событиями, что подробный рассказ о ней займет не один десяток страниц. Попытку же вкратце описать его жизнь можно уложить в несколько словосочетаний: раннее сиротство, череда смертей любимых, безысходное одиночество, несбывшиеся надежды, месть завистников, бесконечная нищета, каторжный труд, долги и банкротство, слабое здоровье, гордыня и вспыльчивость.

Велик соблазн напрямую связать новеллы По с его судьбой и помраченным рассудком. И полагать, что только в этом и заключался источник ошеломляюще реалистичных описаний пограничных состояний человеческой психики в его произведениях. Подобные попытки предпринимались не раз. И не только критиками, но и психиатрами. В книге Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство» имя По мелькает неоднократно. Макс Нордау в работе «Вырождение» называл американского писателя «талантливым, но поврежденным в уме». Однако По не был безумцем. По крайней мере в то время, когда писал свои изумительные новеллы. Увлечшись их штудированием, читатели зачастую забывали, что это не документальная, а художественная проза. Забывали о том, что герои рассказов и автор – не одно и то же лицо. И не слышали «голоса наяды» – так По называл скрытый смысл литературных произведений.

В конце концов, разве мог сумасшедший создать «логические рассказы» – прародителей детективного жанра? Разве мог безу-

Портрет Эдгара По в антологии Southern Literary Messenger

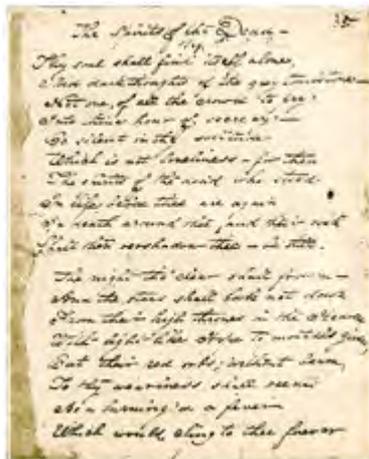

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мец писать новеллы, давшие толчок развитию научной фантастики? Мог помешанный, проанализировав газетные публикации о нашедшем в 1841 году убийстве Мэри Роджерс, написать рассказ «Тайна Мари Роже», в котором были перечислены ошибки следствия и сказано, что убийца был моряком? После раскрытия дела выяснилось, что выводы По были абсолютно верными. Но еще больше впечатляет случай с Чарльзом Диккенсом.

Вернее, с его романом «Барнеби Радж», который в 1841 году печатался с продолжением в лондонском еженедельнике Master Humphrey's Clock. В феврале 1841-го По написал рецензию на роман, в которой точно предсказал, как будет развиваться сюжет. Когда Диккенс прочитал эту рецензию, то воскликнул: «Этот По, должно быть, сам сатана!» Кстати, По и Диккенс дважды встречались, когда британский писатель в 1842 году приехал в Филадельфию.

Одна из особенностей новелл По – их поразительное правдоподобие. Он тщательно выписывал из книг, газет и журналов факты, описания событий, людей и мест, а затем использовал эти выписки в работе. Яркий пример такого подхода – история еще одной мистификации, устроенной По. В 1844 году в нью-йоркской Sun был опубликован его рассказ «История с воздушным шаром», написанный в виде репортажа: в нем сообщалось, что 8 смельчаков за 75 ча-

Копия оригинальной рукописи поэмы Эдгара По «Духи мертвых»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сов перелетели Атлантику на воздушном шаре «Виктория». Естественно, это была выдумка. Но рассказ был написан с такими убедительными подробностями, что вызвал среди читателей настоящий переполох. И, конечно, По опирался на свои впечатления и воспоминания. Например, в его знаменитом «Золотом жуке» действие происходит на унылом пустынном острове Салливана. Именно на нем По провел год, когда служил солдатом в 8-й батарее 1-го артиллерийского полка (кстати, на этот же остров приземлилась и выдуманная «Виктория»). А в новелле «Вильям Вильсон» в основу описания школьных лет героя, терзаемого двойником, легли детские воспоминания По о пребывании в частной школе в пригороде Лондона.

СМЕРТЬ ПРЕКРАСНЫХ ЖЕНЩИН

«...Я спросил себя: «Изо всех печальных предметов какой, в понятиях всего человечества, самый печальный?» «Смерть», – был очевидный ответ. «И когда, – спросил я, – этот наиболее печальный из всех предметов наиболее поэтичен?» «Когда он тесно связан с прекрасным; следовательно, смерть прекрасной женщины, вне всякого сомнения, является наиболее поэтическим предметом на свете...». Это отрывок из эссе Эдгара По «Философия творчества», в котором он описывает механизм создания своего «Ворона» – в 1845 году это стихотворение принесло По короткую всеамериканскую славу. Эссе было опубликовано в 1846-м – на излете жизни писателя. Можно сказать, что он знал, о чем пишет.

В первый раз смерть прекрасной женщины По увидел в 3-летнем возрасте: 8 декабря 1811 года в Ричмонде (штат Виргиния) в съемной комнатке умерла от чахотки его мать – 26-летняя актриса Элизабет По. Отца своего Эдгар не помнил: предполагают, что актер Дэвид По тоже скончался от чахотки в 1810 году. Эдгар был вторым

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ребенком в семье, он родился 19 января 1809 года в Бостоне. Старший брат, Уильям Генри, появился на свет в 1807-м и с младенчества жил с родней отца в Балтиморе. В 1810-м родилась Розали.

После смерти Элизабет По сирот приютили жители Ричмонда: Эдгара забрала Фрэнсис Аллан, жена зажиточного торговца Джона Аллана, а Розали – семья Маккензи.

У Алланов не было своих детей. Фрэнсис не раз предлагала мужу усыновить Эдгара, но Аллану претила мысль, что его наследником может стать приемный сын. Тем более что в Ричмонде у него было несколько незаконных детей, о которых супруга не подозревала. Вообще, отношение Аллана к пасынку – точка отсчета несчастий в жизни Эдгара По. Пока подросток восхищал всех своими способностями и успехами в учебе, Аллан не выказывал недовольства. Он даже оплачивал обучение мальчика в частных школах в Англии, куда Аллан с семьей отправился в 1815 году ради заключения выгодных контрактов. После возвращения в Ричмонд в 1820 году Эдгар учился в местной школе. Он увлекался

Элизабет
Арнольд
Хопкинс По,
мать Эдгара По

литературой, читал в оригинале Овидия, Цицерона, Горация, Гомера и Ксенофонта и мечтал стать поэтом. Но Аллан, к тому моменту уже один из самых богатых людей в городе, решил, что пасынок будет юристом, и нанял репетиторов, подготовивших Эдгара к поступлению в Виргинский университет.

К этому же времени относятся и первые влюбленности По. Сначала это была мать одного из одноклассников – Джейн Стенард, к которой он испытывал платоническую страсть. Когда она неожиданно скончалась, Эдгар был потрясен; Джейн превратилась в Елену его поэтических грез. Затем предметом его воздыханий стала 15-летняя Эльмира Ройстер. Перед отъездом Эдгара в университет она пообещала стать его женой. Однако Аллан дал понять отцу Эльмиры, что Эдгар не будет его наследником, после чего мистер Ройстер стал перехватывать письма По к дочери и поспешно выдал ее замуж.

Чем взрослее становился Эдгар, тем хуже становились его отношения с приемным отцом. Это выливалось в унижительные для По ситуации. Так, из-за скупости Аллана Эдгару пришлось в декабре 1826 года оставить университет: отчим отказался оплачивать его обучение и потребовал вернуться в Ричмонд, где положение По стало невыносимым. Пользуясь своим влиянием, Аллан пресекал попытки Эдгара найти работу и постоянно упрекал его в том, что он – нахлебник. В марте 1827 года отчим выгнал пасынка из дома без денег и вещей. Жить юноше было не на что, и в мае 1827-го он подписал пятилетний контракт на службу в армии. Уже через год По изнывал от службы, его влекла только литература. Но Аллан и слышать об этом не хотел. Эдгар пытался помириться с ним, ради чего даже пообещал поступить в Военную академию в Вест-Пойнте. В феврале 1829 года умерла Фрэнсис Аллан. Отчим написал Эдгару об этом слишком поздно, и По не успел на похороны.

Приехав в Ричмонд, он пошел на кладбище и несколько часов пролежал на могиле приемной матери...

Уволившись из армии, Эдгар отправился в Вашингтон и передал документы для поступления в Вест-Пойнт в министерство обороны. Ответа из ведомства он дожидался в Балтиморе, где разыскал своих родственников: сестру отца Марию Клемм, ее детей Генри и Вирджинию и своего старшего брата, умиравшего от чахотки. Семейство Клемм едва сводило концы с концами, но По они встретили с восторгом. До того как в декабре 1829-го вернуться в Ричмонд, Эдгар ухаживал за братом. В мае 1830 года пришло сообщение о его зачислении в Вест-Пойнт. Тогда же между Алланом и По произошла последняя страшная ссора. Расстались они врагами. Не удивительно, что в Вест-Пойнте повторилась та же история, что и в университете. Аллан отказался помогать По. К тому же вскоре отчим женился. И без того призрачные надежды Эдгара на наследство растаяли как дым. По написал Аллану, что хочет покинуть Вест-Пойнт, и вновь попросил о помощи. Ответа не последовало. Тогда По стал пропускать занятия и игнорировал приказы командиров. В феврале 1831 года его исключили из академии.

КРИТИК С ТОМАГАВКОМ

Начало литературной карьеры не задалось: первые три стихотворных сборника, изданных Эдгаром во время учебы в университете и в Вест-Пойнте, критика почти не заметила. Безденежье вынудило По перебраться к Клеммам в Балтимор. Поиски работы ни к чему не привели. В конце 1831 года По принял участие в конкурсе на лучший рассказ, объявленный газетой Philadelphia Saturday Courier. Приз победителю составлял 100 долларов. На конкурс Эдгар отправил написанные в рекордно короткий срок новеллы «Метценгерштейн», «Герцог де Л'Омлет», «На стенах иеруса-

Сэмюэл Осгуд.
Портрет Эдгара
Аллана По.
1845 год

Акварельный
портрет
Вирджинии По,
написанный
сразу после
ее смерти

лимских», «Существенная потеря» и «Несостоявшаяся сделка». Но жюри присудило победу другому участнику, а рассказы По без указания авторства были опубликованы в газете. Эдгар решил не сдаваться и летом 1833-го отправил на конкурс газеты Baltimore Saturday Visitor (главный приз – 50 долларов) шесть новых рассказов. На сей раз жюри единогласно назвало лучшим рассказ По «Рукопись, найденная в бутылке».

И заявило, что все остальные его новеллы заслуживали победы. Фактически это было первое признание таланта Эдгара По. Дальнейшая жизнь По – это смена редакций газет и журналов из-за конфликтов с владельцами изданий и редакторами. Приходилось снова и снова искать работу и переезжать из города в город. С одной стороны, коллегам трудно было смириться с талантом По. С другой – сам Эдгар нередко вел себя с ними слишком высокомерно. А уж когда речь заходила о литературе, он не шел ни на какие компромиссы. Его рецензии отличались разящей наповал критикой. Довольно быстро По нажил немало врагов в литературном мире – не зря его прозвали «критиком с томагавком». А сам Эдгар, разрабатывая теории о журналистике и литературной критике, мечтал об издании собственного журнала. Но этому не суждено было сбыться.

Репутация строптивого профессионала не способствовала большому заработку. По и Клеммы перебивались с хлеба на воду. Довольно часто Марии Клемм приходилось идти по соседям с корзиной, выпрашивая горбушку хлеба, луковицу, картофелину. Как-то один из симпатизировавших По знакомых пригласил его к себе на обед. «Я не могу прийти – по причинам самого унизительного свойства, касающимся моей внешности», – написал в ответ По. Дело в том, что у писателя не было приличной одежды.

Полуголодное существование, изнурительная работа, нищета и конфликты с коллегами приводили к черным депрессиям и нервным срывам. По все чаще прикладывался к бутылке. Алкоголь действовал на него ужасно: достаточно было бокала вина, чтобы Эдгар перестал себя контролировать. После очередного срыва он каялся и клялся не прикасаться к рюмке. При этом близко знавшие Эдгара люди вспоминали, что не так уж часто видели его пьяным, чтобы считать По алкоголиком.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ГОСПОДИ, ПОМОГИ МОЕЙ БЕДНОЙ ДУШЕ»

В мае 1836 года Эдгар женился на своей кузине Вирджинии Клемм, которой едва исполнилось 13 лет – подобное тогда еще было в порядке вещей. Супруги нежно любили друг друга. Но в январе 1842 года стало ясно, что Вирджиния больна туберкулезом. Для По это стало шоком: он понимал, что снова теряет любимую женщину. Тут стоит заметить, что в 1845 году Эдгар познакомился с поэтессой Фрэнсис Огсуд, у них завязалась романтическая переписка в стихах. Отношения были сугубо платоническими, причем Вирджиния поощряла дружбу мужа с Фрэнсис. Видимо, понимая, что ей осталось недолго, она присматривала ему новую спутницу. Однако выяснилось, что и Фрэнсис больна туберкулезом – она переживет По всего на год. Надо сказать, что Эдгар был не единственным адресатом Огсуд: в такой же стихотворной переписке она флиртовала с критиком Руфусом Грисвольдом. Это имя стоит запомнить, ибо не было у По врага более коварного, чем Грисвольд.

Вирджиния скончалась в январе 1847 года. Незадолго до ее смерти поэтесса Мэри Николз навестила По, живших в пригороде Нью-Йорка. «Миссис По быстро угасала от туберкулеза, – вспоминала она. – Я увидела ее в спальне. Все кругом нее было в чистоте и безупречном порядке и так скудно и по-нищенски убого... <...> Погода была холодной, больную сотрясал озноб... Она лежала на соломенной подстилке, укутавшись в пальто мужа, а на груди у нее лежала огромная пестрая кошка. <...> Пальто и кошка единственно только и согревали несчастную страдальцу, за исключением того, что муж согревал ее руки, а мать – ноги».

После смерти любимой жены жизнь По пошла под откос. Он долго болел, лечивший его врач предупредил, что из-за слабого сердца и расстроенных нервов писатель может умереть. Если

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бы не помощь благотворителей и походы за подаением Марии Клемм, вряд ли Эдгар встал бы на ноги. Оправившись от болезни, По... вновь влюбился. На сей раз в поэтессу Сару Уитмен. Дело дошло до помолвки после того, как Эдгар поклялся не пить. Но кто-то прислал анонимное письмо Уитмен, сообщив, что ее жениха видели пьяным. Она разорвала помолвку. В последний год жизни По был снова помолвлен. На сей раз с

Портрет
Фрэнсис Огсуд
из антологии
ее поэзии.
1848 год

Руфус
У. Грисвольд.
Портрет
из антологии
«Поэты и поэзия
Америки».
1855 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

богатой ричмондской вдовой миссис Шелтон – той самой Эльмирой, в которую он был влюблен в юности. Венчание назначили на 17 октября. Казалось, дела стали налаживаться. По вступил в общество трезвости, читал лекции и вел переписку с богатым поклонником из Кентукки, предложившим писателю учредить общенациональный журнал. 27 сентября 1849 года По отправился из Ричмонда в Балтимор, откуда он должен был доехать до Филадельфии, а затем до Нью-Йорка, где его ждала Мария Клемм.

3 октября владелец одной из балтиморских газет, доктор Снодграсс, получил записку. В ней сообщалось, что у таверны Райана некий «обносившийся джентльмен» назвал Эдгаром По и попросил обратиться за помощью к мистеру Снодграссу. Знавший По доктор нашел писателя в таверне в бессознательном состоянии и в одежде явно с чужого плеча. По был доставлен в больницу и пришел в себя лишь 5 октября. Объяснить, что он делал в Балтиморе и где его вещи, он не смог. 6 октября начался бред, больной все время звал какого-то Рейнольдса. Около 5 часов утра 7 октября 1849 года По скончался. Наблюдавший за ним доктор Моран сообщил, что его последними словами были: «Господи, помоги моей бедной душе».

Медицинские записи и свидетельство о смерти По не сохранились. Снодграсс заявлял, что По был сильно пьян. Моран настаивал на том, что от писателя не пахло спиртным. В качестве причины смерти По выдвигается много версий: опухоль мозга, эпилепсия, менингит, гипогликемия, сифилис, инсульт, холера. И вот еще одна. В начале октября 1849 года в Балтиморе проходили выборы в Конгресс США. «Город, прославившийся политической коррупцией, терроризировали шайки «охотников за голосами», чьи услуги оплачивались из партийных касс, – писал биограф По Аллен Герви. – Избирателей не регистрировали, и всякий, кто желал или мог под-

нять руку в присутствии поверщика выборов и ответить на несколько немудреных вопросов, получал право принять участие в голосовании. <...> Бедняг, которые, поддавшись на посулы или угрозы, попадали в лапы политических разбойников, за два-три дня до голосования стогнали в специальные места – «курятники», – где держали, одурманенных спиртным и наркотиками, до начала выборов. Затем каждого заставляли голосовать по нескольку раз». Один из избирательных участков находился как раз в таверне Райана...

8 октября, в день похорон писателя, в газете New-York Tribune был опубликован некролог, начинавшийся так: «Эдгар По мертв. Он умер позавчера в Балтиморе. Известие это поразит многих, но мало кого опечалит». Некролог был подписан псевдонимом Людвиг – им трусливо прикрылся Руфус Грисвольд. Скандальную статью перепечатали многие газеты. Но на этом дело не закончилось. Грисвольд продолжал чернить По, выдумывая небылицы и подделывая его письма. В статье «Мемуары автора», которую Грисвольду хватило совести назвать «биографической», критик выставил По безбожником, сумасшедшим, алкоголиком и наркоманом. Именно Грисвольд опорочил имя По на десятилетия вперед. Люди, близко знавшие Эдгара, пытались разоблачить эту ложь, но публика, как обычно, предпочитала смаковать жареные подробности и копать в грязном белье, пусть и не существующем. Поступок Грисвольда был омерзителен, ведь при жизни По он выдавал себя за друга писателя. Причем так успешно, что По назначил его своим литературным душеприказчиком. Именно Грисвольд распоряжался наследием Эдгара По после его смерти. Руфус Грисвольд ненадолго пережил По, он скончался в Нью-Йорке от туберкулеза в 1857 году. В его комнате нашли лишь наброски статей и три больших портрета: Эдгара По, Фрэнсиса Остуда и самого Руфуса...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация
Г. Кларка
к рассказу
Эдгара По
«Лигейя».
1919 год

Константин
Бальмонт.
1880-е годы

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ

Литературоведы подсчитали, что ни одно произведение не переводилось на русский язык так часто, как «Ворон» Эдгара По. Одни говорят о 22 переводах, другие утверждают, что их было больше. Первым стихотворение перевел поэт и критик Сергей Андреевский в 1878

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

году. А лучшими считаются переводы «Ворона», выполненные Константином Бальмонтом, Валерием Брюсовым и Дмитрием Мережковским...

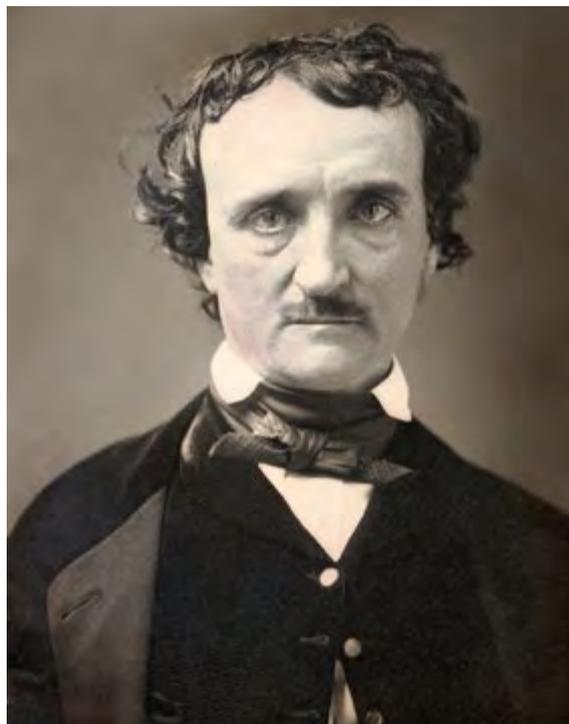
Русский читатель впервые познакомился с творчеством По в 1847 году. Тогда в детском журнале «Новая библиотека для воспитания» был опубликован «Золотой жук». С опубликованием этого перевода связано и первое упоминание По в русской критике... Оно принадлежит Виссариону Белинскому, – пишет в книге «Эдгар По в России» Джоан Гроссман. – О «Новой библиотеке» он высказался более или менее одобительно... Однако одобрение это не распространяется на «Золотого жука». Дойдя до насекомого По, Белинский приходит в негодование: что оно делает на страницах журнала? Какая польза может быть от него детям? Но читатели мнение критика не разделили. В следующее десятилетие на русский язык были переведены «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля», «Низвержение в Мальстрем», «Тысяча вторая сказка Шахерезады», «Длинный ларь», «Человек толпы», «Вильям Вильсон» и «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром», а также очерки Бодлера об Эдгаре По.

Нельзя не упомянуть о казусе с русскими читателями, тоже попавшимися на удочку мистификатора По. В 1859 году вышла в свет анонимная брошюра. Ее автор, прочитавший рассказ «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром», принял По за врача, а все изложенное в новелле – за чистую правду. В итоге брошюра была полна негодования против «святогательства»: месмеризма, магнетизма и манипулирования с душой человека.

В 1861 году журнал «Время», издававшийся братьями Достоевскими, публикует три рассказа По: «Черный кот», «Сердце-обличитель» и «Черт на колокольне». Их предваряла рецензия, написанная Федором Михайловичем, в которой он замечает: «...в Эдгаре Поэ есть именно одна черта, которая отличает его решитель-

но от всех других писателей и составляет резкую его особенность: это сила воображения. Не то чтобы он превосходил воображением других писателей; но в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей... В повестях Поэ вы до такой степени ярко видите все подробности представленного вам образа или события, что, наконец, как будто убеждаетесь в его возможности, действительности, тогда как событие это или почти совсем невозможно или еще никогда не случилось на свете». Заканчивается рецензия словами: «В Поэ если и есть фантастичность, то какая-то материальная, если б только можно было так выразиться. Видно, что он вполне американец, даже в самых фантастических своих произведениях». Любопытно, что в некрологе Достоевскому, опубликованном в 1881 году в британском еженедельнике The Academy, мастерство русского гения сравнивается с манерой американца: «Мрачный колорит, которым он (Достоевский) окутывает все свои истории, и чары, которыми завораживает читателя, весьма напоминают нам Эдгара По».

Трудно перечислить всех переводчиков произведений По на русский язык, тем более что некоторые из них публиковали переводы анонимно. Но нет никакого сомнения в том, кому следует отдать лавры первенства в этом деле. Конечно, это Константин Бальмонт (см.: «Русский мир.ру» №6 за 2012 год, статья «Я – изысканный стих»). Сейчас многие не помнят, что благодаря ему русские читатели познакомились с творчеством Уильяма Блейка, Оскара Уайльда (кстати, роман «Портрет Дориана Грея» был создан под влиянием рассказа По «Овальный портрет». – Прим. авт.), Шарля Бодлера и Педро Кальдерона. Но главная заслуга Бальмонта как переводчика – это переводы более сорока произведений Эдгара По. Как и Бодлер, Константин Дмитриевич был фанатом По. «Колумб новых областей в человеческой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

душе, он первый сознательно задался мыслью ввести уродство в область красоты и, с лукавством мудрого мага, создал поэзию ужаса, – писал Бальмонт об Эдгаре По. – Он первый угадал поэзию распадающихся величественных зданий, угадал жизнь корабля как одухотворенного существа, уловил великий симво-

Дагеротип Эдгара По, сделанный за четыре месяца до смерти. Июнь 1849 года

Памятник на могиле Эдгара По в Балтиморе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лизм явлений моря, установил художественную, полную волнующих намеков связь между человеческой душой и неодушевленными предметами, пророчески почувствовал настроение наших дней и в подавляющих мрачностью красок картинах изобразил чудовищные – неизбежные для души – последствия механического созерцания».

ТРИ РОЗЫ

...Эдгар По был погребен в Балтиморе на кладбище Вестминстерской пресвитерианской церкви, рядом со своим дедом. Заказанный кузеном писателя мраморный памятник не был установлен на захоронении: его уничтожил поезд, сошедший с рельсов и протаранивший кладбищенский склад. Так и хочется воскликнуть: «Случай в духе Эдгара По!»

В 1873 году местная газета поместила заметку о заброшенном захоронении По. Был объявлен сбор пожертвований, и в октябре 1875 года останки писателя были перезахоронены: теперь его могила находится у фасада церкви, над ней установлен внушительный памятник. В январе 1885 года сюда же перенесли прах Вирджинии.

Каждый год начиная с 1949-го в ночь на 19 января к могиле По приходил одетый во все черное человек с тростью, украшенной серебряным набалдашником – обычно так выглядел сам писатель. Тайный поклонник опускался на колени, произносил тост и оставлял на могиле бутылку коньяка и три розы. Попытки выяснить его личность ни к чему не привели. Иногда после его посещений на надгробии находили записки. В 1993 году записка гласила: «Факел перейдет к другому». В 1999 году в записке сообщалось, что прежний поклонник скончался и традицию продолжит его «наследник». В 2010–2015 годах на могилу По никто не являлся. Хранитель балтиморского Дома-музея Эдгара Аллана По Джефф Джером заявил об окончании традиции. Но в 2016 году к могиле снова пришел человек в черном... ❶

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ + ЛЯЛЯ

Михаил
Михайлович
Пришвин
и Валерия
Дмитриевна

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

КОНЕЦ ДЕКАБРЯ 1939 ГОДА. ПО ЛАВРУШИНСКОМУ ПЕРЕУЛКУ ИДЕТ КРАСИВАЯ ПАРА. ЭТО УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ВАЛЕРИЯ ЛИОРКО И ЕВГЕНИЙ ПТИЦЫН. ИДУТ В ТРЕТЬЯКОВКУ. ПРОХОДЯТ МИМО ОГРОМНОГО ДОМА, ТОЛЬКО ЧТО ОТСТРОЕННОГО НАПРОТИВ ГАЛЕРЕИ.

«**Ч**ТО ЭТО ЗА ДОМ? Его выстроили художникам?» – спрашивает учительница у спутника. «Я слышал, что это дом для писателей», – отвечает он.

Валерия позже опишет свои впечатления от того момента: «Еще были совсем прозрачные и голубые сумерки, но дом уже горел по всем окнам яркими огнями. Там шла какая-то своя таинственная, богатая и, конечно, совсем не похожая на нашу жизнь».

«В этом доме мне не жить», – вздохнула учительница. «Как знать! Жизнь щедрее нашего воображения», – засмеялся Птицын. И они вошли в галерею.

А в доме этом как раз в тот декабрь на шестом этаже тосковал писатель Михаил Михайлович Пришвин. Тосковал от одиночества, от невозможности обменяться с кем-то близким по духу мыслями, ощущениями, чувствами. 28 декабря он пишет в дневнике: «Тоска, тоска грызет в 67 лет пуще, чем в юности». А по поводу жизни своей

в доме, в котором глазами Валерии идет «таинственная, богатая жизнь», Пришвин делает запись: «Вот у меня прекрасная квартира, но я в ней как в гостинице. Вчера Федин позвонил мне и с удивлением сказал:

– Я сейчас только узнал, что вы живете со мной в одном доме.

– И целый год, – сказал я.

– Целый год! – повторил он».

Ни Валерия, ни Михаил Михайлович не знали, что в 1940 году они встретятся, полюбят друг друга и будут жить вместе в знаменитом доме по Лаврушинскому переулку. Прав оказался Птицын: жизнь щедрее воображения.

ОТВЕРГНУТЫЙ ПОЭТ

Самое главное произведение писателя Пришвина – его дневники. Это громадный труд всей его жизни, уместившийся в 19 томов. Уникальный документ. В дневниках отражена история России первой половины XX века, история русского человека. И история любви. Любви отведено в дневнике не меньше букв, чем природе – главной теме творчества Пришвина.

Юношей Пришвин влюбился в Варю Измалкову. Они встретились в 1902 году в Париже. Она – студентка Сорбонны. Он только что отсидел срок за революционную деятельность и отправился за границу, чтобы завершить образование. Варвара из старинного дворянского рода, ее отец – крупный петербургский чиновник. Девушка окончила Смольный институт, и родители отправили ее в Сорбонну.

Пришвин влюбился в Варю с первого взгляда, пылко признался в любви. Она была холодной. И сказала ему: «нет». Для него это стало трагедией. Варвара навсегда исчезла из его жизни, но не из сердца. Встреча с ней стала одним из главных событий в жизни Пришвина. Он именовал ее «утренней звездой», своей радостью и своим горем. Любовь к ней называл «смертельной».

Пришвин пронес любовь к Вале Измалковой через всю жизнь. В дневнике за любой год обяза-

тельно есть несколько записей о любви к Варе. Запись 1931 года: «Как великие однолюбы, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне... Я понял, что моя «она» у настоящих поэтов называется Музой...» Запись от 28 августа 1935 года: «Давно я не видел таких снов – откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась». Запись 1944 года: «Вернулся, читая о Гёте, к своей первой любви, к тому особенному чувству, в котором как бы предусмотрен отказ... Это любовь поэтического эгоиста, бессознательно отнимающего от возлюбленной душу». Пришвин был уверен: именно любовь к Варе сделала его писателем, вдохнула в него поэтический дар.

ПОСТЫЛАЯ ПАВЛОВНА

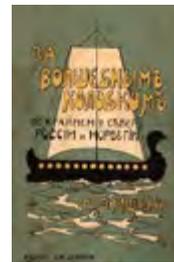
Женился Пришвин на простой крестьянке из Смоленской губернии – Ефросинье Павловне Смогалёвой. Почти девочкой ее насильно выдали замуж за сына кулака. Как она вспоминала, «муж был пьяница и безобразник. Он бил меня без вины, жизнь была – сплошная мука». Ефросинья сбежала от мужа. В 1903 году очутилась в подмосковном Клину. А там в то время служил агрономом Пришвин. Ему понадобилась прислуга. Знакомые посоветовали Ефросинью. Пришла она к нему. При-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

швин оценивающе поглядел на нее и сказал: «Женщина красивая, молодая, как бы солдаты не стали к тебе ходить». Но все же взял ее. А дальше просто: плотская любовь, совместная жизнь. Рождение ребенка. Рождение второго ребенка. «Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность, – вспоминал Пришвин. – Мне кажется, что ребенок облагораживал наш союз, что союз наш может превратиться в семью». Пришвин не женился, а именно сошелся с Ефросиньей Павловной. Женился тогда он и не мог – она ведь была замужем. Пришвин писал книги, путешествовал, участвовал в литературной жизни, но с горечью отмечал, что в своей семье он на обочине. Не превратился союз в семью. Разные они были – по интел-

Михаил Пришвин – студент Лейпцигского университета. 1900 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка одной из первых книг Пришвина, «За волшебным колобком». Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии». Художник – Г.Д. Дэнглас-Юм [С.-Пб., 1908]

лекту, по интересам, по кругу общения, по занятиям. Чужие друг другу. На страницах дневника Пришвин редко упоминает жену. А если упоминает, то по чисто бытовым темам, а других и не находилось в их отношениях. Ну, не обсуждать же с неграмотной литературу, искусство, политику – для нее это пустые, ничего не значащие понятия. Не нашлось у него для жены ласковых слов, ласкового имени, даже Фросей не называл – в дневнике она обозначена как «Е.П.», или «Ефр. Павл.», или «Павловна».

Павловна умела дергать его за нервы. Запись от 1914 года: «Семейные сцены проносятся как ураганы... Жизнь трещит по швам. Но надо терпеть». И терпел он еще два десятка лет.

Ефросинья Павловна была по своему мудра. Иногда ее замечания по-крестьянски точны. Например, Пришвин рассказал ей, что власть продает по дешевке картины Рембрандта из Эрмитажа, чтобы получить валюту для индустриализации. «Народ навозный, всю красоту продадут», – ответила Павловна. Раздражали они друг друга. Нет-нет у Пришвина да и прорвется это раздражение на страницах дневника. Да и для Павловны муж был в тягость. Однажды она в сердцах скажет: «Мне бы надо было в бухгалтерши! Ах, дура я, дура! Была бы бухгалтершей, а теперь всю жизнь на тебя, на осла, даром истратила». И в слезы. Она не видела в муже таланта, не видела в нем поэта, романтика, для нее он действительно был ослом, бездельником. Когда она принималась его пилить, у него билась мысль: подыскать себе где-нибудь в глуши дом, чтобы купить его и поселиться одному. В середине 1920-х годов купил дом в Сергиевом Посаде. Но все равно пришлось жить там с постылой Павловной.

В дневнике 1930–1931 годов все более часты записи об одиночестве. Жизнь с Ефросиньей стала невыносимой. Что ни запись, то крик души: «Во всей

Дом Пришвина в Сергиевом Посаде, где он жил с 1926 по 1937 год

красе Е.П. показала свой характер... Пришла тупая тоска...», «Стало невозможно жить в Сергиеве...», «Надо уйти. Надо проститься, надо расстаться, не оскорбляя прошлого...», «Отдать ей все, пусть тут будет у нее царство...» Отдать-то Павловне дом в Сергиевом Посаде можно, но где жить самому?

И тут на Пришвина свалилась удача: ему дали квартиру в доме в Лаврушинском переулке, который специально строили для писателей. За то, чтобы получить ордер, в писательском союзе шла лютая драка. Пришвин не участвовал в ней – он вообще был далек от писательского сообщества, да и не было у него навыка интриговать. Дело дошло до того, что ордера распределял лично Сталин. И надо же: Пришвин был среди первых десяти писателей, кого вождь оделил квартирой, в соседях у него – Константин Паустовский, Илья Ильф и Евгений Петров, Всеволод Вишневский, Илья Эренбург, Борис Пастернак, другие литературные знаменитости того времени.

Получил Пришвин квартиру о четырех комнатах, семья-то большая. Но в планах Михаила Михайловича не было намерения селить в Лаврушинском Павловну и сыновей. Да и как продолжать жить с постылой женой? Через несколько дней после того, как Пришвин получил ордер, он делает запись: «Павловна точит меня день и ночь и не дает мне работать». И что – брать точило с собой в Москву? Нет. Пришвин заключает с Павловной договор: он отдает ей дом в Сергиевом Посаде, себе берет квартиру. Она соглашается.

5 июля 1937 года он заносит в дневник: «С завтрашнего дня я начинаю одиночество...» Пришли ли к нему в одиночестве крепость и утешение? Нет. «Вот желанная квартира, а жить не с кем... Один я... И думаешь не о работе, а о всех этих черепках». Он бы так и умер одиноким, мучаясь от тоски, если бы не встреча в начале 1940 года.

М.М. Пришвин в сергиево-посадском доме. В шали на крыльце – Ефросинья Павловна. 1939 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

444 СЛОВА «ЛЮБОВЬ»

Три года, как Пришвин живет один в московской квартире. Иногда наезжает в Сергиев Посад. С Павловной – дежурное общение. Но главная его жизнь в Москве. Так, незаметно, не причиняя никому ненужной боли и не подчеркивая отдаления, осуществляет старый писатель давно задуманное им одиночество. Но тут происходит судьбоносная встреча! 16 января 1940 года Пришвин делает запись в дневнике: «Минус 43° с ветром.

Устроил «смотрины» (ее зовут Валерия Дмитриевна). Посмотрели на лицо, посмотрим на работу (19-го)».

Так появилась в его жизни Валерия Дмитриевна Лиорко (тогда она носила фамилию второго мужа – Лебедева. – Прим. авт.), его будущая жена, верный друг и помощник. Его любовь.

А смотрины были вот по какому поводу. Пришвин перевез свой архив в квартиру в Лаврушинском, начал его разбирать, систематизировать и вскоре понял, что одному это не под силу. Масса материалов. К тому же он хотел, чтобы дневник был в машинописном виде, а печатать на машинке для него – мука. Старинный его знакомый Борис Удинцев находит для него Валерию Лиорко – ее тяготило учительство в заводской школе, хотелось творчества: «И как страстная, тайная, невыполнимая мечта – найти по душе работу...»

Пришвин в то время был всеобщим знаменит, но, как ни странно, его книги прошли мимо внимания Валерии, а ведь она интересовалась литературой. Позже Лиорко напишет в воспоминаниях: «Мой давний друг, Удинцев Борис Дмитриевич, зашел к маме и сказал, что он был по делам у писателя Пришвина и тот ищет себе сотрудника по изучению и приведению в порядок

М.М. Пришвин. 1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

многолетних его дневников. Он ищет человека, которому можно довериться в наше время. Мой друг рекомендовал меня.

– Пришвин... – стала вспоминать я. И тут у меня перед глазами возник затрепанный томик: вспомнился олень с человеческими глазами... камень-сердце, дрожащий от морского прибоя на берегу океана, как живое человеческое сердце, белое облако на небе, похожее на лебединую грудь... Больше я ничего не знала об этом человеке.

– А какой он? – спросила я.

– Годами почти старик, но очень бодрый, я бы сказал – молодежавый человек. Он не похож ни на кого, интересный, но непонятный.

И добавил:

– Юродивый. И этим прикрывает богатство, опасное по своей самобытности в наше время. Под богатством имелся в виду дневник. У Валерии сразу мысль: «И хорошо, что он старый семейный человек, что на голодную душу я не запутаюсь вновь со своей женской податливостью». Так Лиорко очутилась у Пришвина. Познакомились. Она вспоминает о первой встрече: «Автор «Жень-Шеня» откинул назад седую кудрявую голову и, коренастый, на редкость молодежавый для своих лет, выражал уверенность в себе и пренебрежение.

– Вот с чем вам придется работать, – сказал Пришвин, выдвигая огромный ящик секретера, набитого тетрадами. – Это доку-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

менты моей жизни, и вы первая их прочтете.

– Но как же вы можете их доверить незнакомому человеку? – вырвалось у меня.

Пришвин смотрел на меня выжидательно.

– Надо же для такого дела стать друзьями, если приниматься за него, – сказала я.

– Будем говорить о деле, а не о дружбе, – безжалостно отрезал он.

Она ушла. А Пришвин говорит своему другу Иванову-Разумнику: «Как-то из себя выпрыгивает. С места в карьер дружбу предлагает...» Тем не менее взял ее секретарем.

И стала Валерия заниматься архивом. Запись в дневнике Пришвина от 24 января: «Она сразу крепко взялась за работу, и можно быть уверенным, что

Валерия
Дмитриевна
в селе
Усолье под
Переславлем-
Залесским.
1942 год

Дом писателей
в Лаврушинском
переулке
в Москве.
1930-е годы

архив будет приведен в блестящий порядок». Но важно другое: как-то сразу они душевно и духовно поняли друг друга. Не могли наговориться. Запись от 25 января: «Мы с ней пробеседовали без умолку с 4 часов до 11 часов. Что же это такое?» А это любовь – вот что такое! 5 февраля Пришвин пишет Валерии письмо, в котором признается в своих чувствах: «Мне бы хотелось любовь мою к Вам понять, как настоящую молодую любовь, самоотверженную и бесстрашную». Она отвечает взаимностью. Объятия, поцелуи: «Сколько надо переговорить, передумать, сколько должно смешаться, чтобы возможно было без стыда и по праву поцеловаться».

Дневник за 1940 год переполнен записями о любви, о Ляле – так Пришвин стал называть Валерию. Нередко целые страницы посвящены ей. Записи за 1940 год – это песнь любви, гимн любви, сказка о любви. В записях за год 444 раза встречается слово «любовь» и 87 раз – «люблю». Иной раз впечатление, будто читаешь дневник 17-летнего юнца, который страстно полюбил и не соображает, что он и где он. Через двенадцать лет Пришвин трезво взглянул на те страницы: «В записях 1940 года есть что-то тяжелое и нудное: мы тогда не летели, не плыли, а делали сами новую жизнь, и дневники того времени иллюстрируют любовь как дело жизни, но никак не любовь-песню». 8 марта Пришвин делает запись: «Ее задушевная мысль – это поэтическое оформление эротических отношений, что для выполнения акта любви нужен тот же талант, как для поэмы. На свете мало таких озорниц, и как раз мне такая нужна!» С Павловной в физической близости была рутинка: «Ни разу за 30 лет не поцеловал жену в губы со страстью, ни одной ночи не проспал с ней и ни одного часу не провел с ней в постели: всегда на 5 минут – и бежать». Не то с Валерией! «Ночь любви, на которую не всякого и молодого-то

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

хватит, дала мне только счастье, и утром я встал бодрый, бесконечно преданный своей подруге». А Михаилу Михайловичу, между прочим, 67 лет. Ей – 40. Каждое 16 января – день, когда они впервые увиделись, – Пришвин будет отмечать записью в дневнике как главную веху на их общем жизненном пути. Запись 16 января последнего года его жизни – 1953-го: «День нашей встречи с Л., за нами осталось 13 лет нашего счастья. И теперь вся моя рассеянная жизнь собралась и заключилась в пределах этих лет. Всякое событие, всякое сильное впечатление теперь определяется как бегущие сюда потоки». Они готовились встретить «свой день» 1954 года, но именно 16 января Пришвин скончался.

ТЯЖБА ИЗ-ЗА ЖИЛПЛОЩАДИ

Прознала Павловна, что у мужа появилась подруга. И решила действовать. Как это так: он – с молодой, а она – коротай старость в одиночестве? Не бывать этому! И отправилась в Москву. Пришвин излагает сюжет: «Узнав стороной, что я в Москве живу с какой-то женщиной, Павловна возмутилась, созвала сыновей и сумела убедить их, что я в отношении ее являюсь преступником. В самый разгар моей литературной работы она явилась в Москву, заняла «жилплощадь» и своими истерическими выходками с утра до ночи, с постоянными угрозами повеситься, сразу же прервала мою литературную работу». В Валерии Павловна видела не только коварную разлучницу, но и хитрую бестию, которая хочет довести старика до смерти и завладеть его жилплощадью. Понятно, в этих условиях появляться Валерии в Лаврушинском было противопоказано. Павловна умела закатывать скандалы. Да к тому же представилась больной, кричала: «Из этой комнаты никуда не уеду, я больна, пусть лечит, в советском государстве нет закона, чтобы бросить больную

Валерия Дмитриевна с матерью, Натальей Аркадьевной, и Р.В. Ивановым-Разумником. Тяжино. Апрель 1940 года. Фотография М.М. Пришвина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

жену». Писатель устроил ей осмотр у лучших врачей. Они ничего не находили у Павловны, кроме истерики. Предложил ей путевку в кремлевский санаторий, чтобы нервы успокоить – отказалась.

У Пришвина было действительно работы выше головы – по договору должен написать две книги. А тут Павловна мотает нервы – не до работы. Пришлось расторгнуть договоры и вернуть аванс.

Валерия Дмитриевна. Тяжино. 1940 год. Фотография М.М. Пришвина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ЖИЗНЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В АД

Писатель встречался с Валерией, они обсуждали, что предпринять. А что тут предпримешь? Мелькнула даже мысль: «Купить где-нибудь в Бронницах домик и жить в нем с Лялей. Тогда борьба за квартиру станет вообще чепухой». Глупая мысль, отбросили ее. Решили так: он разводится с Павловной через ЗАГС, а потом они, Пришвин и Валерия, оформят свой брак.

Пришвин заговорил с Павловной о расторжении брака, она в крик: «Никогда!» Сыновья вступились за мать, пригрозили: «Мы твою женку от тебя через НКВД оторвем». Угроза по тем временам нешуточная. Опасность в том, что Валерия по облыжному доносу провела три года в ссылке. Потом-то обвинение с нее было снято, но новый донос мог существенно усложнить жизнь. Но все же разум не покинул братьев, не подключили НКВД.

Пришвин попросил Федора Чивилева, своего друга еще с гимназических времен, который был хорошо знаком с Павловной, поговорить с ней и сыновьями, убедить их по-хорошему решить дело. Он пишет Чивилеву: «Я рассуждал так, что Е.П., старая женщина под 60 лет, с которой я уже давно не могу состоять в брачных отношениях». И предложил такой вариант выхода из ситуации: она отказывается от претензий

на жилплощадь в Лаврушинском, возвращается в Сергиев, он обязуется выплачивать ей ежемесячно 500 рублей – сумму немалую по тем временам, столько получал квалифицированный инженер. Если же плохому – то через суд. Пишет: «При отказе от моего предложения я вынужден буду действовать официально и готовлюсь выпить эту горькую чашу решительно, и в отстаивании свободы личности быть безжалостным и беспощадным».

Павловна вернулась в Сергиев Посад. Сообщила, что совместной жизни все равно не будет, а получать ежемесячно 500 рублей очень даже неплохо. У Пришвина остались в доме кое-какие вещи, книги. Он посылает со знакомой записку бывшей жене: «Дорогая Ефросинья Павловна, пришли мне, пожалуйста, с Марьей Васильевной словарь Даля, необходимый мне для работы. Этот словарь Великорусского языка состоит из толстых непереплетенных томов и стоял за стеклом в шкафике в моем кабинете. Еще прошу прислать золотые книжки: английский перевод «Жень-шеня». Они мне нужны». А через день запись в дневнике: «Ефр. Павл. книг не дала, и Мар. Вас. привезла от нее только новые угрозы».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

ВПЕРВЫЕ ПОЧУВСТВОВАЛ ЛЮБОВЬ

И прожили Михаил Михайлович и Валерия в любви и согласии тринадцать лет, до самой смерти писателя. Пришвин записывает 25 января 1947 года: «С приходом Ляли я впервые почувствовал ту любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения».

Он нашел в Валерии не только жену, но и единомышленника. Валерия Дмитриевна тонко понимала его творчество и его натуру. Я употребил слово «согла-

Михаил Михайлович и Валерия Дмитриевна. Тяжино. Весна 1940 года

Кабинет Пришвина в доме в Лаврушинском переулке

сие» как характеристику их совместной жизни, но согласие совсем не означает, что они жили без ссор и обид. Всякое случилось. И у него, и у нее характеры непросты. Наталья Аркадьевна, мать Валерии, предупреждала Пришвина: «Она очень трудная, и ее надо перетерпеть, нельзя давать ей воли и нельзя ей не доверять». Между Валерией и Пришвиным шел нескончаемый диалог, они постигали друг друга вплоть до его смерти.

После смерти Пришвина Валерия Дмитриевна работала с его архивом, написала о нем, об их совместной жизни несколько книг, главная среди них – обжигающая откровенностью «Мы с тобой. Дневник любви». Она подготовила два собрания сочинений писателя. Благодаря ей был создан музей Пришвина в Дунине, который и до сего дня привлекает людей.

Валерия Дмитриевна готовила к печати дневники Пришвина, хотя прекрасно понимала, что шансы на издание нулевые – откровенного мнения о себе советская власть не терпела. И лишь в новые времена дневник издан в полном объеме. Но Валерия Дмитриевна не увидела этого, она умерла в 1979 году, прожив ровно столько же, сколько и Пришвин – 80 лет. ♣

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

СОБРАНИЕ РУССКОЙ СТАРИНЫ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МИНИАТЮРНАЯ БЕЛОКАМЕННАЯ ЧАСОВЕНКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПРОЦВЕТШЕГО КРЕСТА И ПЕРЕПЛЕТАЮЩИХСЯ СТЕБЛЕЙ РАСТЕНИЙ, УВЕНЧАННАЯ УЛЬТРАМАРИНОВЫМИ КАПЛЯМИ ГЛАВОК, – ЯРКАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЧАСТИ КЛАДБИЩА КОКАД В НИЦЦЕ. В 1904 ГОДУ ЕЕ ПРОЕКТ ПО МОТИВАМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА ВЫПОЛНИЛ ТОГДА ЕЩЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЮЩИЙ АРХИТЕКТОР АЛЕКСЕЙ ЩУСЕВ. ЧАСОВНЯ БЫЛА УСТАНОВЛЕНА НАД МОГИЛОЙ НАТАЛЬИ ЛЕОНИДОВНЫ ШАБЕЛЬСКОЙ, ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ СОБИРАВШЕЙ РУССКУЮ СТАРИНУ.

НАЧАТЬ ИСТОРИЮ с конца кажется не совсем логичным. Но дело в том, что только спустя сто с лишним лет Российскому этнографическому музею (РЭМ) удалось исполнить своего

рода духовное завещание собирательницы и ее дочерей – впервые представить сохраненные для потомков предметы русского народного творчества на выставке «Собрание русской старины Натальи Леонидовны

Шабельской». Этот поистине драгоценный подарок всем неравнодушным к традиционной культуре музей сделал в год своего 120-летия. Всего было показано около 700 наиболее характерных предметов из примерно 3 тысяч, хранящихся в музее. РЭМ обладает самой большой частью коллекции Шабельской, разрозненной в XX веке.

По некоторым данным, коллекция Натальи Шабельской насчитывала около 20 тысяч предметов. Однако Елена Львовна Мадлевская, ведущий научный сотрудник отдела этнографии русского народа РЭМ, куратор выставки, ставшая нашим проводником по удивительному собранию русской старины, не склонна доверять столь астрономическим цифрам. При жизни Натальи Леонидовны документально было зафиксировано около 4 тысяч предметов коллекции. И эта цифра не менее значима.

Наталья Леонидовна Шабельская – выдающаяся собирательница русской старины

а также фрагментов золото-серебряного кружева, позументов, поясов, свивальников. Эта роскошь дополнена утонченными резными ларцами из кости, деревянными резными и расписными сундучками, поставцами, теремками и укладками, набойными и пряничными досками. Даже неискушенный посетитель понимает, что большинство экспонатов – первостатейного качества. Остается лишь удивляться: неужели все это было собрано одним человеком? Как и откуда возникало у собирательницы понимание, какие именно предметы нужно отбирать в коллекцию? По словам Елены Львовны, «качество коллекции было обусловлено уровнем знаний собирательницы, то есть личностью самой Натальи Леонидовны Шабельской».

Наталья Кронеберг – такова ее девичья фамилия – родилась на юге Российской империи, в шумном

и богатом приморском городе Таганроге. Дата ее рождения пока предмет исследований. Чаще других упоминается 1841 год. Об истории семьи знаменитого коллекционера сведений мало. Известно лишь, что прадед Натальи по линии отца, Леонид Александрович Кронеберг, происходил «из иностранцев саксонской нации» и был лютеранским пастором в Москве. Дед принял православие, сделал карьеру от учителя математики до главы Дирекции народных училищ Орловской губернии в чине коллежского советника. А самым прославленным из родственников был двоюродный дедушка Натальи Леонидовны – Иван Яковлевич Кронеберг, доктор философии, дважды избиравшийся ректором Императорского Харьковского университета.

Юные годы Натальи тоже были связаны с Харьковом, где она успешно окончила Институт бла-

ЛИЧНОСТЬ СОБИРАТЕЛЬНИЦЫ

Попав в пространство выставки, замираешь от изумления. Здесь сияют золотными нитями, блещут рубленным перламутром, мерцают речным жемчугом, алеют или белеют искусными вышивками сотни кокошников, сарафанов, рубах, понев, шугаев и душегреек, нагрудников и ожерелий,

Елена Львовна Мадлевская – куратор выставки

Ларец костяной. Архангельская губерния, город Холмогоры. XVIII – начало XIX века

городных девиц – старейший из провинциальных институтов империи. Автор статьи разыскала имя Натальи Кронеберг в списке выпускниц за 1854 год, что наводит на мысль о более раннем годе ее рождения. Ведь девочек принимали в институт с 9 лет. В институте они учились шесть лет. За этот срок они помимо Закона Божьего, истории, географии, физики, грамматики, арифметики и риторики в обязательном порядке изучали рисование, «писание» и, что немаловажно, рукоделие. А вот музыку, танцы и иностранные языки им преподавали по желанию и за дополнительную плату.

В 1862 году Наталья Кронеберг вышла замуж за крупного харьковского землевладельца, ротмистра Петра Николаевича Шабельского. В имении мужа в селе Чупаховка Харьковской губернии «она как раз и наблюдала крестьянскую жизнь, – замечает Елена Львовна, – и это не могло не сыграть своей роли в ее интересе к народной праздничной одежде».

Вероятно, здесь же постепенно и были сформированы три вектора будущего приложения творческих и духовных сил Натальи Леонидовны, которым она следо-

Шубки из дорогих покупных шелковых штофов. Северо-западные и северные губернии. Вторая треть XIX века

Фрагмент народного вышитого пояса из Тамбовской губернии. Вторая половина XIX века

Душегреи Олонецкой губернии. На одной мастерски заложены целых 44 трубчатые складки

вала всю жизнь: собирательство «древних художественно-бытовых предметов» ради спасения их от забвения, увлечение рукоделием и воссозданием вещей по старинным образцам, а также благотворительность.

Известный художественный критик Владимир Стасов писал, что «с молодых еще лет Н.Л. Шабельская глубоко полюбила все художественное и прекрасное и имела истинную страсть к женским художественным работам. Устроила в своем имении мастерскую, где у нее работали 14 вышивальщиц и кружевниц. Слабое здоровье заставило ее отказаться от светской жизни... Она много вре-

мени посвящала своему увлечению, давая тем самым заработать малоимущим рукодельным женщинам».

В браке у Шабельских родились три дочери: Ольга, Варвара и Наталья. В 1870-х годах семья переехала в Москву. В это время Варвара училась в Московском Екатерининском институте, где «женские рукоделия составляли важный предмет воспитания молодых девиц» с целью «образования их вкуса». Она с успехом окончила его в 1877 году.

В том же году скончалась старшая дочь, Ольга, а спустя три года не стало и мужа Натальи Леонидовны – Петра Николаевича.

МИССИЯ СПАСЕНИЯ

«Попав во время одной поездки своей по Волге, в начале 80-х годов, в Нижний Новгород, – вспоминал в посвященном Наталье Леонидовне биографическом очерке Владимир Стасов, – она искренне пленилась на ярмарке богатыми образцами старинных русских вышивок. Их характерность и изящество поразили ее, и от сих пор она поставила себе целью изучить эту прелестную отрасль женского русского народного творчества, собирать и хранить его образцы, а также создавать новые работы в том же стиле, духе и красоте».

В Москве Наталья Леонидовна продолжала собирать уже не только декоративные фрагменты шитья, тканья, кружев, с увлечения которыми начался ее интерес, но и предметы, составлявшие женский традиционный костюм различных губерний. Для пополнения коллекции она много путешествовала по России: от Русского Севера до южнорусских губерний, а также действовала через агентов.

Об одной из главных причин столь серьезного и масштабного собирательства много позднее написала младшая из до-

Золотошвейные девичьи повязки, женские сороки и нагрудное украшение из Тамбовской губернии. XIX век

Украшение девичьей косы – косник, расширенный золотной нитью и жемчугом

Фрагменты ширинки XVIII века с искусным золотным шитьем

черей, Наталья Петровна: «Она увлеклась красотой родной старины, на которую Запад уже обратил внимание, в то время как у нас она почти игнорировалась, варварски уничтожалась офенями на выжигу и вывозилась агентами-скупщиками за границу. Желание спасти хоть что-нибудь по силе и возможности побудило приобретать разнообразные предметы древнего быта, на которых так ярко отразилось народное творчество». Это была, по словам Елены Львовны Мадлевской, «осознанная цель – спасти памятники русского искусства и сохранить их для будущих поколений».

Понимание, что именно собирать, пришло не сразу. Наталья Леонидовна не была профессиональным этнографом, но она посещала музеи и частные собрания в России и за границей, ездила по монастырям для изучения церковной старины, штудировала научную и историческую литературу, обращалась к архивам. Она консультировалась с ведущими специалистами «по древностям» – Иваном Егоровичем Забелиным и Владимиром Васильевичем Стасовым. Написанные ими книги «Домашний быт русских цариц» и «Русский народный орнамент» служили, по ее словам, «путеводной нитью».

По совету Забелина она начала фотофиксацию коллекции, а также собиралась делать зарисовки кроя вещей. Профессиональный подход к собирательству отразился также в фиксировании названий губерний, иногда уездов, из которых были получены вещи и в которых они бытовали. Дочь Шабельской, Наталья Петровна, вспоминала, что «в то время не было готового материала для руководства, <...> Приходилось идти новым, непроторенным путем, потребовавшим большой затраты энергии, труда и средств».

За довольно непродолжительное время Наталья Леонидовна «сделалась одним из величайших и капитальнейших знатоков этой характерной отрасли

Перчатки с золотным шитьем – непременный атрибут севернорусских свадеб. XIX век

древнего русского творчества, – отмечал Стасов, – а дом ее в Москве сделался настоящим музеем, необыкновенно богатым и разнообразным». Забелин называл его «Археологической Светлицей», которая «пользуется заслуженной славой». Двухэтажный дом-музей на углу Садовой и Малой Бронной стал настолько известен, что в 1903 году был указан в путеводителе по Москве как обязательный к осмотру. В том же году, готовясь к знаменитому костюмированному балу в старорусском стиле в Зимнем дворце, «некоторые из приглашенных специально отправлялись в Москву, чтобы посетить выставку Шабельской, посвященную костюмам, украшениям и тканям в России до XVII века. На протяжении нескольких недель, предшествовавших балу, залы этой знаменитой коллекции приняли больше посетителей, чем в любой другой период», – вспоминал участник того памятного события Владимир Иванович Звегинцов. Дом этот дожил до начала 2000-х годов, а затем, увы, был снесен для постройки очередного бизнес-центра. В жизни Натальи Леонидовны и ее дочерей, которые с малых лет, по словам Стасова, оказались «наполнены тем же духом любви и уважения к художественным работам древней русской женщины» и стали «ревностными помощницами своей почтенной матери», 1890-е годы были отмечены бурной выставочной

Вышитые туфли из Костромской губернии с декором из золотных нитей, цветной фольги и шелковых лент

Девичья повязка из Нижегородской губернии с цветными стеклами и ажурной поднизью из рубленого перламутра

Задние части и донца кокошников, сплошь расшитые золотной вышивкой. XIX век

деятельностью в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Чикаго, Антверпене и Париже. Каждая из этих выставок требовала серьезной подготовки. В 1900 году о легендарной Всемирной выставке в Париже пресса писала, что в Русском «теремке» по проекту Константина Коровина «француженки любят коллекцией кокошников, доставленных госпожой Шабельской». В результате – золотые и бронзовые медали, признание в России и Западной Европе, средства, собранные с помощью выставок и переданные на благотворительность.

«БЕЗКОНЕЧНО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЯДРО»

В 1902 году Наталья Леонидовна задумалась о дальнейшей судьбе своей «богатой и изящной коллекции». Желая сохранить и сделать ее общедоступной, она решила передать основную и наиболее ценную часть старинных предметов в Этнографический отдел Русского музея имени императора Александра III (ныне – Российский этнографический музей). Подготовка заняла не один год. При жизни коллекционер не успела завершить начатое. 7 января 1904 года ее не стало. Последние восемь лет Наталья Леонидовна из-за сла-

Разнообразие женских и девичьих головных уборов, собранных Н.Л. Шабельской, поражает воображение

бого здоровья жила во Франции, в Ницце, лишь иногда посещая Россию.

Владимир Стасов, мечтая о передаче коллекции Шабельской в музей, писал, что «это было бы величайшее счастье для русской науки и русского искусства». В 1906 году 1078 предметов коллекции были переданы музею Варварой и Натальей Шабельскими, а 2596 экспонатов приобретены за 40 тысяч рублей золотом в рассрочку на пять лет импера-

тором Николаем II и также переданы в музей. За поднесенное в дар столь «редкое по полноте и высокому достоинству отдельных предметов собрание» сестры Шабельские были награждены серебряными медалями. Сегодня коллекция Шабельской является одной из ценнейших в собрании РЭМ, образуя, по выражению Стасова, «крупное и безконечно значительное ядро».

В том же, 1906 году сестры Шабельские преподнесли музею еще

Мужская шапка первой половины XIX века красовалась в самом центре экспозиции

один особенный подарок: «два уникальных альбома «Собрания русской старины Н.Л. Шабельской» в виде папок с обложками из старинных тканей и вложенными в них фотографиями на паспарту».

Фотографии из первого альбома иллюстрировали премьеру коллекции Шабельской в стенах Императорского Российского исторического музея на выставке VIII Археологического съезда в 1890 году. Тогда было представлено 676 экспонатов из 21 губернии. Среди них особого упоминания удостоились три древних столешника с удивительными узорами. На одном – «двуглавый орел времен Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, птица сирия в кругах, ореховая развода и шитье полотнянками, которые имеют разное название, как-то: крест на крест, городки, колесом, вьюнчики, гусиная плоть, брань и друг. По кайме на углах двуглавые орлы, вокруг птицы грифы и листья». На другом – «в кругах птица, украшенная короной, львы, инроги (единороги. – Прим. авт.), а на кайме листья». Такие предметы могли входить в состав так называемой «белой казны» царского обихода. На современной выставке

в РЭМ восхищали вышитые подзоры северных губерний – Вологодской, Архангельской, Олонецкой – с орнаментом, похожим на орнамент столешников, в виде заморских и мифических птиц и животных.

Как и на выставке 1890 года, в современной экспозиции буквально оглушала роскошью золотного шитья огромная витрина с женскими головными уборами. Как тогда, так и сегодня «кики, кички, повойники, начельники, сороки, кокошники и проч., составлявшие головной убор наших северных губерний у бояр и простого народа, имеют большой этнографический интерес». Увидеть, как эта экспозиция выглядела сто с лишним лет назад, помогали представленные здесь те самые фотографии из альбома. По словам Елены Мадлевской, «они как бы соединяют две исторические точки: 1890-й и 2022–2023 годы с помощью одних и тех же вещей. А еще расширяют пространство самой выставки, дополняя его вещами, которые не удалось разместить». Для организаторов выставки важно было показать, что с премьеры коллекции сохранилось много предметов.

Куратор провела нас по сияющему морю красоты женского

свадебного подзора из Вологодской губернии с вышитыми образами птиц, коней, львов, рыб и т.д.

Кокошник гребенчатый из Костромской губернии. XVIII–XIX века

Девичий венец. Новгородская губерния. Первая половина XIX века

традиционного наряда. Своими размерами сразил огромный нижегородский кокошник, а островерхий галичский перенес в русские сказки. С виду неприметный кокошник из Владимирской губернии на деле оказался украшен в редчайшей технике аксамитного шитья золотными нитями, о которой «многие слышали, да не видели». Она напоминает драгоценную старинную ткань аксамит, из которой шили царские одежды. Невероятно привлекательными оказались костромские кокошники, выполненные в технике сажения по бели по ажурному фону,

узор которых как будто искусно вырезан. Любуясь всем этим великолепием, понимаешь, каким удивительным мастерством владели наши предки и насколько хорошо Шабельская разбиралась в том, что собирала.

Среди обилия женских головных уборов затесался и один мужской. «Наталья Леонидовна не собирала мужскую одежду, – пояснила куратор, – она была менее разнообразна, быстрее снашивалась, ее мало сохранилось. В коллекции всего четыре предмета мужской одежды. Мужскую шапочку мы поставили на самое видное место».

Женские рубахи и рукава. Сверху бархатная рубаха с золотным шитьем из Тверской губернии

**«ЗОЛОТЫЕ РЕКИ»,
«ШУВАЛИКИ»
И ДОЛГОРУКАВКИ**

Уникальные фотографии из второго альбома, представленные на выставке в РЭМ, создавались для фиксации коллекционных костюмов различных губерний. Но даже такую утилитарную задачу Шабельская и ее дочери решили творчески. На каждом фото тщательно подобранные образы воплотили красоту, великолепие и декоративность девичьих и женских народных костюмов. Для некоторых фотографий позировали дочери – Варвара и Наталья, а также вышивальщицы мастерской Шабельской. Сегодня эти фотографии широко известны. Они, по словам организаторов выставки, «являются не только жемчужиной исторической фотографии конца XIX века, но и ценным научным источником в области традиционной одежды». Шесть образов для современной выставки в музее восстановили по этим снимкам. Костюм молодой женщины из однодворцев Тамбовской губернии привлекал яркой полосатой шерстяной юбкой с разноцветными вышивками, широким красно-зеленым полосатым поясом, белоснежной рубахой и медового цвета

янтарными бусами. Сиял, словно освещенный лучами утренней зари, костюм нижегородки, с ног до головы украшенный золотным шитьем и тканьем. Костюм москвички радовал глаз алым передником-«шуваликом»

Великолепные косоклинные и круглые сарафаны XIX века. Сарафан – символ русского традиционного костюма

Девичий костюм Новгородской губернии на фото из альбома Шабельских и на современной выставке

и рубахой-долгорукавкой, сшитыми из тканей подмосковных Шуваловских заводов и украшенными двууточным браным и закладным ткачеством, вышивками гладью, швом «козлик», косым крестом, нашивками тесьмы и блеснок. Восхищал наряд молодых женщин Вологодской губернии, которые во второй половине XIX века носили круглый сарафан с шугаем из штофа, гребенчатый кокошник с поднизью в виде фестонов из рубленого перламутра, декорированный золотным шитьем и по-

зументом. Главным же акцентом наряда был нагрудник, украшенный золотным шитьем, бахромой, гранеными стеклами в кастах, половинчатым жемчугом.

Елена Мадлевская подчеркнула, что принцип устройства выставки отвечал идее показа предметов, придуманной сто с лишним лет назад самой Шабельской. Помимо костюмов были собраны в группы и отдельные предметы: головные уборы, сарафаны, шугаи, украшения и так далее. Рубахи же вывесили так, чтобы они могли помериться длиной рукавов и наглядно продемонстрировать, что значит «долгорукавка».

Сарафаны теснили в витрине один другой и соперничали в роскоши тканей и отделки. Вот как описывала некоторые из них Наталья Леонидовна в каталоге выставки 1891 года: «старинный сарафан лиловый с наподольником, узор по атласу «золотые реки» (название народное), Вологодская губерния» или «сарафан парчевый, по народному «дародоровый» (d'ar-d'or), Ярославская губерния», а еще «сарафан, белая шелковая ткань, затканная атласными цветами, по народному «барышовый» (broché)».

Благодаря ее записям стали понятны необычные народные названия тканей, которые на деле оказались воспроизведенными на слух их французскими версиями. Владимир Стасов даже предлагал Шабельской заняться составлением «словаря терминов древне-русского шва и материй для Академии наук».

Подзор работы Н.Л. Шабельской. 1880-е годы

«ПРИЯТНОЕ РАЗЛИЧИЕ ЗАНИМАЕТ»

В одной из витрин красовался «предмет очень высокого искусства, с объемной вышивкой шелком и золотыми нитями. Этот знаменитый подзор, в правом нижнем углу которого вышита надпись «работа Н.Л. Шабельской», яркий пример мастерства, которое не сразу достигается, – пояснила куратор. – Наталья Леонидовна была не только теоретиком, но и прекрасным практиком, владевшим разнообразными текстильными техниками». Известный московский коллекционер Алексей Петрович Бахрушин писал, что «она исполняет, единственно из любви к искусству, работы старинным русским швом и по старинным рисункам. Изготовленные этим путем предме-

ты идут ко Двору и в подарок добрым знакомым».

Коллекционер так высказался не только о личных работах Натальи Леонидовны и ее дочерей, но и о предметах из мастерских в Чупаховке и в Москве, которые создавались все с той же целью «спасти и сохранить» предаваемые забвению в век технического прогресса ручные текстильные технологии и быстро исчезающий самобытный орнамент. Эти предметы также выставлялись на всемирных выставках, где получали заслуженное признание. В каталогах и публикациях такие работы всегда отделялись от подлинных, исторических вещей.

Напротив витрины с уникальным подзором было представлено михайловское, вологодское, ярославское, костромское и другое старинное кружево из кол-

Пряничная доска и вышитый подзор с образом птицы. Разные техники, а сюжет один

лекции. На одном из фрагментов читалась понятная и самая любимая народными мастерами прошлого надпись «кого люблю, тому дарю». А вот фраза «приятное различие занимает», вплетенная в другой фрагмент, уже требовала пояснений. «Так можно сказать про всю традиционную культуру, – заметила Елена Львовна. – Основной ее принцип – ориентация при создании предметов на сложившийся в веках канон, но существование их в вариантах. Не как массовое производство – штамповка один в один. При создании каждой вещи мастерица может привно-

снуть свое в орнамент и иногда в крой. Это ручная работа». Помимо «приятных различий» в предметах коллекции «можно отследить и общие образы, которые использовались в традиционной культуре в абсолютно разных техниках, – продолжает куратор. – Например, нижегородские пряничные доски помещены рядом с вышивкой неслучайно, они специально подобраны. Видно, что образы дерева, винограда, птицы павы, птицы сирийки использовались и на набивных тканях, и в вышивке, и в резьбе и росписи по дереву. Наталья Леонидовна это хорошо понимала и

Скатерть с кубовой набойкой и предметы из дерева: солонка в форме стульчика со сценой Благовещения, поставец и короб с крышкой, бурак (туес) расписной

Вышитый подзор из Костромской губернии с сюжетной композицией на свадебную тему. XIX век

потому отбирала такие вещи для своей коллекции». Историк Владимир Ильич Сизов считал, что «по ее коллекциям, благодаря их разнообразию и строгой классификации, можно было изучать русское народное творчество в его особенностях или оттенках, свойственное различным местностям и различным нашим инородцам».

К сожалению, выставки скоротечны. Но как хотелось бы продлить удовольствие и в дальнейшем любоваться запавшими в душу образами. Обычным посетителям, опытным мастерам-народникам, студентам-дизайнерам и кинематографистам черпать творческое вдохновение из красочных иллюстраций каталога или набора открыток с подробными описаниями предметов, составляющих костюмы. А маленьким девочкам играть с бумажной куклой, наряжая ее в удивительные наряды наших предков, бережно сохраненные для нас Натальей Леонидовной Шабельской, которая, по словам Владимира Стасова, «принадлежит к тому поколению новых русских женщин», которые «ясно чувствуют, что такое наша национальность, страстно любят ее и отдали на служение ей всю свою жизнь». ❶

НЕ ЩЕДРИНСКИЙ ГЕНЕРАЛ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«А НАШ-ТО БАРИН ВОН КАКОЙ, ВАШИМ НЕ ЧЕТА! НЕБЕСНУЮ ТВЕРДЬ ПРОЛОМИЛ И ПРЯМО К ОБЛАКАМ ВОЗНЕСЯ!» У БОБЛОВСКИХ КРЕСТЬЯН И ПРАВДА БЫЛ ПОВОД ДЛЯ ХВАСТОВСТВА: ВО ВРЕМЯ СОЛНЕЧНОГО ЗАТМЕНИЯ В АВГУСТЕ 1887 ГОДА ХОЗЯИН УСАДЬБЫ, ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕНДЕЛЕЕВ, В ОДИНОЧКУ СОВЕРШИЛ ПОЛЕТ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ. ЧЕМ, САМО СОБОЙ, НАДЕЛАЛ НЕМАЛО ШУМА В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ КЛИНСКОМ УЕЗДЕ.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ практически из ничего музей-заповедник в Боблове – редкий пример мемориальной усадьбы, которая принадлежала не литератору или композитору, а ученому с мировым именем. Когда-то она не только была местом отдыха, но и служила полигоном для научных исследований своего владельца. Дмитрия Ивановича Менде-

лева интересовали всевозможные грани сельского хозяйства: почвоведение, метеорология, животноводство, ботаника, экспериментальное строительство, сыроварение... Немало научных трудов было написано именно здесь. Сюда же на свидания к своей Прекрасной даме из соседнего Шахматова приезжал будущий зять прославленного русского химика, поэт Александр Блок.

МАЛЕНЬКАЯ СИБИРЬ

Поездка в Боблово была для нас большой мечтой. Долгое время некогда цветущая усадьба, разрушенная в послереволюционные годы, находилась в плачевном состоянии. Однако упорство и настойчивость сотрудников Государственного мемориального музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока во главе с директором Светланой Михайловной Мисочник сделали свое дело: после многих лет реконструкции в 2020 году основной дом-музей наконец был открыт для посетителей. Завершилась и реставрация великолепного храма Михаила Архангела, в котором венчались Александр Александрович Блок и Любовь Дмитриевна Менделеева. Сейчас не осталось и следа от строительных лесов, которыми храм был окружен во время нашего визита в Шахматове в 2017 году

(см.: «Русский мир.ru» №3 за 2018 год, статья «Угол рая»). Светлана Михайловна еще только делилась планами о будущем музее, в котором полным ходом шли подготовительные работы. Но уже тогда у нас не было никакого сомнения, что все получится.

Своим ходом добраться до Боблова проще всего от станции Клин Ленинградского направления. На ней же из поезда Николаевской железной дороги в неизменной широкополой шляпе и длинном пальто некогда выходил высокий господин с васильковыми глазами. На протяжении сорока лет Дмитрий Иванович приезжал сюда с семьей в летний сезон, если только не отправлялся в командировку за рубеж или не был привлечен к очередному исследовательскому проекту в Российской империи. В Боблове Менделеев отдыхал душой – во многом потому, что эти места, по словам самого ученого, напоминали ему с детства знакомые сибирские края.

О продаже этого имения в Клинском уезде Менделеев узнал летом 1865 года – об этом рассказали ему случайные попутчики во время поездки в Москву на

Так выглядел старый дом Менделеева

Международную мануфактурную выставку. Дмитрию Ивановичу 31 год, он только-только защитил докторскую диссертацию в Петербургском университете. Три года назад он женился на падчерице писателя Петра Павловича Ершова Феозве Никитичне Лещевой, у супругов уже родился сын Владимир. Ученый задумывается о покупке небольшой усадьбы для семьи и локальных научных исследований, и вот ему попадаете столь подходящий вариант. Дмитрий Иванович осматривает имение и поражается тому, как бобловская природа похожа на просторы его родного Тобольского уезда. Решение о покупке он принял быстро.

В те годы Менделеев активно сотрудничает с пионером рос-

Ученый с женой Феозвой Никитичной

сийской нефтепромышленности Василием Александровичем Кокоревым: проектирует нефтеперерабатывающий завод в Нижнем Новгороде и, как бы сказали сегодня, оказывает промышленнику консалтинговые услуги. За экспертное заключение по оптимизации работы убыточного кокоревского завода в Баку Менделеев при своем годовом жалованьи в университете в полторы тысячи рублей получил целую тысячу! И все равно денег решительно не хватало. За усадьбу просили 16 тысяч рублей. И тогда Менделеев предлагает своему другу, химику-красильщику из Технологического университета Николаю Павловичу Ильину, купить ее в складчину. Оформив купчую, ученые бросили каменные флигели для слуг и почти весь парк, а Менделееву – фруктовый сад и обветшавший, но еще достаточно крепкий дом бывшего владельца имения, мингрельского князя Егора Александровича Дадиани. Этот аристократ около сорока лет был хозяином усадьбы, но наследников не оставил. После его смерти Боблово перешло во владение государственной казны, а потом – в руки спекулянтов-перекупщиков.

Храм Михаила Архангела после недавней реставрации

НЕ ХИМИК, А ПОЛИТЭКОНОМ!

Первым делом Менделеев перестраивает старый, деревянный дом и возводит двухэтажный каменный особняк. Ильину же он советует объединить два флигеля в единое жилое строение при помощи просторной галереи, а наверху оборудовать мансарду-мезонин.

Дмитрий Иванович с азартом принимается вести сельскохозяйственные дела; пройдет всего несколько лет, и его имение назовут образцовым и даже начнут привозить сюда на экскурсии студентов Петровской земледельческой академии. Когда-то князь Дадiani просто-напросто засаживал все поля картошкой и сдавал крахмал государству. Менделеев же, многократно подчеркивавший, что он не просто химик, а в первую очередь политэконом, решает использовать землю более рационально и начинает проводить на своей экспериментальной ферме научные исследования.

В нечерноземных районах империи, к примеру, остро стоял вопрос об удобрениях. Крестьяне предпочитали либо по старинке использовать отходы со скотных дворов, либо надеяться на авось и вовсе не пытаться улучшать плодородие почвы. Менделеев стал использовать различные комбинации органических и минеральных удобрений, в том числе модные в Европе тех лет фосфориты, а после изучал эффективность результатов. Кроме того, он обратился в Вольное экономическое общество и предложил провести сравнительный почвоведческий анализ в разных регионах страны, в чем его поддерживали энтузиасты-ученики. Государство выделило ссуду и приобрело за свой счет посевной материал, но на полномасштабные исследования денег не хватило, и пришлось проводить опыты в сильно урезанном виде. Было определено несколько опытных участков: московский – его как раз представляло Боблово, петербургский, смоленский, сибирский. Менделеев сознательно решил проводить исследования

Частная химическая лаборатория, которую Менделеев собирал с юности, была одной из самых современных в России

В усадьбе Стрелица испытывают телескоп

в средней полосе России, где урожайность была нестабильной и жителям не раз приходилось переживать голодные годы. На следующем этапе, до которого дело так и не дошло, предполагалось изучать уже южные регионы.

Для получения собственных органических удобрений логично было заняться и животноводством. Ученый обустривает конный и скотный дворы, заводит свиней и коров. Начинает проводить опыты по кормлению животных, экспериментируя с температурой пищи и графиком ее приема. Из избытков молока пробует варить сыр. Также, не жалея средств, закупает для своей фермы современное оборудование: паровую машину для молотыбы, веялку, сеноворошилку.

Бобловские крестьяне с любопытством наблюдали за необычными нововведениями хозяина

усадьбы и были удивлены, когда за каких-то пять-семь лет урожайность его земли стала превышать их собственную в два-три раза. К слову, сам Менделеев не переносил отношения к себе как к барину, запрещал себя так называть и находил для крестьян возможность заработать, если им требовались деньги.

Иначе складывались отношения с профессором Ильиным. Хозяин второй половины имения на своей даче планировал только отдыхать и не слишком-то ценил исследовательское рвение коллеги. То и дело между учеными возникали споры, вспоминались обиды. Неоднократно Николай Павлович задумывался о продаже своей части, но лишь в 1892-м, в год его смерти, ильинская половина нашла новых хозяев: ее покупает для своей огромной семьи приехавший из Омска родственник Менделеева Александр Кузьмич Смирнов. Первой женой сибиряка была племянница ученого – Ольга Яковлевна Капустина. Однако она рано умерла, после чего Смирнов женился на свояченице – Юлии Яковлевне, помогавшей воспитывать детей сестры. В общей сложности в двух браках у Александра Кузьмича родилось более 20 детей!

НОВЫЙ ДОМ ДЛЯ НОВОЙ СЕМЬИ

Впрочем, такими большими семьями Менделеевых было не удивить. Сам Дмитрий Иванович был последним, семнадцатым ребенком своих родителей. Последний преуспел в жизни больше других, но до последних дней не забывал о своих многочисленных родственниках и мечтал собрать их вокруг себя. Первой к нему в 1867 году приехала из Сибири сестра Екатерина Ивановна Капустина, оставшаяся вдовой с семьей детьми. Стремясь дать племянникам приличное образование, Менделеев помогает им обустроиться в

Петербурге, на лето же Капустинские перебирались в Боблово.

А в 1869 году ученый отделяет от имения Боблово 8 десятин на местности, названной «Стрелица», и строит дом для своей сестры Марии Ивановны Поповой. Ее муж, Михаил Лонгинович, был учителем Менделеева в Тобольской гимназии. На пенсии он захотел перебраться поближе к Москве, но связался с недобросовестным продавцом и потерял накопленные за всю жизнь 10 тысяч рублей. Узнав о беде сестры, Дмитрий Иванович безвозмездно помогает семейству Поповых обустроиться по соседству. Когда ее муж умер,

Знаменитый ученый интересовался и сельским хозяйством

а дети разлетелись кто куда, такой большой дом оказался для Марии Ивановны обузой, и в начале 1880-х годов хозяевами Стрелицы стала еще одна пара причудливо переплетенных Капустинских–Смирновых – племянница Менделеева Анна Яковлевна и Иван Кузьмич.

В 1890-е годы в селе Бабайки, что в нескольких верстах от Боблова, обосновывается сын Екатерины Ивановны, врач Михаил Яковлевич Капустин. Его дача в первую очередь прославилась тем, что именно отсюда изобретатель радио Александр Степанович Попов, гостивший здесь летом 1899 года, послал сигнал в Боблово. Дмитрий Иванович успешно расшифровал послание и незамедлительно оседлал лошадь, чтобы поздравить Попова с победой: впервые две деревни поговорили на расстоянии!

А еще с одной дочерью Екатерины Ивановны, Надеждой Яковлевной, оставившей книгу воспоминаний о своем знаменитом дяде, напрямую связана непростая история со вторым браком Дмитрия Ивановича.

В 1875 году Надежда поступает одновременно в Академию художеств и в Рисовальную школу Общества поощрения, где заводит дружбу с молодой донской казачкой Анной Поповой. В следующем году ее одноклассница также поступает в Академию художеств, и Екатерина Ивановна предлагает девушке занять свободную комнату в их съемном жилье. А когда весной 1877-го Менделеев, по обыкновению, отправляет свое семейство на лето в Боблово и зовет сестру с племянниками пожить в его освободившейся университетской квартире, Анна Ивановна, как уже привычный в доме человек, переезжает с остальными. Брак Менделеева с Феозвой Никитичной к тому моменту уже много лет был номинальным: сам ученый признавался, что женился без особой любви, просто потому, что нужно было заводить семью. После рождения сына и дочери супруги отдаляются друг от друга, Дмитрий Ива-

Александр Кузьмич в окружении детей и внуков

нович концентрируется на научной работе и преподавании, а Феозва Никитична погружается в заботу о детях и доме.

Появление в квартире Менделеева красивой и молодой (на 26 лет моложе Менделеева!) девушки вызвало в семье переполох. Ученый поначалу сопротивлялся своему увлечению, но в итоге сдался. Родители Анны Ивановны были немногим старше самого Менделеева и немало волновались, что связь с женатым преподавателем скомпрометирует их дочь. Они потребовали от нее уйти из Академии художеств и уехать в Италию для продолжения учебы. Менделеев тем временем переживает глубокую депрессию. Жена не дает ему развод, и лишь посредничество друзей ученого, а также обещание полного содержания ее и их общих детей вынуждает Феозву Никитичну дать свое согласие. Предполагалось, что университетское жалованье будет уходить на первую семью, а на вторую – все доходы от изданных трудов профессора, в особенности легендарного учебника «Основы химии». Император Александр III препятствий разводу не чинил, сказав, что Менделеев у него только один. В 1882 году, спустя пять лет после знакомства с Поповой, Менделеев женится второй раз. К этому моменту у пары уже родилась их старшая дочь, Люба.

В бобловском доме Дмитрию Ивановичу слишком многое напоминает о первой семье, и он решает построить новый, более просторный, террасу которого Анна Ивановна расписывает в египетском стиле. Нижний этаж из камня поддерживали железобетонные перекрытия – метод, который Менделеев использовал в те времена, когда бетон в России применяли еще крайне редко.

В старом особняке ученый разрешает гостить и Феозве Никитичне, но она в имение так больше никогда не приезжала. Дом оставили для редких гостей, нетронутой осталась стоять и химическая лаборатория Менделеева, которую он долгие годы с такой любовью собирал.

По службе Дмитрию Ивановичу приходилось часто бывать в поездках

ГОСТЬ С НЕБА

Новый брак меняет ученого: своим научным опытам он теперь уделяет намного меньше внимания, да и сельское хозяйство его мало интересует. Менделеев поддерживает молодую жену во всех начинаниях, по-

Анна Попова, вторая жена Менделеева

ощряет ее стремление к творчеству, скупает произведения искусства, а в своей петербургской квартире организует художественные среды для самых известных художников.

Летом ученый все меньше времени проводит в Боблове, все больше – за рубежом. В музее-усадьбе представлена карта мира, показывающая менделеевские поездки и маршруты – география впечатляет даже современного путешественника, способного за несколько часов улететь в другую страну. После открытия Периодического закона в 1869 году Менделеев становится мировой знаменитостью, его приглашают в лучшие исследовательские центры, а крупнейшие университеты присуждают звание академика. Для исследований в области нефтехимии в 1876 году Дмитрий Иванович отправляется в командировку на другой конец света – в США. Часто в дороге ученого сопровождают сделанные им вручную чемоданы: один из таких стал экспонатом музея в Боблове.

В 1878 году на Всемирной выставке в Париже Менделеев

Аэростат
«Русский»
поднимается
в небо

Первый вариант
таблицы Менделеева

поднимается в воздух на привязанном аэростате Анри Жиффара. С тех пор ученый часто обращается к теме воздухоплавания и мечтает отправиться в свободный полет на воздушном шаре. Этому суждено будет исполниться не где-то за границей, а недалеко от его собственной усадьбы.

В конце июля 1887 года Менделеев получает телеграмму от Русского технического общества с предложением наблюдать с аэростата полное солнечное затмение, которое должно было произойти 7 августа. Первоначально полет планировался в Твери, однако Менделеев, подтвердив свое участие, убедил ученых провести наблюдение

в Клинском уезде. Дмитрий Иванович с помощью этого эксперимента хотел рассмотреть солнечную корону, что, по его предположению, приблизило бы человека к разгадке вопроса происхождения миров. Кроме того, ему было интересно, в какие минимальные сроки можно доставить и подготовить к полету аэростат – это было бы необходимо, например, в случае начала военных действий. Еще одной целью профессора было переломить сложившееся убеждение, что ученые, проводящие всю жизнь в лабораториях, на практике ничего не умеют и им, как щедринскому генералу, без простого мужика не справиться.

В музее-усадьбе работает Николай Александрович Смирнов, праправнук сестры Менделеева Екатерины

На деле полет оказался куда более опасным и трудным, чем представлялось. Погода накануне стояла скверная, пошел дождь, аэростат «Русский» намок, и его подъемная сила заметно снизилась. Когда Менделеев вместе с прибывшим в Клин опытным аэронавтом Александром Матвеевичем Кованько уже стояли у корзины, пришло понимание, что лететь может только один из них. К удивлению собравшейся толпы, заполонившей ко дню затмения провинциальный городок, в полет отправляется 53-летний Менделеев. На земле пришлось оставить и многие измерительные приборы. К сожалению, шар поднялся недостаточно высоко, а в момент наивысшей точки затмения уже вошло в полную фазу, отчего задачи эксперимента в полной мере выполнить не удалось. Тем не менее ученый вел дневник наблюдений и смог подробно описать очертания, размеры и цвет солнечной короны. Кроме того, спустя 2 часа 20 минут Менделеев, совершенно не понимая, куда в конце концов он прилетел, смог успешно приземлиться. Он, по собственному признанию, опасался не слишком дружелюбной встречи с суверенными

и далекими от науки людьми, не ждавшими чудного гостя с неба. Однако его встретили веселые и нарядно одетые крестьяне. Прилетел он, надо сказать, не абы куда, а в расположенное километрах в ста от Клина имение Спас-Угол, в котором прошло детство писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Причем произошло приземление на следующий день после Преображения Господня, Яблочного Спаса – престольного праздника этого села. Щедринский мужик хоть формально и не принял участия в эксперименте «генерала» Менделеева, но свидетелем его триумфа все же был!

ТЕАТР ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

В 1890 году после скандала со студенческими беспорядками профессор Менделеев принимает решение уйти из Петербургского университета. Последующие годы оказываются для него весьма плодотворными: он изучает налоговую политику Российской империи и на основании этого исследования издает фундаментальный «Толковый тариф», занимается разработками бездымного пороха и первого русского арктического ледокола «Ермак». В 1892 году он становится ученым-хранителем Депо образцовых гирь и весов, спустя год переименованного в Главную палату мер и весов. Последние пятнадцать лет жизни Дмитрий Иванович посвящает метрологии, и, как и следовало ожидать, его петербургская лаборатория становится одной из самых точных и современных в Европе. Ученого, считавшего, что России следует перейти на метрическую систему, занимает и поиск эталонов привычных русских мер: какова длина пяди, сажени, аршина; какой объем поместится в бочке, бутылки? Сегодня в музейно-усадебной экспозиции Менделеева подготовлена экспозиция, посвященная ушедшей в историю русской метрологической системе. А на бобловской даче кипит творческая жизнь. Анна Ива-

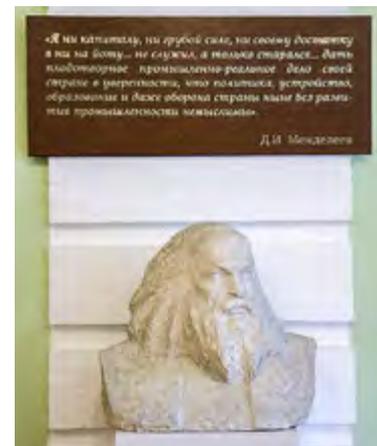
Диванчик, вынесенный во время пожара в новом доме

В первую очередь Иван Дмитриевич старался спасти книги отца

новна обустривает просторную арт-студию на втором этаже добротной бани. В гости к семейной паре приезжают известные художники: Илья Ефимович Репин, Архип Иванович Куинджи, Николай Александрович Ярошенко. Настоящей вехой в истории имения становится молодежный любительский театр, который оборудуют прямо в старом сенном сарае неподалеку от хозяйского дома. Идея создания театрального кружка пришла в голову Надежде Яковлевне Капустиной. В 1892 году труппа, собранная из круга менделеевской семьи, ставит свои первые, по-детски наивные спектакли. Дмитрий Иванович важно восседает в первом ряду зрите-

лей. В 1898 году репертуар заметно усложняется, все чаще играют Шекспира, Грибоедова, Чехова – выход труппы на более профессиональный уровень связывают с присоединением к ней талантливого юноши из соседнего Шахматова, Александра Блока. Когда-то Менделеев посоветовал его деду, своему другу, ректору Петербургского университета Андрею Николаевичу Бекетову, купить и себе усадьбу неподалеку, не подозревая, что это решение свяжет их семьи. В Боблове Блок вливается в слаженный круг театралов-любителей, быстро становится негласным лидером и встречает свою Прекрасную даму – Любовь Дмитриевну Менделееву. Он приезжает к ней на белом коне, часами гуляет по окрестным лесам и паркам, читает стихи. У влюбленных даже было специальное секретное дупло у заветной скамейки: с его помощью они тайно обмениваются записками. Молодой поэт восхищен гением отца Любы, пишет ей, будто ученый давно все знает, что бывает на свете, во все проник и ничего не укрывается от него. Менделеев же, чьи литературные пристрастия

Менделеев хотел остаться в памяти не только как ученый-химик

тяготели к приключенческим и фантастическим романам, талант своего будущего зятя оценивает достаточно высоко, но все же признается, что совершенно ничего не понимает в его стихах.

Две замечательные семьи породнились 17 августа 1903 года, собрав на шумной свадьбе многочисленных родственников и соседей. Из дома в Боблове Менделеев, уже слабо видящий и доживающий свои последние годы, провожает дочь в семейную жизнь, сложившуюся, увы, не так уж и счастливо.

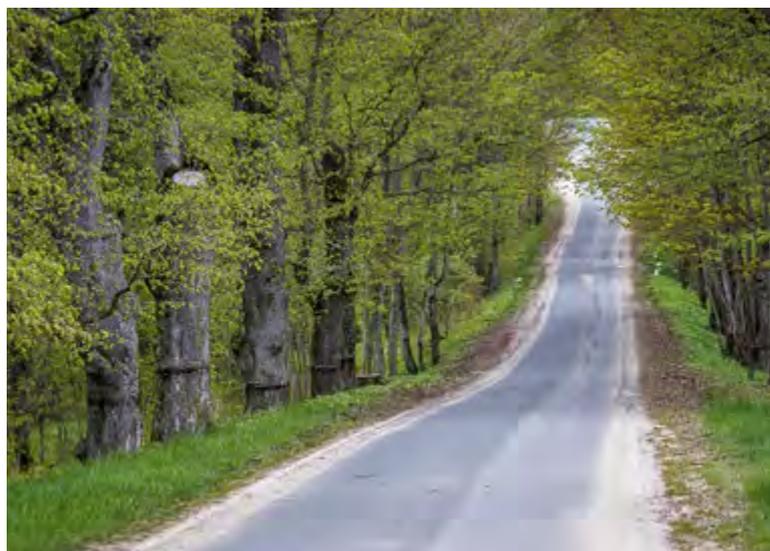
ПОЖАР

В 1907 году Дмитрий Иванович умирает в Петербурге от скоротечного воспаления легких. Еще десять лет после этого его семейство продолжает проводить летние сезоны в бобловском имении, но с приходом советской власти теряет свои права на него. Сын ученого Иван, попавший в клинскую тюрьму и чудом спасшийся, не сумел убедить местных крестьян, что ни он, ни его покойный отец не были эксплуататорами народа и посвятили свои жизни науке и труду. Он лишь

Не так давно был восстановлен и знаменитый театр-сарай

успевает эвакуировать богатую менделеевскую библиотеку. Летом 1919-го в имении вспыхивает пожар. Был ли он случайным или кто-то намеренно поджигает усадьбу – загадка до сих пор. По одной из версий, которая кажется весьма правдоподобной, сам Иван Дмитриевич решился на столь отчаянный шаг, не в силах наблюдать за разграблением своего имения. Новый дом погиб, старый и ильинский разворовывались и погружались в запустение, березовую аллею Менделеева вырубili. Благо осталась уникальная вязовая аллея, на поддержание которой уходит много сил и сегодня.

После Великой Отечественной войны в единственном сохранившемся здании – доме Ильина-Смирновых – была открыта школа, а в 1987 году принято решение организовать здесь музей Менделеева. Его объединение с заповедником в Шахматове и серьезная реконструкция последних лет вдохнули жизнь в это историческое место. Благотворители помогли восстановить и театр-сарай, в котором еще пахнет свежим деревом. В перспективе имение, где уже сейчас проводятся семинары, мастер-классы и лекции, должно стать масштабным кластером для ученых, служащих, как и великий хозяин усадьбы, во славу российской науки. 📍

Сохранившаяся вязовая аллея на пути к музею

КОЛОКОЛЬНОЕ ВРЕМЯ ХУДОЖНИКА МОРОЗОВА

АВТОР

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПО КРУТОЙ УЗКОЙ ЛЕСТНИЦЕ МЫ ВЗБИРАЕМСЯ С ПАШЕЙ НА ДРЕВНЮЮ КОЛОКОЛЬНЮ – ДНИ ПАСХАЛЬНЫЕ, ЗВОНИТЬ МОЖНО ВСЕМ! И ПЛЫВЕТ НАД ПЕРЕСЛАВЛЕМ-ЗАЛЕССКИМ ПРАЗДНИЧНЫЙ ПЕРЕЗВОН, И СМЕШИВАЕТСЯ ГДЕ-ТО В ВЫШИНЕ С ПТИЧЬИМИ ТРЕЛЯМИ, И ПЛЫВУТ В ПЕРЕЗВОНЕ ЭТОМ – НАД ШАТРОВОЙ, В ТРАДИЦИЯХ СТАРОГО РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА КОЛОКОЛЬНЕЙ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ – ЯРКИЕ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ... ФАНТАСТИКА!

Н О ЕЩЕ БОЛЬШЕ удивляет меня Пашино мастерство: звонит он не просто вдохновенно, но профессионально, безупречные музыкальные

фразы рождаются легко и весело, мне остается лишь редкими одиночными ударами изображать колокольную ритм-секцию да любоваться Пашиной улыбкой. На тот момент,

три года назад, я еще не слышала, как импровизирует Павел на рояле...

Но вообще-то Морозов – художник. Настолько самобытный, яркий и радостный, что перед ним все двери, кажется, открываются сами. Однажды, накануне 55-летнего своего юбилея, пришел к главе муниципального выставочного зала, развесить картины в стенах которого хотели бы многие, спросил, сколько будет стоить удовольствие... В валенках пришел и в тулупе, бородатый трудник монастыря. Его окинули взглядом: «Для вас – бесплатно!» И висели 55 Пашиных картин с видами Переславля в самом центре города, и город был покорен.

СВОБОДА ПО-МОНАСТЫРСКИ

Про Переславль-Залесский мы знаем, что это город древних храмов и монастырей да могучих ив по берегам реки Трубезь, город кинематографически красивых закатов над загадочным и величественным Плещеевым озером, где сам Петр основал свою потешную флотилию – прообраз русского флота – и откуда доставляли знаменитую ряпушку – «царскую селедку» – к великокняжескому столу с XIV века. Экскурсоводы, стоя вместе с притихшими слушателями на заросшем дикой травой городском валу, одинаково бойко рассказывают и о ряпушке, что стала геральдическим символом Переславля, и об Александре Невском, рожденном и крещенном именно здесь, и о таинственном Синем камне – огромном бульжнике предположительно космического происхождения – предмете поклонения неоязычников...

Все эти сведения можно почерпнуть и в интернете, но лишь прожив здесь несколько лет, начинаешь понимать, что Переславль – город рыбаков и художников. Все мужское население в любое время года проводит свой досуг у воды – на берегу с удочкой, или в лодке чуть ли не на середине озера, с удочкой же, ну, или над просверленной во льду лункой зимой. Это местные. Приезжие же – тоже у воды, но все больше с мольбертами.

Вот и московский живописец Павел Морозов приехал сюда однажды, как он думал, на пару недель – порисовать. Друг пригласил в гости, а возможность остановиться была в братском корпусе Данилова монастыря. Две недели обернулись целыми семью годами, и пролетели они как один день.

Подъем ранний, в полшестого утра, и начинается круговерт: служба в храме (Павел поет на клиросе), да завтрак-обед для братии приготовить, да в магазин сбегать за продуктами, да еще и в колокола звонить – к службе... И когда только картины рождаются успевают? Выставки Морозова

Знаменитый Владимирский собор Переславля, что на Красной площади, художник показывает буднично – со двора

открывались одна за другой – и постоянно свежие полотна!

«Тут самое главное – себя не жалеть, – улыбается художник. – Как начнешь думать, что вот я беденький такой, и то сегодня уже сделал, и се, и не выспался, вот в сон-то и заклонит... А днем поспишь – потом ночью не уснешь, а вставать-то рано. И день впереди, и настроение уже так себе – ведь не порисовал! Так что творчество – лучшее снотворное!» «То есть когда свободен – всегда рисуешь?» – спрашиваю. «Э нет. Свобода – это состояние души. И свободен-то я всегда».

ЖИТЬ – НЕ ТУЖИТЬ

Переславль в морозовском изображении завораживает даже местных жителей. Люди видят на картинах знакомые с детства места, домики и проулочки и удивляются: как красиво! Они привыкли сетовать, что дороги здесь плохие, что снежные завалы зимой, пыль да колдобины летом и что слишком уж отличается этим родной городок от не столь далекой – всего-то 142 километра! – Москвы. Но восхищенный взгляд художника, оказывается, способен оживотворить любую помойку. Он и рисует подетки: что вижу – то и на бумагу. И потому много деталей и вроде бы даже лишних порою предметов – все как в жизни, но во всем – красота!..

Мы идем с Пашей под чистым, без единого облачка, небом. «Гляди, какая синь!» – говорю. «Угу, – соглашается он без эмоций, – Монголия». В Монголии он служил, и армейские годы были, видимо, не самыми сладкими. Родился же в Загорске (Сергиевом Посаде). Детство провел в ГДР, по месту службы отца, там и в художественной студии учился, в Лейпциге. Художник от Бога? Улыбается: «От мамы! Мне мама

Перуанская шляпа! – автопортрет фломастером

еще маленькому совсем сказала: «Ты будешь художником!» Паша поверил. И в архитектурный институт в Москве уже после армии поступать тоже мама сказала. А сын послушный – поступил, отучился.

С тех пор выставок у него было – без счету и по разным городам, но в основном в Москве, конечно. И работы его – по всему миру, в музеях да по частным коллекциям России, Германии, Франции, Бельгии... И ведь не карьерист ни капельки, напротив – как всякий большой талант, умеет искренне восхищаться талантами других людей, дружится легко и с лету: в рамках своей персональной выставки, например, что проходила в позапрошлом году в московской галерее «Афрог», Павел провел несколько творческих вечеров своих приятелей-литераторов, да и на стенах потеснился сам, освободив место для картин друзей.

В людей он влюбляется так же, как в пейзажи – в вечные наши церквушки да улочки, любит и лучистым взглядом греет. Более того: я не помню, чтобы Павел сказал о ком-то дурное слово. За три года знакомства – не помню, ни разу и ни о ком. Хотя люди разные и поступали с ним по-разному... Но он не помнит – и мне вспоминать ни к чему. «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем мое почтение!» – умение следовать этому простому правилу преподобного Амвросия Оптинского не каждому дано, а уж если есть оно, счастливое, то, наверное, и всякое творение из-под руки выходит – благодатное, глаз не оторвать.

Зима
фломастером,
Фабричный
переулок.
Снова –
не открыточный
Переславль,
глубинный

ГОРОД ЭТОТ ВЫДУМАЛ ОДИН ХУДОЖНИК...

Но Павел еще и фантазер. Играет – развлекается. Писал как-то здание старой больницы, где хирург Войно-Ясенецкий, будущий святитель Лука, служил. К слову, он ведь именно в Переславле-Залесском свои знаменитые «Очерки по гнойной хирургии» написал. Так вот, на картине Морозова больница среди деревьев, а в деревьях-то, если присмотреться, буквы читаются. Вот две веточки – «Л», вот еще две – «У»... Так бы и не заметила, но Павел подсказывает, и правда – вижу: «ЛУКА».

А иногда буквы видны открыто, без шифрования. В тяжкий период пандемии изобразил художник, не мудрствуя лукаво, свое рабочее место: вот икон-

На старый переславский завод «Красное эхо» туристов не водят, и красоту здесь увидит далеко не всякий...

ка Матери Божией, вот самовар. Вот игрушки елочные почему-то... И рядом тетрадь раскрытая – дневник. Как было, так на холст и перенес: «13 октября 2021. Данилов монастырь на карантине, несколько человек из братии ковидят, помоги, Господи, и исцели. А меня грешнаго помилуй и спаси. Утром пел литургию, приготовил обед и начал рисунок к картине «На Покров». Благослови, Мати Божия, написать. Вечером немного покапало, а так день был молочный, нежный».

И картину он до Покрова закончил, и страницу дневниковую как раз на нее и перенес. Опять поиграл! И читали люди в галерее «ЛЕС» – с холста. Шевелили губами: «Благослови, Мати Божия...» Галерея эта, кстати, именно с Пашиной легкой руки второй год уже в самом центре Переславля работает. Познакомившись с хозяином французского кафе La Foret (что по-французски – «лес»), Морозов предложил организовать в сводчатом подвале здания не просто бар, но арт-пространство, и первая выставка там была, конечно, его. А сколько с тех пор концертов интереснейших там прошло, сколько встреч!..

Когда на
улице мороз
и выходить
не хочется,
можно просто
рисовать что
видишь. Этюд
«В мастерской
на Красной
площади.
Переславль-
Залесский»

КОТЯТА, ФЛОМАСТЕРЫ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Однажды появилась на территории монастыря беременная кошка. Один из священников ее за забор вынес, а та – рожать. Мороз за двадцать. Узнал об этом Паша. Кошку ему в келью взять не позволили. А котят он тайком пронес. Ночами на груди грел. Днем молоко им оставлял, прибежал урывками, кормил из пипетки. Кошку искал – а той и след простыл. Решили мы объявление дать, котят к кормящей кошке пристроить. «Ты приходи, Наташ, сфотографируй! Я ж не кошка. Помрут они у меня...». Фотосессия слепым зверенышам случилась в интерьере невероятного художественного беспорядка в келье братского корпуса, но снимки в интернет не пошли. Нашелся человек, сказавший: «Да ты с ума сошла: Пашу же из монастыря попросят – женщину в братский корпус водил!..»

Я могу лишь предполагать, почему Павел Морозов не числится больше в трудниках Данилова. Не из-за котят точно. Семь лет в монастыре прожил, да не монах явно. Слишком художник... Но висят его холсты в гостевом доме напротив другого монастыря, Никольского. И в Данилов недавно заходила – Пашины картинки в свеч-

ной лавке, яркие и радостные, с табличкой: «Работы насельника монастыря». И, кажется, еще вчера народ дивился, разглядывая маленькие шедевры минувшей зимы на выставке у Владимирского собора на Красной площади Переславля: надо же, и это – фломастер?!

Завтра выйду из дома, пойду по родным уже улочкам с гор-

Именно в этом изображении больницы, где служил хирургом будущий святитель Лука, художник зашифровал его имя. Сложнее всего отыскать букву «А»...

ки на горку – и точно не увижу его худосочную фигуру, увенчанную широкополой шляпой (шляп у Паши – коллекция!). Так странно. Звонил вчера с другой Красной площади – из Москвы. Звонарем устроился в соборе, и даже видео прислал.

НА ЗОЛОТОЙ УЗДЕЧКЕ

Как-то обсуждали мы в интернете группой единомышленников возможности освоения нового музейного пространства в Переславле-Залесском, и один из нас пошутил: «ХЖМ – хочу жить в музее!» «ХЖМ – хочу жить в монастыре!» – отозвалась я. «А я жил и там, и там. Хочу просто жить!» – тут же парировал Паша. И я вспомнила, как посреди жаркого спора не в сети, а в реальной жизни оторвались мы с Пашей от компании и вышли на балкон, и включил он на телефоне песню: «Я сам себе и небо, и луна...» Так-то оно так, Пашенька, но ты ведь совсем из другой песни персонаж. Ты – Ванюша, что водит солнышко на золотой уздечке, и душа твоя – крылата, но не заточен ты на трагизм – не колокольчиком, а радостным пасхальным колоколом звенишь над землею русской, да с Красной площади – с московской ли, с переславской...

А Переславль наш Залесский изначально замыслился Юрием Долгоруким в качестве града стольного – не потому ли жив здесь особый дух вечности, что простым перечислением артефактов не передается? Чтобы постичь его, не обязательно быть художником, но вот передать его – тут дар особый нужен! И не здесь ли – сердце России? Потому и дышится по-особому, свободно и легко. Как в детстве, как рядом с картинами Павла Морозова: замутненные взрослыми заботами взоры зрителей будто промываются – и мир предстает чистым и ярким. И настоящим.

Паша, возвращайся. В прошлом время колокольчиков, а кисть твоя – что язык колокола. Что-нибудь придумаем! ❀

ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО ХРАМА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПОСЕЛОК ТУМА МАЛО ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ МЕСТЕЧЕК РОССИИ. ДОРОГА, ПЕРЕСЕКАЮЩАЯ ЭТОТ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ, НЕБОЛЬШИЕ МАГАЗИНЧИКИ, ТРАДИЦИОННЫЙ СЕЛЬСКИЙ БЫТ... ТИПИЧНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКИ. НО ЕСТЬ ЗДЕСЬ ОДНА ИНТЕРЕСНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ. НЕОЖИДАННО ВИДЕТЬ НА СКРОМНОЙ УЛОЧКЕ ПОСЕЛКА БОЛЬШОЙ, ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ХРАМ. ОН УДИВЛЯЕТ НЕ ТОЛЬКО МАСШТАБАМИ, НО И ИНТЕРЬЕРАМИ. СТЕНЫ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ УКРАШАЕТ РЕДКОСТНАЯ РОСПИСЬ, ПОВТОРЯЮЩАЯ ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ НАЧАЛА ПРОШЛОГО ВЕКА.

К ОГДА-ТО ТУМА БЫЛА железнодорожным узлом, потом селом, а в 1938 году получила статус поселка городского типа. До 1917 года это местечко именовалось Тумой Николаевской. После революции решили, что можно обойтись и без второй части названия.

Местные жители не без гордости вспоминают, что в советский период поселок некоторое время являлся центром Тумского района. Было это, правда, недолго. Но, надо признать, Тума и сегодня вполне справилась бы с таким званием: жизнь здесь течет активная и интересная. И какие бы изменения ни происходили с этим населенным пунктом, главная тумская гордость оставалась незыблемой – удивительный храм, построенный здесь в XIX веке.

ДВУХВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

В этом году Троицкому храму Тумы исполняется 200 лет. Этот просторный каменный храм построили, когда прежний, деревянный уже не мог вместить всех прихожан.

Сохранились сведения, что разрешение на строительство тумской церкви было дано грамотой царя Алексея Михайловича еще в 1649 году. Первый храм был возведен в честь пророка Илии. А в 1791 году было дозволено построить новую церковь, в честь Святой Троицы. Она была тоже деревянной и сгорела в пожаре 1841 года. Каменный храм начали строить еще до пожара, в 1823-м. Известный рязанский историк, священнослужитель Иоанн Васильевич Добролюбов в своем труде «Историко-статистическое описание церковей и монастырей Рязанской епархии» писал, что приде-

лы церкви были освящены в 1841 году, центральный, Троицкий – в 1851-м. На одном из ярусов колокольни можно увидеть надпись «1896 год» – эту дату считают годом окончания строительства храма в его нынешнем виде. В новом, большом храме могли разместиться все желающие – около тысячи человек.

Правда, простоял новый храм недолго: в 1901 году снова случился сильный пожар. Повреждения были серьезными. Сгорела колокольня, разбились колокола... Восстановили храм всем миром.

Размеры храма серьезные: 80 метров в длину, 40 – в ширину, высота центрального купола – более 40 метров. Колокольня видна издали, с какой бы стороны к Туме ни приближаться. Высота ее – 65 метров, да еще около 15 метров составляет шпиль с крестом. Согласно воспоминаниям сельчан, собранным местным жителем В.М. Мининым, строительство колокольни было связано с определенными сложностями. Так, из-за грунтовых вод яму для фундамента колокольни нельзя было делать глубокой. Вырыли неглубокий котлован, забили дубовые сваи, а по контуру – рельсы. Затем залили яму свинцом, поверхность тщательно выровняли, и на нее выложили каменные глыбы. Время показало, что все было сделано правильно: сооружение стоит прочно.

Изюминка тумского храма – его роспись. На стенах здесь можно увидеть известные евангельские картины знаменитых художников. Храм был расписан в 1910 году, фрески сохранились до наших дней. Уцелел и двухъярусный иконостас из белого каррарского мрамора с колоннами из цветного мрамора, а также удивительной красоты метлахская напольная плитка, которую настоятель храма когда-то выписал из Харькова...

ЛЕГЕНДЫ ТУМСКОГО ХРАМА

После выхода в 1922 году декрета «Об изъятии церковных ценностей для спасения голодающего населения России» имущество храма серьезно пострадало. «Сни-

мали оклады, выносили ценно-сти, – рассказывает настоятель храма Пресвятой Троицы иерей Михаил Митрохин. – Выгасшили все, церковное имущество было серьезно разграблено. Арестовали настоятеля, правда, к счастью, вскоре отпустили».

А в 1930-м случилась интересная история. «Тогда произошли события, которые назвали «тумским бунтом». После празднования Дня Красной армии в храм пришли комсомольцы, отняли ключи, вели себя очень вызывающе, курили, матерились... Все это вызвало возмущение верующих, – рассказывает отец Михаил. – Когда в соседних деревнях узнали, что закрыли последний на всю округу храм в Туме, началось восстание. К храму стали стекаться крестьяне. Однако советская власть его не отдавала. Тогда люди начали подавать заявления о выходе из колхоза...». Вскоре из столицы прибыла комиссия, и трех высокопоставленных лиц района сняли за превышение полномочий и недоработки в антирелигиозной пропаганде. Храм открыли, богослужения возобновили. Тумчане отстояли свой храм.

Росписи храма действительно поражают. «Посмотрите вверх – это копия триптиха Виктора Васнецова «Радость праведных о Господе. Преддверие рая». В Покровском приделе – опять же васнецовский «Воплощенный Сын Божий». Вот его же «Троица». А этот придел посвящен Михаилу Нестерову, – продолжает экскурсию настоятель. – Здесь мы видим «Бориса и Глеба», «Благовещение». Есть картина, которая называется «Христос на Руси» («Святая Русь»). Правда, у нас она несколько обрезана, как сейчас говорят, кадрирована: можно видеть копию только центральной части полотна».

Фреска, на которой изображены равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга, полностью повторяет такую же во Владимирском соборе в Киеве, выполненную Виктором Васнецовым. Отец Михаил нашел заключение искусствоведов, написанное в 1976 году, – тогда пытались реставрировать храм, и эксперты проси-

Тума всегда была торговым местом, и купцы охотно заглядывали в храм, чтобы поставить свечку за процветание своих дел

Троицкая церковь своего рода культурный центр Тумы, ведь все основные события, происходящие в небольшом поселке, как правило, связаны с храмом

ли остановить работы, чтобы не повредить роспись. Специалисты пришли к выводу, что фрески тумского храма – это «классическая академическая стеновая живопись рубежа XIX–XX веков, выполненная мастерами школы Виктора Васнецова».

«Конечно, когда сравниваешь фрески с оригиналами, видно, что это не Васнецов, а работа копиистов», – говорит отец Михаил. Во

время экскурсий он нередко показывает гостям репродукции работ Васнецова и предлагает найти отличия. «К примеру, в росписи «Радость праведных о Господе» я хотел показать как-то персонаж, смотрю, а его на нашей фреске нет, – делится отец Михаил. – Или, например, в нашей версии полотна «Явление Христа народу» Александра Иванова нет группы кающихся». На стенах храма помимо копий картин Виктора Васнецова, Михаила Нестерова, Александра Иванова можно также увидеть копии работ Вильгельма Котарбинского, Генриха Семирадского и других живописцев того времени. Большинство из тех, кто попадает в храм, восхищаются его красотой. Впрочем, находятся и те, кто не разделяет общих восторгов. «К нам как-то приехал один монах, ходил по храму и твердил: «Какой ужас. Как вы здесь молитесь? Это же не храм, а галерея», – смеется отец Михаил. Настоятель говорит, что такое живописное оформление церковного интерьера встречается редко.

Тумчане любят свой храм и берегут то, что смогли сохранить предки. При этом многие местные жители убеждены, что Виктор Васнецов все-таки приложил руку к его росписи. Это одна из легенд местного храма: якобы писали фрески ученики великого художника, но руководил артелью сам Васнецов.

БРАТСТВО СВЯТОГО НИКОЛАЯ

В конце XIX века настоятель храма Стефан Остроумов организовал в приходе настоящий культурный центр. В Туме действовало Братство Святого Николая Мирликийского. «У нас есть отчет о деятельности братства с 1893 по 1902 год. Оно занималось выдачей ссуд и пособий бедным, содержало школы. Здесь действовала библиотека, проводили праздничные чтения, – рассказывает отец Михаил. – В Туме даже организовали издательство, сами печатали книги и распространяли их. Большую работу общество вело по борьбе с пьянством».

У Стефана Остроумова был верный соратник и помощник – доктор Клевезаль. Отец Михаил показывает отчет: доктор тщательно записывал численность населения, все случаи обращения к врачу... Отец Михаил долго страивался из-за отсутствия фотографии доктора, который так много сделал для Тумы.

А три года назад один прихожанин принес старый снимок, на котором были запечатлены Стефан Остроумов и еще несколько человек. Фотографию отец Михаил постоянно держал на своем столе. Не так давно священник побывал в Рязанской областной библиотеке имени М. Горького – в юбилейный год там будет организован выставочный проект, по-

священный истории Троицкого храма, – и решил посоветоваться с ее сотрудниками о том, как можно было бы найти фотографии доктора Клевезаля. А заодно показал тот самый старый снимок. «Специалист краеведческого отдела рассмотрела групповую фотографию и говорит: вот это и есть Клевезаль, – рассказывает отец Михаил. – Она заметила, что у него часы на жилете закреплены под правую руку – как она объяснила, так всегда делали врачи, потому что левой они измеряли пульс. Обратила она внимание и на то, что доктора всегда ходили в костюмах-тройках. На фото доктор Клевезаль стоит между отцом

Удивительная роспись производит сильное впечатление – на стенах и потолке можно увидеть повторение картин знаменитых художников

Размеры тумского храма отличаются от привычных масштабов сельской церкви

Стефаном и своей женой – Верой Антоновной. Ее мы идентифицировали точно. У Клевезалей не было своих детей, но у Веры Антоновны было много крестников. И своим крестникам она часто дарил Евангелия, в которые вклеивала свою фотографию».

Возможно, теперь священнику удастся реализовать свой давний проект: поставить памятник Стефану Остроумову и доктору Клевезалю. «Когда я рассказал о нашем храме и его настоятеле скульптору Олегу Седову, он предложил сделать памятник сразу обоим – настоятелю и доктору, ведь каждый из них заслуживает доброй памяти», – говорит отец Михаил.

ХОДОКИ К СТАЛИНУ

В 1937 году Стефана Остроумова арестовали. Его сослали на десять лет на Север, дальнейшая судьба протоиерея неизвестна. Колокола сбросили и увезли на переплавку. А в храме разместили зернохранилище. Сырость вредила фрескам, но все же они уцелели. Сохранилась и напольная плитка, несмотря на то, что по «зернохранилищу» ездили на телегах.

В 1940-м над храмом нависла очередная угроза. «В декабре 1940 года исполком Тумского района решил разрушить храм. В архиве сохранилась папка с надписью «Дело по закрытию тумского храма», – рассказывает отец Михаил. – Начато оно было 6 декабря 1940 года, закончено 6 июня 1941-го. До начала войны оставалось 16 дней. За это время успели сломать только три малые башни». Неподалеку от храма, рядом с парком, можно увидеть красивую башенку с золотым куполом – настоятель объясняет, что вокруг большого купола было еще четыре таких башенки. Сохранилась одна, остальные снесли за те самые 16 дней.

В папке с делом о закрытии храма сохранилась смета по переустройству на 9756 рублей. Планировалось разрушить малые купола и снять кресты с колокольни и центрального входа. На месте алтаря должен был располагаться экран – здесь намечались сде-

лать кинотеатр на 600 мест. Значилось в смете устройство комнат для кружков. И последним пунктом в ней было прописано проведение малярных работ, чтобы закрасить фрески.

Непростой этап пережил храм и в годы Великой Отечественной войны. В 1941-м немцы подошли к Рязани. Это вызвало переполох в Туме. Колокольно решили взорвать – опасались, что высокая башня могла стать ориентиром для артиллерии. Заложили взрывчатку, позаимствованную у проходивших воинских частей. Жителям окрестных домов велели уйти подальше. Грянул взрыв, однако колокольня не поддалась, даже трещины не образовалось. Напоминает о том взрыве только поврежденная напольная плитка. После первой неудачи от затеи отказались. А потом колокольно использовали в качестве наблюдательного пункта: на железнодорожный узел Тумы регулярно совершались авианалеты, надо было держать небо под контролем, и колокольня в этом очень помогала.

После войны в храме возобновились богослужения. С этим периодом связана еще одна легенда тумской церкви: местные старожилы рассказывали, что делегация из Тумы отправилась в Москву, к Сталину. Ольга Алексеевна Школьникова, долгое время работавшая в храме старостой, подробно пересказывала историю, которую в свое время поведала ее мама. «Поначалу делегация отправилась в Рязань, к местному владыке, но он не мог самостоятельно принять решение об открытии храма. Тогда тумчане решили идти к Сталину, – рассказывала Ольга Алексеевна. – А время послевоенное, денег нет, месяца за четыре собрали средства по окрестным деревням. Была в Туме монахиня Акилина, она и организовала этот поход». Говорят, делегация тумских прихожан – человек 20 в лаптях – прямиком пришла в Кремль. И, как гласит легенда, Сталин их принял и разрешил открыть храм. Правда, на этом приключения ходоков не закончились. Рассказывают, что председатель райисполкома по-

Как и век назад, в храме собираются прихожане, сюда приезжают паломники, любители истории и искусства

рвал бумагу, полученную от Сталина, хотя, конечно, в такое самоуправство верится с трудом. Тогда тумчане собрали вторую «экспедицию» и вновь попали на прием к Сталину, и он снова дал им бумагу. В итоге ключи от церкви вернули верующим. Ольги Алексеевны Школьниковой сегодня уже нет, а подробности того похода тумчане до сих пор передают из уст в уста. Отец Михаил к таким легендам относится с иронией: «Может быть, и были ходоки. Может, дошли до Рязани... Остальное уже народ дополнил. Я сомневаюсь, что тумскую церковь открыли по личному указанию Сталина».

Во время экскурсий отец Михаил рассказывает об эпохальном для Русской церкви событии, которое произошло 4 сентября 1943 года. Тогда в Кремль на встречу со Сталиным были приглашены

три митрополита – Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). Результатом беседы владык с главой страны стало заметное улучшение положения Церкви: были открыты некоторые храмы и монастыри, возобновилось издание журнала Московской патриархии и было решено избрать патриарха – им вскоре стал митрополит Сергей (Страгородский). Кроме того, были открыты духовные семинарии. «Есть даже такой церковный анекдот, – рассказывает отец Михаил. – На встрече владыка Сергей сказал, что у церкви очень мало кадров. Сталин спросил: почему? И якобы тогда владыка Николай ответил: мы готовим церковные кадры, а они становятся советскими руководителями. Это был намек на то, что сам Сталин почти окончил духовную семинарию».

Тумчане очень трепетно относятся к своему храму и всегда с гордостью вспоминают, что их предки смогли уберечь святыню в самые непростые периоды истории

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО ХРАМА

Здание храма было возвращено верующим в 1947-м. Начало процесса его возвращения связано с именем Григория Хомутова. «27 лет Григорий Тимофеевич работал в тумской школе, был учителем начальных классов. Потом ушел на фронт, а когда вернулся, стал священником – говорят, был минером и дал обет: если останется жив, посвятит жизнь служению Богу, – продолжает рассказ отец Михаил. – Конечно, служить в Туме, да и вообще в Клепиковском районе, ему не разрешили, ведь это был, можно сказать, идеологический прокол. Представляете, сколько за 27 лет работы у него было учеников? Сколько человек в Туме его уважало? И вдруг он появляется здесь в рясе, с крестом. Такого советская власть допустить не могла. Его направили служить в другой район, потом он служил в миссии в Палестине, потом – в Германии, а после вернулся в Рязань и был назначен настоятелем Скорбященского храма, около которого и был похоронен в 1978 году. Но до этого он все-таки стал свидетелем открытия храма в его родной Туме...». В 1990-е годы с помощью благотворителей на колокольню тумского храма удалось повесить колокола. В 1996-м весь поселок собрался, чтобы принять участие в водружении 30-пудового колокола. Теперь тумчане привыкли

встречать каждое утро под колокольный звон.

В XXI веке о тумском храме появилась еще одна легенда. Рассказывают, что патриарх Алексий II, который приезжал в Рязань в 2002 году, изменил план своего визита в Рязанскую епархию, чтобы посетить храм в Туме. А побывав здесь, сказал: «Господь бы меня не простил, если бы я этого не увидел...» Храм и правда впечатляет. Местные жители заслуженно гордятся своим храмом и заботятся о нем.

«Мы хотим вернуться к той деятельности, которая была организована здесь в начале прошлого века. Хотим, чтобы храм был культурным и просветительским центром поселка», – делится планами отец Михаил. В храме сегодня и правда много интересного: здесь действуют туристический

Отец Михаил всегда увлеченно рассказывает о родном храме, в его экскурсиях не только вехи местной истории, но и события российского масштаба

В 90-е годы XX века колокольне вернули голос, и теперь жители Тумы встречают свой день под переливы колокольного звона

центр, студии хореографии и рисования, секции самообороны и рукопашного боя. «Педагоги у нас как местные, так и те, кто приезжает из разных мест. Хореограф вот из Рязани, художница – из Москвы. Евангельские встречи ведут. Занятия йогой – бывший полковник ФСБ. Что касается йоги, перед каждым занятием мы читаем молитву, так что ничего, можно – мы ее «катехизируем», – шутит священник. – Еще хотим музей создать, уже сейчас собрано немало артефактов».

До сих пор в храм возвращают то, что считалось утерянным в период разорения. Среди таких экспонатов – икона, спасенная одним из прихожан. «Иконы сжигали, бросали в огонь. Вот, видите? Образ опален снизу. Но до того, как отправить икону в огонь, совершалось надругательство: по лицу и по руке изображения наносили удар топором. К нам не раз привозили иконы с такими следами – как будто их когтями кто-то царапал. Мы их реставрируем, но вот эту решили оставить как памятник человеческому безумию. Ладно, пусть ты не веришь, но ведь должен понимать, что это произведение искусства, – недоумевает отец Михаил. – Сохранили бы икону просто как картину. Однако времена были такие...».

Но, говорит священник, радует то, что среди реставраторов и искусствоведов того периода было немало тайно верующих людей, которые спасали святыни. «Да и простые прихожане сохранили многое, хоть это и было рискованно. Нам приносят сохраненные святыни – ниточка не прерывается. И мы стараемся быть достойными преемниками предков. Помимо сохранения наследия стараемся возрождать традиции того времени, – делится отец Михаил. – Сегодня мы пытаемся заниматься тем, чем занималось братство, существовавшее при храме более ста лет назад». Жизнь в старом Троицком храме бьет ключом. И сегодня здесь собираются прихожане, приезжают паломники, любители истории и искусства. Каждый находит здесь что-то свое. ■

ИСКУССТВО СОЗДАВАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ

АВТОР

ВАЛЕНТИНА
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

Я СВРАЧИВАЮ В АРКУ С ГЛАВНОЙ ПЕШЕХОДНОЙ УЛИЦЫ НИЖНЕГО НОВГОРОДА, БОЛЬШОЙ ПОКРОВСКОЙ, И ВИЖУ ЗДАНИЕ С НЕОБЫЧНЫМ КРУГЛЫМ ОКНОМ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ. ПОДНИМАЮСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ С ЧЕРНОГО ХОДА, ОТКРЫВАЮ ДВЕРЬ: В ВОЗДУХЕ ВИСИТ ПЫЛЬ ОТ ПОБЕЛКИ, ЗА БАРРИКАДАМИ ИЗ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ ДЕСЯТОК ЧЕЛОВЕК РАССЕЛИСЬ ПО КРУГУ И ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАЮТ ДРУГ ДРУГА.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ? Частный театр, который уже двенадцать лет собирает аншлаги в Нижнем Новгороде, обретает свой дом. Здесь рождается новая постановка: драма «Связанные» о сложном выборе в постапокалиптическом мире. Идет репетиция творческого объединения «Нетеатр» во главе с режиссером, драматургом, директором, а временно еще и прорабом, Дмитрием Сухотериным – в их пока еще не отремонтированном новом помещении, где будет и зрительный зал, и фойе, и оборудованная гримерная. Красивые вешалки, с которых, как известно, театр начинается, уже лежат штабелем в углу будущей гардероба.

ТРИ «ВОПРЕКИ»

А с чего начался сам «Нетеатр»? Для этого надо рассказать историю о том, как далеко могут зайти творческого и целеустремленного человека отказы, неудачи и внешние ограничения. Вот три «вопреки», без которых не было бы ни драматурга и режиссера Дмитрия Сухотерина, ни потрясающей профессиональной труппы из 19 актеров, ни побед на международных фестивалях и конкурсах, ни своего дома в центре города. Во-первых, обидный проигрыш в «Студвесне». Студенту истфака было тесно и в студтеатре (не хватало юмора), и в КВН (мало возможности говорить о серьезном). На ежегодном смотре-конкурсе самодеятельности в Нижегородском госуниверситете

им. Н.И. Лобачевского, который традиционно проходит на очень высоком исполнительском уровне, Дмитрий впервые опробовал новый жанр, когда все творческие номера связаны единым сюжетом, дополняют и развивают его. В 2007 году это смотрелось очень новаторски. Дмитрий успел создать три подобные пьесы: первая нахульвала стиль, вторая принесла победу в конкурсе, а третья пьесе, «№3» («Да, у меня очень оригинальные названия», – смеется Сухотерин), жюри засудило из-за надуманной формальной причины. Это смотивировало Дмитрия отправиться на международный театральный фестиваль в Рязани – ведь ошибки судейства нужно было компенсировать. И дало толчок к рождению «Нетеатра»: когда ушли те, кому было важно просто «обыграть экономфак», сложился коллектив, с которым можно было работать дальше, не привязываясь к вузу и конкурсу. Второй укол судьбы, подтолкнувший к развитию, – приговор пьесам Дмитрия от одного заведующего литературной частью: «Это не театр». Так, сам того не желая, завлит подарил Сухотерину название его будущего детища. «Если б у меня тогда взяли пьесу, я бы успокоился и в лучшем случае продолжал бы развиваться только как драматург», – признается Сухотерин. Пока нижегородские деятели снисходительно сравнивали постановки Дмитрия с КВН, известный театральный критик Анастасия Ефремова написала о выступлении молодых нижегородцев в журнале Союза театральных деятелей: «Я не понимаю, почему это не театр». Третье испытание – помещение. За двенадцать лет Дмитрий не раз пытался договориться о специальных арендных условиях с площадками, где из года в год был вынужден снимать зал для представлений. Но владельцы не шли на уступки. Переиграв во всех мало-мальски подходящих местах города, он понял: чтобы развиваться дальше, «Нетеатру» нужен свой дом. И не где-нибудь, а в центре города: «Нам предлагали помещение на окраине чуть ли не

Пока шел ремонт, Дмитрию Сухотерину приходилось быть не только режиссером и драматургом, но и прорабом

Служебный вход нового здания «Нетейтра» на Большой Покровской

бесплатно. По формальным критериям – площадь, высота потолков – оно подходило. Но в Нижнем Новгороде такая ситуация с транспортом и так сильны традиции приезжать проводить культурный досуг в исторический центр, что я отказался. И стал искать в районе Большой Покровской». Только спустя пару лет нашлось помещение, которое раньше было клубом, рестораном и даже танцевальной студией. Ремонт в нем начали на собственные и собранные с помощью краудфандинга средства. А летом прошлого года «Нетейтра» получил грант от «Команды креативных практик» правительственной программы «Нижний 800». Это позволило продолжить и завершить переоборудование здания на качественно ином уровне.

МОЖЕТ, РОБОТЫ ЛУЧШЕ АКТЕРОВ?

На режиссерское отделение ГИТИСа Дмитрий тоже поступил не с первой попытки: был зачислен после двух неудач, когда уже отчаялся и поехал с приятелем «просто так, за компанию». «Приятели не взяли, а меня взяли, – вспоминает режиссер. – Но учиться было непросто. Прошлый опыт сыграл со мной злую шутку: я привык видеть потенциал в сырых набросках, отталкиваться от черного варианта. В ГИТИСе это не работало. Мэтры оценивали именно то, что происходило в данный момент на сцене, не делая скидку на недоработки. Только когда я стал репетировать один этюд по нескольким неделям, пока не увижу на сцене то, что видел у себя в го-

лове, мои отрывки начали получать одобрение».

Самое главное, что дал Сухотерину ведущий театральный вуз страны, – это понимание важности взаимодействия артистов. Ведь он пришел в ГИТИС с уверенностью, что главное – это текст. «И с тайной мечтой, чтобы мои тексты читали не люди, а какие-нибудь тонко настраиваемые роботы, – улыбается Дмитрий. И тут же снова становится серьезным: – Но я оказался не прав только частично. Текст важен, но лишь на этапе выбора. Я по-прежнему убежден, что если режиссер берет для постановки драму с «чернухой» и непристойностями, она такой и останется, что бы он с ней ни делал. Многие мои сокурсники отрицают обучающую функцию театра, но я считаю, что театр учит априори, по своей природе. Это как свойство любого сосуда содержать в себе некий объем: если ты отрицаешь, что внутри бутылки что-то есть, даже пустота, то это просто

значит, что не ты ее заполнил. Если ты как режиссер утверждаешь, что «театр не учит», значит, за тебя это делает кто-то другой. Поэтому важно выбирать текст, который созвучен, отражает ценности режиссера, «ведет» зрителя в нужную сторону. Но как только такой текст выбран, он перестает иметь большое значение. Если он играется без подтекста, без учета взаимодействия актеров, то зрителю проще прочесть пьесу. Я знал это раньше интуитивно, но сейчас у меня есть профессиональный язык для общения с актерами и все инструменты для того, чтобы добиваться от них нужного результата».

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В АВТОБУСЕ

Пока «Неттеатр» существовал на арендных площадях и был этим ограничен, в его репертуаре чередовались четыре постановки: лирические «Разговоры влюбленных», в которых узнают себя все пары мира; комедийно-философское скоморох-шоу

«Сказки для хороших людей», где и дети, и взрослые смеются по-своему; документальная «Беспечная нота» и уникальный «Автобус», который играется в... автобусе. Идея родилась во время недавней пандемии, когда коллектив решил взломать систему запретов, не учитывая существование частных трупп, живущих без дотаций из бюджета, только за счет проданных билетов. «В 2020 году театры были закрыты, но общественный транспорт, пусть и с ограничениями, работал. Мы подумали: если в автобусе, трамвае или троллейбусе собираться можно, почему бы не превратить их в театр на колесах? От идеи сыграть там что-то из текущего репертуара отказались сразу. Салон автобуса – это не зрительный зал, он требует своей драматургии. И дает возможность создать «театр реальности», спектакль, который нельзя просто «смотреть» – он происходит с каждым зрителем здесь и

Репетиции идут, несмотря на незаконченный ремонт

Алиса Ильина играет одну из главных ролей в спектакле «Беспечная нота»

сейчас на расстоянии вытянутой руки», – объясняет задумку Дмитрий.

Так появилась пьеса, которая действительно максимально «не театр». Движущийся в неизвестном направлении по городу автобус – мощная метафора жизни сама по себе; рассредоточенные по салону и ничем не выделяющиеся до начала путешествия актеры-пассажиры заставляют любого зрителя почувствовать себя частью сценария; маршрут-загадка полностью оправдывает невиданный для классического театра жанр – «приключение».

Идея оказалась настолько успешной, что пандемия закончилась, а «Автобус» продолжает ходить по своему секретному маршруту. Билетов на каждый спектакль – ровно по количеству сидений в салоне, а вот текст пьесы с течением времени меняется. «Одни шутки и темы отмирают. Например, про ковид мы теперь почти не говорим, – поясняет Дмитрий. – Другие темы, наоборот, становятся актуальнее: например, над юмором про феминистивы пару лет назад хихикали только пара человек, а сейчас смеется весь автобус».

NOTA VENE 1945

Еще один спектакль, который стал визитной карточкой «Не театра», – это интерактивно-документальная постановка «Беспечная нота» по пьесе Сухотерина Nota Vene 1945.

«Это пьеса, которую я не собирался писать, и спектакль, который не собирался ставить, – рассказывает режиссер и драматург. – В 2016 году другой нижегородский театр заказал мне пьесу о Великой Отечественной войне «для детей, но чтобы взрослым было интересно». Несмотря на то, что я по первому образованию историк, участвовал в работе по перезахоронению наших солдат, и тема эта меня действительно волновала, я понимал, что не справлюсь. Личных семейных воспоминаний у меня немного: один дед, который воевал и вернулся с фронта с боевыми наградами, прожил жизнь в Казахстане, я видел его пару раз лишь в глубоком детстве. Другой в годы войны работал на заводе «Красное Сормово», а в 1970-м участвовал в ликвидации аварии во время строительства атомной подлодки и рано умер. За пьесу я все-таки

взялся, но стал думать: кто же может поделиться со мной живыми воспоминаниями о военном времени? Сочинять ничего не хотелось. И тогда я позвонил Наталье Викторовне Кузьминой, учительнице моей мамы по русскому языку и литературе».

Дмитрий попросил помочь с сюжетом пьесы, и Наталья Викторовна согласилась. Она предложила историю о том, как три бойца на привале мечтают о мирном времени. И долго рассказывала, как пошла в 1941 году в первый класс, как начались бомбежки и голод, как, несмотря на это, они с мамой ходили в оперный театр, как приходили похоронки на соседей... Вымышленные бойцы померкли перед живыми воспоминаниями: пьеса сложилась не о них, а о девочке Тате. Дмитрий завез Наталье Викторовне готовую рукопись, а потом два дня не звонил – переживал.

Наталья Викторовна текст одобрила и разрешила сделать постановку по истории своего детства. Актеры приняли пьесу на ура: «Когда читаешь такое, понимаешь, что ты еще человек». А режиссер признался, что «не знает, как это ставить» и вообще попросил «добавить ужасов войны». Вердикт был таков: гонорар заплатим, сценарий возьмем, но перепишем так, как нам надо.

«Я не мог на это согласиться, – разводит руками Сухотерин. – Это же настоящая жизнь, как ее возможно переписать в угоду режиссеру? Отказался и забрал пьесу. Я придумал, как ее ставить, хотя впервые делал это с текстом, который изначально создавал не для своей труппы. И теперь я перед каждым представлением кратко рассказываю зрителям историю создания спектакля, мне важно обозначить: это не конъюнктурная постановка. Мы не готовили ее специально ни к 75-летию Победы, ни к 800-летию Нижнего Новгорода, хотя действие узнаваемо происходит в Горьком».

**КАК ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ
О ВОЙНЕ**

В 2019 году спектакль «Беспечная нота» на Международном фестивале современного театра «Наш кислород» в Белгороде взял специальный приз «За новую интонацию в беседе о войне» и получил высокую оценку председателя жюри, театрального критика Павла Руднева. «Это интонация Натальи Викторовны, которую я постарался сохранить в тексте, ее взгляд на события тех лет. Вот что это за женщина: в этом году ей 90, она до сих пор каждый год летом сплавляется по Керженцу на байдарке. В одиночку! И до сих пор не видела постановку. Когда в очередной раз к ней просят журналисты, она отвечает: «Не надо мне их! Митяй, я, может, потому до этих лет и дожила, что я беспечная». Она очень веселый, добродушный, беззаботный человек», – говорит Дмитрий.

Мы пришли на постановку «Беспечной ноты» с 10-летней дочерью. Сначала она с трудом отрывается от своего мобильного телефона, но затем полтора часа не вспоминает про него, напряженно следя за сюжетом и хихикая над выходками ровесников образца 1941–1945 годов. Повествование от лица младшей школьницы в спектакле разложено на пять голосов: квинтет актрис ведет сложную полифонию, словно подчеркивая, что девочек, подобных главной героине, в стране в годы войны было множество. По ходу действия они также перевоплощаются то в противного соседа, то в озорных соседских мальчишек, то в их встревоженных мам – и тут уже себя узнаю я. Мама всех времен, оказывается, тоже так похожи.

Реквизит выразительный, но компактный: помещается в пару чемоданов, что делает спектакль очень мобильным – актеры «Нетеатра» играют его на самых разных площадках.

«В 2021 году мы на основе спектакля «Беспечная нота» подготовили проект «История семьи – история России», который позволяет

доверительно и вдумчиво поговорить со школьниками начальных классов о Великой Отечественной войне, – рассказывает арт-директор «Нетеатра», актриса и автор проекта Ирина Сулима. – Его поддержал Фонд президентских грантов и правительство Нижегородской области. Помимо просмотра спектакля проект включает в себя внеклассные мероприятия, методическую поддержку учителей. В прошлом году в нем приняло участие более 500 нижегородских школьников, в этом году мы запланировали выезды в область».

ТЕАТР ЛИ «НЕТЕАТР»?

Из зрительного зала видится так: отрицательное «не» в названии «Нетеатра» – это полкило бунта, капля маркетингового кокетства и философия диалектики в действии. Вспомним теорию: отрицание – необходимая стадия развития любого объекта или процесса. Цепь отрицания старого и создания на этой основе нового бесконечна, это движущая сила бытия. В этом смысле «Нетеатр» – логичная ступень развития современного театра. «Театралы на фестивалях сравнивали мои пьесы со сценарием

для КВН, думая как-то этим задеть, но я не виноват, что у них не получается делать так же смешно. А главное, им не приходит в голову, что это не КВН, а Аристофан, – замечает Дмитрий. – Древнегреческая комедия – это же КВН чистой воды: соревнование, где материал предлагался к показу один раз, оценивался жюри и был основан исключительно на политической, общественной, городской, сиюминутной актуальности. А читаем у Островского в «Талантах и поклонниках»: «Теперь что там? Дивертисмент? – Рассказчик какой-то рассказывает. – Что ж, пойдёмте посмеёмтесь. – Коли есть чему, прибавьте, князь», – это же описание того, что мы сегодня назвали бы стендапом! Таким, каким мы знаем классический театр сейчас, он стал, по большому счету, лишь со Станиславского».

Сегодня режиссер, драматург, руководитель «Нетеатра» отрицает не сам театр, а некоторые явления в нем: цензурную лексику, оголения на сцене, «свободу» показывать непотребства, с одной стороны; бесконечные «перепевы» классики – с другой.

Марина Лобанова (слева) и Наталья Масленникова репетируют драму «Связанные»

Часть труппы «Нетеатра» во главе с режиссером. Слева направо: Иван Кудрин, Вера Романескул, Наталья Масленникова, Дмитрий Сухотерин, Алина Ильина, Марина Лобанова

«Театр – это место, где мы создаем ту реальность, в которой хотим жить, – убежден Сухотерин. – Это не зеркало и не увеличительное стекло. Когда мне говорят, что чернуха и вульгарность – это «правда жизни», я отвечаю: жизнь – разная, вы хотите выбрать для себя и своей семьи такую?.. А с другой стороны, очередная трактовка Чехова – тоже не то, чем должен жить современный театр. Антон Павлович писал свои пьесы для современников: для людей, которые покупали в театр билет, сравнимый по стоимости с коровой; для тех, у кого актуальная проблема – что делать с садом площадью в 1000 гектаров. Но мы не представляем истинного размера вишневого сада, хотя на это есть прямое указание в тексте, не понимаем без специальной подготовки и сотой доли того, что заложено автором». Дмитрий создал «Нетеатр», чтобы в него за духовной пищей

приходили самые обычные люди – с целью просто хорошо провести время, как в кино. И уходили с желанием менять жизнь вокруг к лучшему. «Хороший спектакль как слоеный пирог, – приводит Дмитрий любимое сравнение. – В нем должны быть слои, понятный даже детям, слой для взрослых и особенный, гурманский ингредиент, интересный наиболее подготовленной аудитории».

И НЕ ТОЛЬКО ТЕАТР

Новый дом «Нетеатра» тоже будет рассчитан на самых разных зрителей и объединит под своей крышей все то, чем не получалось заниматься на арендных площадях. Сухотерин планирует расширение репертуара и набор труппы из числа выпускников театральных училищ и вузов, у актрисы и арт-директора, а по совместительству супруги Дмитрия Ирины Сулимы тоже много идей. «С художницей Натальей Деминой

мы придумали проект «Немузей»: стены нашего театра станут галереей со сменной экспозицией, так что понравившуюся картину зрители смогут при желании забрать с собой. Также мне как молодой маме очень хочется организовывать семейные мероприятия, например концерты классической музыки для мам с малышами. Дмитрий готовит блестящие семинары по Шекспиру, в котором он влюбляет даже тех, кто не знает ничего, кроме фразы «быть или не быть».

Если все пойдет по плану, то в тот момент, когда эта статья увидит свет, на театральной карте Нижнего Новгорода и страны появится новая точка: ул. Большая Покровская, 4д, «Нетеатр». Сцена займет свое место, удобные кресла расположатся в зрительном зале, а в воздухе вместо пыли от побелки будет витать предвкушение интересного вечера. Запишите адрес – пригодится. 📍

ОСТРОВ БАЛЧУГ. МУЗЫКА И ШОКОЛАД

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИДЕЯ БЫЛА САМАЯ ПРОСТАЯ. НЕСПЕШНО ПРОГУЛЯТЬСЯ ПО ЗНАМЕНИТОЙ ЧАСТИ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ – ОСТРОВУ БАЛЧУГ. ПОСЕТИТЬ БЕРЕГА ДАВНО УЖЕ ДЕКОРАТИВНОГО ВОДООТВОДНОГО КАНАЛА. ПРОЙТИСЬ С ЮГО-ВОСТОКА НА СЕВЕРО-ЗАПАД. ЧТО-ТО ВСПОМНИТЬ И ЧТО-ТО УЗНАТЬ. НАВЕСТИТЬ ИСТОК И УСТЬЕ, КРАЙНИЕ ТОЧКИ КАНАЛА.

ОТДОХНУТЬ У ВОДЫ от суеты нашего большого города. Невелика задачка, думали мы с женой, – всего-то 4 километра и 11 мостиков, от почти родных и близких Кожевников до всем хорошо известной Стрелки.

Почему нет? Лето. Тянет к воде. Начало прогулки получилось, как и задумывалось. Мирно кругом и тихо. Вот Шлюзовая набережная. Вот впадает аккуратно узкий канал в могучую в здешних местах реку. Словно извиняется, что потре-

вожил. На той стороне реки выглядывает из строительных черно-зеленых сеток Новоспасский монастырь, поставленный на капитальный ремонт. Слева и справа перекинуты через реку мощные мосты – и никого, почти никого рядом с нами.

Правда, в сторонке, но весь в себе, смотрит на воду и курит дядя в бархатной куртке. Курит он трубку, трубка фасонистая, а дымок сладковатый. Не композитор ли?

На ступенечках, что ведут вниз на набережную, остатки завтрака: початая консервная банка «Кильки с овощами» (в народе «Братская могила»), пластиковый стаканчик на боку, пластиковая же вилка и пустая чет-

Юная москвичка оживила памятник скорбному Шостаковичу

лагает жена. Начинается скакание вверх-вниз по ступенькам, которых тут во множестве. Сам Дом музыки вблизи походит на огромную скороварку, а все остальные красноватые сооружения – недостроенный и почему-то брошенный город. Именно брошенный, потому что поутру в нем никого, кроме нас, нет! Лишь на ступеньках центрального входа сидит в черном чугунном кресле одинокий скрюченный человек с тем выражением лица, которое бывает, когда внезапно прихватило живот. Как выяснилось, это памятник композитору Дмитрию Шостаковичу.

Территория застройки, повторяю, велика и пустынна, она даже гигантская и настолько не соответствует тому, что было и есть вокруг, что диву даешься. Ау, московские традиции зодчества... Где и кто вас позабыл, потерял? Как это могло здесь вырасти? Кто разрешил? Кто одобрил? Кто спроектировал? Кто дал денег?

Равнодушное к нашему настроению Садовое кольцо на минутку примиряет с увиденным. Садовое кольцо как глоток свежего воздуха. Представляете? Там люди живут. Идут. Едут. А я-то куда попал?

«Что это такое – что?!» – восклицала моя учительница литерату-

вертинка белой... Нормально. Этаким пикник на обочине.

И пахнет рекой. Вольно. Безлюдно. И даже вечный московский строительный шум не напрягает, он где-то вдали, рушат потихоньку отслужившие свое кирпичные желтоватые домики.

И вот тут мы даем маху... Наверное, надо было спуститься к реке, на широкую Космодамианскую набережную, вольготную, знакомую, пустынную, и пройти по ней против течения к центру, свернув влево где-нибудь по дороге...

Но мы выбираем путь по каналу. По острову. По самой его середине.

Переходим через неказистый беленький мостик и попадаем

во двор огромной красноватой постройки, напоминающей недостроенную крепость и увенчанной к тому же нелепой стеклянной трубкой высотой до неба.

– Дом музыки, ну как не посмотреть вблизи? – справедливо по-

Дом музыки «оттяпал» у Балчуга почти 42 тысячи квадратных метров земли

ры в минуту крайнего недоумения. Именно это чувство сейчас испытывал и я. Ведь «с нами бог, а с ними композитор...» – утешает, как всегда, Высоцкий.

Издали, с той стороны реки, откуда-нибудь с Устьинского моста или с палубы катера, не исключено, все это нелепое построение выглядит более или менее прилично. Издали – ничего, привыкаешь. Не обращаешь внимания в конце концов. Но когда ты побывал внутри, в одиночестве, рядом... Батюшки мои, как ужасно. Сколько стекла и металла...

Нет, никакая музыка не возникает в моей душе, а возникает что-то совсем другое, богопротивное и далекое от всякой гармонии. Прочь, прочь!

Перекуриваем у Краснохолмского моста. Выясняем, что один маршрут автобуса на Балчуге все же сохранился. Вместо привычной и постоянной многолетней «шестерки» ходит тут теперь в помощь туристам и местным жителям номер 920. Очень хорошо. Для успокоения души проезжаем остановочку-другую до знакомого Комиссариатского мостика. Это уже второй, совсем иной мирок острова на нашем пути. Садовники! Большая улица и одноименная набережная. Неширокий извивающийся канал. Бетонные берега. В основе района привычная невысокая московская застройка конца позапрошлого века с элементами, и заметными, советской эпохи и малым пока, но тоже заметным, вкраплением эпохи новейшей, еще не имеющей, к слову сказать, окончательного названия.

Внизу, по каналу, никаких дорожек, к сожалению, не намостили, вблизи воды, под мостиками, пройти по городу не получится. К воде хода нет. Это обидно. Нет здесь пока и речного лодочного регулярного хода, хотя и ширина, и глубина канала позволяют небольшим суденышкам ходить, катать, проводить экскурсии с воды. Видно,

Садовническая
набережная
Водоотводного
канала

что-то пока не срастается экономически, а потому мы смотрим на воду сверху и много времени проводим у светофоров, потому как машин на узких улочках, переулках и поворотах, мягко говоря, хватает. Приходится делать много ненужных пешеходных кружков, чтобы вновь вернуться к воде.

Но мне кажется, судоходное движение по каналу – дело времени. Придет и сюда самый малый столичный судоходный флоток, облегчит путь отечественным и иностранным туристам на постоянной основе. Еще очередь на кораблики будет стоять, вот увидите.

Обжитое место! Люди здесь живут, учатся, работают. Когда-то и мне посчастливилось поработать в этих краях целых полгода. Редакция располагалась в мансарде, надстроенной над палатами XVIII века. Сразу за уголком штаба Московского военного округа. Газета пыталась сказать что-то новое про наше время. Получалось не очень.

С тех времен больше всего поменялись вывески. Вывески контор, офисов, кафе, ресторанов, магазинчиков, лавок, институтов, кондитерских... Более заметными стали церкви, нарумяненные и подкрашенные, позолоченные. Чуть ли не каждая назойливо

Садовническая
улица когда-то
была в садах

торгует выпечкой. Впрочем, свежий крендель – чем плох? Дворики в этих местах в основном небольшие, местной ребятне особо не разгуляться. Как всюду – полно строгих заборов и еще более строгих шлагбаумов – чтобы чужие не лезли, не приходили, не приезжали. Но общий облик Садовников остался неизменным. Почти до самого Чугунного моста места тут тишайшие. Не хватает разве садов, погибших давным-давно в результате наводнений, разливов Москвы-

реки, из-за которых, собственно, и был выстроен в конце XVIII столетия Водоотводный канал, сразу прозванный находчивыми москвичами «канавой». Зелени на Балчуге маловато. А вот не доходя до Чугунного моста, правее выходящей к нему Пятницкой улицы, начинается третий мирок острова – мирок шика и блеска, мирок знати и капитала. Мирок новейшего времени. Тянется он до Болота. До Стрелки. До Дома на набережной. До Большого Каменного моста.

Зарядье.
Смотровая
площадка над
Москвой-рекой

Святыни России.
Вид с Большого
Москворецкого
моста

Счастлив фотограф, вовремя вышедший с Пятницкой улицы на берег канала. Вовремя – это в полдень. Перед ним, прямо на солнышке, откроется историческая панорама времен! И кусочек Красной площади, и собор Василия Блаженного, и знаменитый спуск, и гранит Москвы-реки, и башни Кремля видны пока из самого сердца Замоскворечья.

Но именно – пока, потому что на первом плане весь почти горизонт заслоняют постройки новейшего времени, мощные пяти-семиэтажные квадраты, кубы-новоделы, сделанные почти под копирку то ли под офисы, то ли под гостиницы, то ли под элитное жилье, а скорее всего, под все это, вместе взятое. Строительство продолжается.

– Апартаменты, любезный?
– Сюда пожалуйста. В каком изволите расположиться?

Да, дорогие граждане, на другой стороне канала, на острове Балчуг, по соседству с одноименной улицей, чье происхождение историки-топонимисты соотносили с испорченным татарским «балчык» – «глина, топь», обычная человеческая, городская жизнь превратилась в могучее

властное гостинично-офисное царство.

Как говорится, из грязи в князи! Там уже не побродишь пешочком – не принято, да и к чему, а последним пешим приютом, видимо, является Подворье Соловецкого монастыря, тоже не последнего по значению и богатству монастыря России.

Здесь, на Пятницкой, струится и хлопочет обыкновенная жизнь. Среди привычных невысоких строений, среди мажорных церквей, торчащих из каждого переулка, среди музеев и баров, многочисленных ресторанов и забегаловок, среди привычного городского пейзажа живут люди... Бегают курьеры, просят милостыню нищие, спешат на бизнес-ланч офисный планктон, копаются в книжном развале седой и когда-то известный писатель, следуют в Третьяковку вслед за учительницей усталые школьники, девушки торгуют гжельским фарфором, назначают свидания у фонтана влюбленные, играют что-то несусветное уличные музыканты...

А напротив, через канал шириной в несколько метров – кипит строительство какой-то новой, еще неведомой жизни, с другой

Патриарший мост пересекает Москву-реку и Водоотводный канал с 2008 года

Подворье Соловецкого монастыря на Балчуге

архитектурой, другими запросами, другими ценностями.

Так, по крайней мере, представляется мне – с правого берега канала, с Кадашёвской набережной. Стоим, смотрим. Купол храма Христа Спасителя будто уселся на крышу Дома Правительства.

Ноги сами по себе ускоряются влево, до Лужкова моста, перебегают по нему к милому старому знакомцу Репину, мимо ужасающих душу и глаз шемякинских

изваяний грехов человеческих, мимо Болотной площади, на которой когда-то казнили Пугачева. – Канал здесь пошире и с плавающими фонтанами, а вот уток почему-то мало, уток куда больше в Садовниках, – говорю я.

– Неужели длина канала всего 4 километра? – сомневается жена. – Такое впечатление, что гораздо больше.

– И у меня ноги гудят, – соглашаюсь я. – Но до Стрелки близко.

Памятник И.Е. Репину на Болотной площади открыт в 1958 году.
Архитектор – Матвей Манизер

Новая архитектура острова расположилась напротив Кремля

Перекусываем наскоро у церковной лавки близ палат дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневке. Палаты, точнее, пристройка, что от палат осталась, – на реконструкции. Зато церковь Николая Чудотворца по соседству свежеекрашена и окружена экскурсантами почтенного возраста.

После громады Дома на набережной, после лесов у Театра эстрады приятно смотреть и на трехэтажные остатки XVII века, и на широкую гладь реки, и на белый новехонький катер, неспешно идущий полупустым вниз к Кремлю...

Вспоминаю, как занимался в детстве в бассейне «Москва». Над бассейном от реки тянуло шоколадным ароматом с «Красного Октября», а самым трудным было перед плаванием обегать бассейн восемь раз кряду. Обязательный кросс, а потом километра три свободным стилем – по вторникам, четвергам и субботам. По понедельникам, средам, пятницам нагрузка в воде была больше, а круги бега – прежними.

Теперь запаха шоколада в воздухе нет. Ничем сладким теперь не пахнет.

Хотя вывеска «Красный Октябрь. Т-во Эйнемъ. 1851. Российские

Две эпохи.
XX век навис над веком XVII

традиции качества» видна издалека. Сохранились и обновленные указатели – «Механический цех», «Конфетный цех», «Шоколадный цех», «Цех первичной обработки», «Ореховый цех»... Болотная набережная, 5, строение 1.

На самом же деле в этих отреставрированных или переделанных бывших цехах – модное арт-пространство с многочисленными едальнями, магазинами, фирмами, офисами, музейчиками, выставками, салонами и ночными клубами... Это арт-кластер, товарищи!

– Может быть, купить тебе фрак? Имеются скидки, – кивает жена на объявление аршинными буквами.

– Уже поздно, – отвечаю я, раздосадованный тем, что, собственно, и на саму Стрелку, к воде, выхода нет, а есть металлический забор и объезд для машин.

Названия есть, предмета нет – в этом суть увиденного на Стрелке. Есть бутафория. Бутафория старых времен и торжество новых смыслов.

А я ведь застал здесь популярный гребной клуб с многолетними традициями. Хотя не застал дней, когда на Стрелке купались. Теперь и к знаменитому гребному домику вход воспрещен. Забор.

В культурный дом бывшей ГЭС-2, очень красиво отстроенный, белый, воздушный, зайти можно, только предварительно зарегистрировавшись на специальном сайте... Зачем? Что за выдумки? Почему чашка кофе или выбор книг в этом месте требует обязательной регистрации? Почему?

У поразительного своим видом и размером монумента «Большая глина» дежурит строгий молодой охранник. На груди – бирка. И взгляд решительный.

– Неужели хотят похитить? – интересуюсь я.

– Похитить – нет. А залезть – хотят. И разрисовать очень хотят, – невозмутимо отвечает охранник.

– А может, пусть разрисовывают? – уточняю я. – Может, хуже не будет?

ГЭС-2.
Культурное пространство начала XXI века

Охранник отвернулся. Будто не слышал вопроса. Или устал от них.

Некогда любимый кинотеатр «Ударник» наконец-то куплен и тоже стоит в лесах. Радует, что этот единственный в своем роде памятник эпохи конструктивизма обрел хозяина. Сколько лет он стоял закрытым. Пустым и темным. Никому не нужным. Вот только... Новый хозяин «Ударника» – тот же господин, что хозяйничает на бывшей ГЭС-2... Что, если и в «Ударник» он будет пускать не всех,

а строго по интернету, через предварительную регистрацию на специальном сайте? А что? И очень даже просто.

Людей старше 30 лет на Стрелке не видно. Кроме нас и знакомых уже экскурсантов, людей с большим жизненным опытом. Все мы имеем тут несколько потерянный вид.

Здесь царствует молодежь, у которой свой язык, свои взгляды, свои моды и свои выборы. И даже своя походка. Этакая смартфонная развалня, с ленцой.

Шоколада на местной фабрике больше не выпускают

Кинотеатр «Ударник» (1931) обрел нового хозяина. Смотрим кино?

Да, пожалуй, на Стрелке мы чувствуем себя лишними, будто забрели туда, где нас никто и никогда не ждал.

Водоотводный канал – тот невозмутим. Он и не такое видал. Он здесь широк и весел на солнце. Он входит в самостоятельное течение из Москвы-реки с гордым видом.

Жена фотографирует длиннющего Петра за штурвалом.

– Зачем? – удивился я.

– Когда мы еще здесь будем? Да и будем ли?

С облегчением садимся в автобус на площади. Пятичасовая прогулка пешим ходом дает себя знать. Порекомендую ли я хорошему знакомому этот островной маршрут? Почему бы и нет? Да, не везде и не всюду по пути отдыхает душа. Не везде радуется нахальное новое. Но ведь это нормально, так и должно быть в городе, в котором столько городов и где даже островок, зажатый между рекой и каналом, распадается на четыре мирка.

«Балчуг – это какое-то особенное Замоскворечье», – подводит итог жена, и я, соглашаясь, киваю в ответ: «Жаль, что по каналу лодки не ходят»... 📍

Петр I Зураба Церетели дежурит по Москве с 1997 года

ВОДОРОСЛЯМ – КРЫШКА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«МАМА, КОГДА ПРИВЕЗУТ РЫБОК?!» – В КОТОРЫЙ РАЗ СПРАШИВАЕТ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК В СИНЕЙ КУРТКЕ. «ПОДОЖДИ, СКОРО», – УСПОКАИВАЕТ ЕГО МАМА. С РАННЕГО УТРА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ СОБРАЛАСЬ ТОЛПА РОДИТЕЛЕЙ С ДЕТЬМИ. ВСЕ – В РЕЗИНОВЫХ САПОГАХ. МНОГИЕ ИЗ РЕБЯТИШЕК НЕ ОТХОДЯТ ОТ ОГРОМНОГО АКВАРИУМА, УСТАНОВЛЕННОГО НА СТОЛЕ НЕПОДАЛЕКУ ОТ ВОДЫ. У НЕКОТОРЫХ В РУКАХ ПЛАСТИКОВЫЕ КОВШИКИ И ПРОЗРАЧНЫЕ КОНТЕЙНЕРЫ. БОЛЬШИНСТВО ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ВСЮ ЗИМУ СОБИРАЛИ И СДАВАЛИ ПЛАСТИКОВЫЕ КРЫШЕЧКИ ОТ БУТЫЛОК С РАЗЛИЧНЫМИ НАПИТКАМИ. ЗАЧЕМ?

А ЗАТЕМ, ЧТО В РАМКАХ проекта «Водорослям крышка!» собранные крышки перерабатываются в гранулы вторичного сырья, а на вырученные за них средства закупаются мальки разных пород рыб. Выпустить их в Волгу приглашаются все желающие. Но первыми это делают активисты проекта. ...Мальчик в синей куртке бродит по берегу с самого утра и копается в песке. Он даже успел сделать кораблик из куска коры с парусом из листика и отправил его в плавание.

Мужчина в желто-черной униформе устанавливает флаги с девизами «Волга, живи!» и «Водорослям крышка!», полотнища которых тут же начинает трепать ветер с реки. Мужчину тоже непрерывно одолевают вопросами о том, когда же приедет машина с мальками. «Скоро, скоро! – отвечает он. – Она уже в пути!» То же самое он говорил и час назад. Организатор акции Татьяна Хохлова разводит руками: машина действительно уже в пути. Она просит подождать с вопросами о сегодняшней акции, ради ко-

торой на берег Волги рядом с городом Энгельсом приехало столько людей.

«Да это еще не так уж и много!» – машет рукой муж Татьяны Николай, уже установивший все флаги. Оказывается, осенью прошлого года, во время пре-

Формулу «100 крышек = 1 малек» знают даже дети

дыдущей акции по выпуску мальков в реку в селе Елшанка, собралось гораздо больше людей. Пришлось даже автобусы нанимать.

Наконец берег оглашается радостными криками: собравшиеся заметили приближающуюся машину. «Ура! Едут!» – кричат дети. В кузове синего КамАЗа пять белых контейнеров с надписью «Живая рыба». Грузовик медленно и осторожно съезжает задними колесами в воду.

ЖДЕМ ПРАЗДНИКА

В кузов забираются два рыбовода в зеленой униформе, теплых вязаных шапочках и высоких болотных сапогах. Командует ими Николай Васильевич Постнов. Он очень доволен, что к месту выпуска мальков вела хорошая асфальтовая дорога. А то, бывает, покажут зарыбить какой-нибудь пруд в глуши, и приходится трястись по грунтовке. Здесь же даже съезд в реку оборудо-

Чудесный груз прибыл!

Лозунг, под которым идет спасение Волги, объединяет и детей, и взрослых

ван, по которому можно заехать в воду поглубже. Тут Николай Васильевич прерывает разговор и кричит одному из рыбоводов, чтобы тот пошевелился. «Что ты там возишься? Сколько еще ждать?» Оказывается, этот молодой рыбовод Илья – родной внук Николая Васильевича. Между прочим, директор ООО «Тёпловский рыбопитомник», в котором организаторы проекта «Водорослям крышка!» закупили мальков для нынешней акции. Вообще, Николай Васильевич на всех покрикивает. К колесам КамАЗа близко подошли – надо отогнать, чтоб не случилось чего. Под борт кузова грузовика, который нужно будет открыть, вставать нельзя. Николай Васильевич даже заметил, что кто-то прошелся по цветочной клумбе, и разнервничался: а вдруг кто-нибудь из местных нарушению зафиксирует, потом еще штраф плати. «Кто по клумбам тут ходит?!» – кричит он. Затем Николай Васильевич собирает вокруг себя детей и родителей и объясняет: «Когда привозишь рыбу и выпускаешь, то очень важна температура воды. Разница температур в реке и в баке с мальками не должна быть более 6 градусов! А то рыба испытает термический шок».

Опытный рыбовод по-хозяйски оглядывает водную акваторию. И выдает заключение. Тут заводь, протоки нет, рыба зайдет в тихие места и акклиматизируется. Для пробы Николай Васильевич велит внуку набрать в черный таз мальков, дает их рассмотреть собравшимся и лихо опрокидывает таз в воду. Рыбки долго стоят у берега в прозрачной воде, шевеля плавниками и хвостами. Дети поднимают восторженный визг. К нам спешит Татьяна Хохлова. Она укоряет Николая Васильевича за то, что он нарушил порядок проведения акции. Сначала ведь нужно наградить самых активных участников проекта «Водорослям крышка!», рассказать о работе, зачи-

тать короткий отчет с цифрами. А Николай Васильевич отвлекает людей: теперь надо снова всех собрать у площадки с флагами. «Да у нас так – проба... Репетиция», – бормочет в ответ Николай Васильевич, неохотно расставаясь с ролью главного героя мероприятия. Илье, который стоит в кузове грузовика, он велит отложить сачок и спуститься вниз. «Ждем, когда праздник начнется!» – объясняет Николай Васильевич внуку, когда тот встает рядом с дедом, растирая покрасневшие от холодной воды руки.

Вот так началась четвертая по счету акция торжественного выпуска мальков белого амура и толстолобика в Волгу, призванная спасти великую русскую реку от заболачивания и зарастания водорослями.

САМЫЙ ТВЕРДЫЙ КУРС

Экологический проект «Водорослям крышка!» был организован два года назад саратовской автономной некоммерческой организацией «Центр экологических решений и защиты окружающей среды «Экологизатор». В прошлом году проект был признан победителем конкурса Фонда президентских грантов. Оздоровление Волги является частью национального проекта «Экология». Напряженная экологическая ситуация в бассейне реки Волги связана в том числе с активным цветением реки, чрезмерным размножением водорослей и замором рыбы. Решить проблему фильтрации и очистки Волги помогает искусственное зарыбление реки отдельными видами рыбы, поедающими водоросли. Поэтому организаторы проекта «Водорослям крышка!» поставили перед собой цель дважды в год выпускать в Волгу мальков толстолобика, белого амура и сазана.

Взрослые особи этих видов рыб поедают фитопланктон, объем которого ежедневно достигает 30 процентов от их собственной массы. Грубо говоря, 100 тысяч рыб весом 3,5 килограмма в

Татьяна Хохлова мечтает прожить до 100 лет и все эти годы посвятить спасению природы родного края

день смогут съесть до 100 тонн водорослей! Вот вам и способ очистить Волгу.

АНО «Экологизатор» осуществляет отдельный сбор пластиковых крышечек в школьных и дошкольных учреждениях, вузах, на общественных площад-

ках Саратова и Саратовской области. Всего 100 крышечек помогут выпустить в Волгу одного малька-спасателя. Какие именно крышечки нужно собирать, можно узнать, рассмотрев большие пакеты, с которыми ходят здесь многие дети. На них доходчиво представлена вся необходимая информация.

«Предупреждаем: вода очень холодная! – сообщают организаторы. – Родители! Следите, чтобы дети не заходили далеко в воду! Чтобы по колено не заходили».

«А когда-то мы тут купались с твоим отцом», – говорит Николай Васильевич внуку. Мы все вместе идем к главной площадке акции, где появились люди в форме сотрудников Росрыболовства.

Старший госинспектор Волго-Камского территориального управления Росрыболовства Виктор Солодкий, приехавший наблюдать за процессом выпуска малька, Постнова знает давно. Однако он осматривает мальков и следит за действиями рыбвода и его внука без скидок на давнее знакомство. Николай Васильевич держится с госинспектором уважительно. «Вот, смотрите. Мальков черпаем из емкости сачком. Мальки хорошие,

Рыбоводы терпимы к любопытству детей

все как на подбор», – объясняет Николай Васильевич.

Инспектору предстоит написать заключение о сегодняшней акции, оценить качество мальков – активные, энергичные они или нет. Виктор Солодкий внимательно осматривает рыбу, потом оглядывает реку. Вода блестит на солнце, ветер гонит крутую волну. «Мероприятие важное и нужное», – говорит госинспектор, рассматривая флаги, аквариум, толпу на берегу и флаги с надписями «Водорослям крышка!». Многие дети держат в руках маленькие плакаты с надписями «Лучшее море на свете – Волга», «Мама, папа и я – экологичная семья». Но чаще других встречается тот, которым украшен бок большой фанерной рыбы у площадки акции: «100 крышек = 1 малек». Каждому из гостей, прибывших

на торжественный выпуск малька, известна эта формула. Она действует уже два года. Как шутят организаторы акции, курс обмена крышек на малька самый твердый в мире.

Выпуск основной массы мальков осуществляется через трубу

Этим маленьким рыбкам, отливающим серебром, предстоит очищать Волгу

СЕГОЛЕТКИ-СПАСАТЕЛИ

Мальчик в синей куртке, вооружившись зеленым ковшиком, занял место поближе к пустому аквариуму. Ждать кульминации акции осталось недолго. К аквариуму уже выстроилась очередь. В нынешнем сезоне участники проекта собрали 4 тонны 200 килограммов крышек и закупили на вырученные от переработки средства 21 045 мальков.

А на отдельно объявленный сбор денежных средств на сайте «Водорослям крышка!» удалось закупить еще тысячу мальков белого амура и толстолобика. Ну и «Тёпловский рыбопитомник» подкинул мальков по собственной инициативе. Так что на сегодняшней, четвертой по счету акции мальков выпустят больше, чем на предыдущих трех. Всего же за два года работы проекта удалось собрать более 15 тонн

В прозрачной воде отчетливо виден каждый новый жилец великой русской реки

крышечек и выпустить в Волгу 87 тысяч мальков! «Приближаемся к заветной цели – 100 тысяч мальков! Этот показатель будет достигнут на следующей акции – уже нынешней осенью!» – радуются организаторы проекта. И тут – сюрприз. Выясняется, что с количеством мальков, которых сегодня выпустят в Волгу, произошла ошибка. Николай Васильевич Постнов выходит вперед и вносит уточнение, переводя все на более привычные ему килограммы. Загибая пальцы, он считает: под акцию в «Тёпловском рыбопитомнике» закупили 550 килограммов малька. Он со своими коллегами решил дополнительно внести добровольный вклад – 200 килограммов малька. Итого – 750 килограммов малька. В пересчете на рыбок получается, что в Волгу сегодня выпустят около 38 тысяч мальков!

Разбегаются мальки шустро и бодро

Толпа взрывается аплодисментами, слышны возгласы: «Молодцы!» Николай Васильевич машет руками, требуя тишины. «А если вы будете продолжать акции и будете еще больше у нас закупать мальков, то и мы увеличим свою добровольную поддержку вашей акции до 2 тонн мальков! Без проблем сможем подарить вам 2 тонны!» – говорит Постнов. Толпа снова взрывается аплодисментами. Дети так громко кричат «Водорослям крышка!», что стая чаек, фланировавшая над водой, спешно улетает прочь. Николай Васильевич командует внуку: «Начерпайте ведро рыбы без воды!» Белый амур и толстолобик подпрыгивают, будто в каждом из них пружина. Кажется, что из сачка льется поток живого серебра. К аквариуму рыбовод пробивается через толпу, высоко подни-

А с берега слышны детский смех и крики «Плывет! Плывет!». Дети заворуженно наблюдают за тем, как выпущенная из ковшика рыбка медленно уплывает на глубину.

Кто-то замечает: «А мальки-то не маленькие!» «Это сеголетки. Подросли. Чтобы выше приживаемость была! Вес от 25 до 40 граммов», – объясняет госинспектор Виктор Солодкий. Контролирующие выпуск малька госинспекторы внимательно наблюдают за тем, как выпущенная рыба чувствует себя в воде. Не вялая ли она? В меру ли энергична? Претензий нет. Малек покидает место выпуска и уходит в водоем быстро. Это хорошо видно в прозрачной воде.

Вообще-то после зимы вода чистая по всей Волге. Но Виктор Солодкий вздыхает и говорит, что главную артерию страны надо чистить. А то река зарастает, и в ней становятся хозяевами щуки и караси. А польза от малька белого амура и толстолобика, который станет поедать водоросли, будет несомненная.

Праздник продолжается долго. Вода у берега из прозрачной превращается в мутную. Еще бы! Дети с таким азартом выпускали мальков, заходя в воду, что подняли со дна песок и ил. Кто-то набрал в сапоги воды. Кто-то замочил рукава курточки. Но с берега никто не уходит. Дети забираются на спины отцов, чтобы попытаться разглядеть в воде выпущенных ими рыбок.

Организаторы просят успокоиться, увещевают: многие участники акции выпустили уже не по одному, а по десять мальков. Аквариум вычерпали уже несколько раз. Нужно готовиться к массовому выпуску малька в воду из кузова грузовика. Один из рыбоводов спорит с Постновым. Тот просит начерпать еще одно ведро. «Ну нам же сказали: с аквариумом – всё! Готовимся к массовому выпуску!» – кричит он. «Ну давай еще чуток! – настаивает Николай Васильевич. – Одно ведро!» Ему хочется еще раз наполнить аквариум, чтобы порадовать детей.

мая ведро с мальками. «Дайте пройти!» – кричит он. «Друзья, пропустите Николая Васильевича!» – тоже кричит Татьяна. Мы удивляемся, как у него мальков не растащили по дороге. Под восторженный стон детей рыбовод вываливает ведро мальков в аквариум и наслаждается произведенным эффектом. Теперь мальчик в синей куртке может зачерпнуть своим ковшиком малька, бережно донести до берега и собственноручно выпустить нового обитателя в Волгу. Дети толкаются. Ковшиков не хватает. Глядя на ажиотаж и быстро исчезающую из аквариума рыбу, Николай Васильевич кричит: «Сейчас еще принесу!» Добраться до рыбовоза и снова пробиться с полным ведром мальков к аквариуму становится все тяжелее. Но Постнов рад. Рутинный процесс, к которому он

давно привык, сегодня превратился в праздник. «Стойте-стойте, не торопитесь, не толкайтесь! – уговаривает он детвору. – На всех хватит!» Отовсюду слышны детские голоса. «Дайте мне!» «А еще можно взять?» «Ой, рыбка прыгает!»

Зачерпнуть малька ковшиком и отнести к берегу – это праздник!

На волжском песке есть место всем

ЛУЧШАЯ НАГРАДА

По нормативам во время выпуска малька какой-то процент рыбок может погибнуть. Но ни одна из выпущенных рыбок не плавают брюхом кверху.

Татьяна Хохлова объявляет о завершении акции и направляется к берегу. Она идет вдоль кромки воды. Кругом следы детских сапожек. Ни одного малька у берега не видно. Все ушли на глубину. Татьяна довольна улыбается и кивает: теперь можно и поговорить. Пока ее муж собирает оборудование, которое они привезли для праздника, она успевает рассказать про свои последние пять лет жизни.

Татьяна работает начальником отдела маркетинга на хлебопекарном предприятии Саратова. Как-то шла она по улице Саперной и заметила, что прекрасная аллея слишком сильно замусорена. «Я вдруг сама себе сказала, что надо что-то делать с мусором!» Просто убирать его недостаточно. Начала с того, что стала сортировать отходы. Исключила из использования в быту одноразовые предметы – бахилы, пакетики, перешла на их многократно

вые аналоги. Супруг поддержал ее идеи. А потом присоединились и другие. В микрорайоне, где она живет, люди уже отказываются от пластиковых пакетов, которые предлагают на кассах магазинов. Они пользуются своими сумками. Это все результат деятельности Татьяны и ее подруги Екатерины Барановой, с которой они создали и зарегистрировали АНО «Центр экологических решений и защиты окружающей среды «Экологизатор». Помещение, где волонтеры сортируют собранный пластик, женщины арендуют на свои личные средства.

Как родилась идея с мальками? Случайно. Кто-то обратил внимание Татьяны и Екатерины на то, что пластиковые крышечки, которые они собирают, похожи на рыбью чешую. Так и пришла мысль средства, вырученные от переработки крышечек, тратить на покупку мальков и выпускать их в Волгу. Татьяна родилась и выросла в Саратове. Волга – часть ее жизни. Так что идея сразу пришла по вкусу.

Знакомый дизайнер придумал логотип: в воронку засыпаются

крышки, а из нее выплывают маленькие рыбки.

Первый выпуск мальков провели в октябре 2021 года.

...Выпущенный сегодня малек останется в заливе, вырастет и будет поедать водоросли и камыши. Об этом, собирая и складывая флаги, вслух рассуждает муж Татьяны Николай. «Ну что, довольна?» – спрашивает он жену. «Конечно! Только замерзли все немного», – отвечает Татьяна. И говорит, что сильно переживала: накануне акции несколько дней бушевали ливни с ураганным ветром. «Зато сегодня – солнце! Как по заказу!»

Николай уже собрал все оборудование и терпеливо ждет жену. Он знает, зачем Татьяна снова пошла к реке. Она ходит вдоль кромки воды и, останавливаясь, подолгу смотрит на бегущие волны. Если внимательно присмотреться, то можно увидеть, что посередине залива гладь воды бурлит. Тысячи и тысячи мальков поднялись с холодной глубины к нагретой солнцем поверхности. Для Татьяны это зрелище – самая лучшая награда. 🍀

В добрый путь!

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ru

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delipress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.ruskiymir.ru